

А. Фолькмар (1827–1867). Прощание эмигрантов

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 1 (10) / 2023

**ДИНАМИКА
И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ**

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ
И
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

**Научный журнал
№ 1 (10) / 2023**

**ДИНАМИКА
И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ**

Издается с 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Составитель номера – канд. геогр. наук М.А. Положихина

**Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)**

**SOCIAL NOVELTIES
AND
SOCIAL SCIENCES**

**Scholarly journal
№ 1 (10) / 2023**

**DYNAMICS
AND
FREQUENCY OF MIGRAINES**

Published since 2020

Issued quarterly

The compiler of the names is –
M.A. Polozhikhina (PhD Geogr. Sci.)

Учредитель:
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: *О.В. Большакова* – д-р ист. наук

Заместитель главного редактора: *М.А. Положихина* – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь – *И.А. Чувычкина*

Редакционная коллегия: *Борисоглебская Л.Н.* – д-р экон. наук, канд. техн. наук (Курск, Россия);
Быков А.А. – д-р экон. наук (Беларусь); *Гребенищикова Е.Г.* – д-р филос. наук (Москва, Россия);
Долгов А.Ю. – канд. социол. наук (Москва, Россия); *Казакова А.Ю.* – д-р социол. наук
(Москва, Россия); *Коровникова Н.А.* – канд. полит. наук (Москва, Россия); *Манучарян М.Г.* –
канд. экон. наук (Армения); *Мелешикина Е.Ю.* – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Николаева У.Г.* –
д-р соц. наук (Москва, Россия); *Погосян Г.А.* – академик НАН РА, д-р социол. наук (Армения);
Смирнов С.Н. – д-р экон. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет: *Кузнецов А.В.* – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (Москва, Россия); *Акбердина В.И.* –
чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (Екатеринбург, Россия); *Алферова Е.В.* – канд. юр. наук (Москва,
Россия); *Батцэнгэл Хуухээ* – д-р экон. наук (Монголия); *Бровко Н.А.* – д-р экон. наук (Киргизия);
Додонов В.Ю. – д-р экон. наук (Казахстан); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (Москва, Россия);
Кашепов А.В. – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Лоскутова И.М.* – д-р соц. наук (Москва,
Россия); *Макашева Н.А.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Мысливец Н.Л.* – канд. социол. наук
(Беларусь); *Петров В.Н.* – д-р социол. наук (Краснодар, Россия); *Прокапало О.М.* – д-р экон.
наук (Хабаровск, Россия); *Файзуллоев М.К.* – д-р экон. наук (Таджикистан); *Чепель С.В.* –
д-р экон. наук (Узбекистан); *Чжан Шухуа* – PhD (Китай)

ISSN 2712–7826

© ИНИОН РАН, 2023

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Editorials

Editor-in-Chief:
Olga Bolshakova, DrS. (Hist. Sci.)

Deputy editor-in-chief:
Maria Polozhikhina, PhD (Geogr. Sci.)

Executive secretary:
Inna Chuvychkina, PhD

Editorial board: *Borisoglebskaya L.N.* (DrS Econ., PhD Tech. Sci.), Kursk, Russia; *Bykov A.A.* (DrS Econ. Sci.), Belarus; *Grebenshchikova E.G.* (DrS Philos. Sci.), Moscow, Russia; *Dolgov A. Yu.* (PhD Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Kazakova A. Yu.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Korovnikova N.A.* (PhD Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Manucharyan M.D.* (PhD Econ. Sci.), Armenia; *Meleshkina E. Yu.* (DrS Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Nikolaeva U.G.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Pogosyan G.A.* (Academician of the National Academy of Sciences, DrS Soc. Sci.), Armenia; *Smirnov S.N.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia

Advisory board: *Kuznetsov A.S.* (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Akberdina V.I.* (Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci.), Yekaterinburg, Russia; *Alferova E.V.* (PhD Low Sci.), Moscow, Russia; *Battsengel Huuhee* (DrS Econ. Sci.), Mongolia; *Brovko N.A.* (DrS Econ. Sci.), Kyrgyzstan; *Dodonov V. Yu.* (DrS Econ. Sci.), Kazakhstan; *Efremenko D.V.* (DrS Polit. Sci.), Moscow, Russia; *Kashepov A.S.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Loskutova I.M.* (DrS Soc. Sci.), Moscow, Russia; *Makasheva N.A.* (DrS Econ. Sci.), Moscow, Russia; *Myshlivets N.L.* (PhD Soc. Sci.), Belarus; *Petrov V.N.* (DrS Soc. Sci.), Krasnodar, Russia; *Prokapalo O.M.* (DrS Econ. Sci.), Khabarovsk, Russia; *Fayzulloev M.K.* (DrS Econ. Sci.), Tajikistan; *Chepel S.S.* (DrS Econ. Sci.), Uzbekistan; *Zhang Shuhua* (DrS), China

ISSN 2712–7826

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	7
--------------------------	---

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: МИГРАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

<i>Бураев Алексей Игнатьевич, Дикий Ярослав Витальевич</i> Влияние миграций на формирование антропологического состава древнего населения Бурятии...	11
<i>Положихина Мария Анатольевна</i> Особенности современных миграций и их последствия. (Обзор)	20

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Ткаченко Александр Александрович</i> Миграционная политика стран постсоветского пространства: метаморфозы и результаты	38
<i>Смирнов Сергей Николаевич</i> Миграционная привлекательность регионов России	55
<i>Дьяченко Владимир Николаевич, Лазарева Виктория Владимировна, Бурлаев Евгений Алексеевич</i> Оценка территориальной мобильности и миграции населения на Дальнем Востоке (на примере Амурской области)	72
<i>Анна Николаевна Полухина</i> Образовательный туризм в России и проблема адаптации мигрантов (на примере деятельности Поволжского государственного технологического университета)	86

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

<i>Долгов Борис Васильевич</i> Влияние мусульманской иммиграции на социально-политические процессы в Европе: опыт Франции. (Обзор)	98
<i>Жидкова Александра Васильевна</i> Влияние иммиграции на электоральную поддержку французских крайне правых: на примере партии «Национальное объединение»	111
<i>Норик Борис Вячеславович</i>	
Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила?	122
<i>Андрианова Роза Ахбановна</i> Мигрантофобия и ксенофобия как факторы формирования экстремистского поведения	139

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

<i>Пряжникова Ольга Николаевна</i> Безопасная миграция. Рецензия на книгу: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 219 p.	150
--	-----

Contents

Introducing the issue	7
-----------------------------	---

The space of discourse

<i>Buraev A.I., Dikiy Ya.V.</i> The influence of migrations on the formation of the anthropological composition of the ancient population of Buryatia	11
<i>Polozhikhina M.A.</i> Features of modern migrations and their consequences. (Review)	20

Point of view

<i>Tkachenko A.A.</i> Migration policy of the post-soviet countries: metamorphoses and results	38
<i>Smirnov S.N.</i> Migration attractiveness of Russian regions	55
<i>Dyachenko V.N., Lazareva V.V., Burlaev E.A.</i> Assessment of territorial mobility and migration of the population in the Far East (on the example of the Amur Region)	72
<i>Polukhina A.N.</i> Educational tourism in Russia and the problem of migrant adaptation (on the example of the Volga State University of Technology)	86

Human factor

<i>Dolgov B.V.</i> The influence of Muslim immigration on socio-political processes in Europe: the experience of France. (Review)	98
<i>Zhidkova A.V.</i> The impact of immigration on the electoral support of the French far-right: on the example of the party National Rally	111
<i>Norik B.V.</i> Afghan migrants in Iran: internal security threat or future proxy force?	122
<i>Andrianova R.A.</i> Migrant phobia and xenophobia as factors of extremist behavior formation	139

Professional opinion

<i>Pryazhnikova O.N.</i> Safe migration. Review of the book: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia	150
---	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В первом номере журнала текущего года мы обращаемся к новой для него проблематике – миграциям, их развитию во времени и пространстве, особенностям и значению. Сама эта тема для общественных наук далеко не нова. Однако она периодически актуализируется в связи со всплесками миграционных потоков, вызванных часто неблагоприятными и даже трагическими событиями – природными катаклизмами или военно-политическими конфликтами. Постоянно действующими также являются факторы, определяющие стабильный рост миграций, прежде всего трудовой, которая детерминирована социально-экономическими условиями разных стран и регионов, особенностями их рынков труда и т.д. Кроме того, без учета миграционного движения населения невозможно понять и объяснить процессы этногенеза, формирования наций, создания государств и отдельных региональных сообществ. Наконец, вопросы регулирования миграций составляют важное направление государственного управления и требуют глубокой правовой проработки. Причем динамичность миграций и их непрерывные изменения приводят к возникновению новых проблем, решение которых обуславливает необходимость постоянного мониторинга и новых исследований.

Многогранность феномена миграций и их значимость как в прошлом, так и в настоящем и будущем определяют интерес к данной теме со стороны представителей разных отраслей научного знания. Это действительно предмет междисциплинарных исследований, в связи с чем соединение результатов, полученных разными специалистами, дает видимый синергетический эффект.

В настоящее время злободневность миграционной тематики в научно-практическом плане вновь обострилась – и в глобальном масштабе, и для России в частности. Поэтому в рамках журнала мы предоставляем специалистам площадку для обсуждения связанных с ней вопросов.

Первый раздел настоящего выпуска – **«Пространство дискурса»** – содержит работы, в которых проблематика миграций рассматривается преимущественно в исторических и теоретико-методологических ракурсах. Так, работа *А.И. Бураева и Я.В. Дикого* посвящена теме миграций древних народов по территории современной Бурятии и Прибайкалья с V в. до н.э. до приблизительно II в. н.э. На основании археологических и антропологических материалов, а также данных письменных источников показана ведущая роль интенсивных миграций разных народов и взаимо-

действия различных культур в процессе формирования этногенетического состава древнего населения региона.

В обзоре *М.А. Положихиной* рассматриваются масштабы, динамика и особенности современных миграционных потоков как в глобальном контексте, так и применительно к России. Обсуждаются вопросы оценки количества мигрантов, в том числе эмигрантов из России и беженцев из Украины. Приводятся сведения о социально-экономических последствиях разных видов миграций, служащих основой для постановки задач и формирования направлений государственной миграционной политики.

В разделе «**Точка зрения**» помещены статьи, посвященные в основном миграциям в России – как внутренним, так и внешним. Открывает раздел работа *А.А. Ткаченко*, в которой анализируется динамика миграционных потоков между странами СНГ и Россией с выделением миграции между Россией и странами ЕАЭС. Особое внимание уделяется изучению документов и практики продвижения стран ЕАЭС и СНГ к общему рынку труда, позволившему автору сделать выводы о необходимых шагах в этом направлении и предложить ряд конкретных мер.

В статье *С.Н. Смирнова* анализируются данные отечественной миграционной статистики за 2005, 2010 и 2020 гг. с точки зрения выявления привлекательных и непривлекательных для мигрантов территорий. На этой основе сделан вывод о том, что количество привлекательных для мигрантов российских регионов ограничено, а сам их состав с течением времени меняется незначительно. Перспективы же внутренней и внешней миграции в России в настоящее время остаются неясными, что определяет необходимость мониторинга и последующего анализа миграционных потоков в стране.

Целью исследования *В.Н. Дьяченко, В.В. Лазаревой и Е.А. Бурлаева*, результаты которого представлены в настоящем номере, являлась оценка миграционных процессов на Дальнем Востоке в условиях современной территориальной мобильности населения и трансформаций на рынке труда. Проанализировав на основе данных официальной статистики масштабы территориальной мобильности населения и внешней трудовой миграции в Амурской области, авторы делают выводы об особенностях оттока и перераспределения населения в пределах Дальнего Востока, расширении практики занятости за пределами постоянных мест проживания людей. Также выдвигаются предложения по повышению эффективности государственного и муниципального управления в сфере занятости населения, сближения его задач с потребностями рассматриваемых территорий и их развитием.

Статья *А.Н. Полухиной* посвящена теме образовательного туризма в России в контексте увеличения количества иностранных обучающихся в отечественных вузах. На примере деятельности Поволжского государственного технологического университета автор поднимает острые вопросы

обустройства и адаптации в стране иностранных граждан – мигрантов, а также приводит возможные направления решения проблем.

В третий раздел номера – **«Человеческий фактор»** – вошли материалы, касающиеся социально-политических аспектов миграции и их восприятия в обществе преимущественно зарубежных стран.

Открывает раздел обзор *Б.В. Долгова*, в котором раскрывается феномен многолетнего существования во Франции мусульманского сообщества – самого многочисленного в Западной Европе. Показаны этапы его формирования, а также описаны организации, созданные в ходе этого социокультурного процесса. Обсуждается усиление влияния мусульманской диаспоры в социально-политических процессах во Франции в 2015–2020 гг., которое ведет к размежеванию французского социума и к его трансформации.

В продолжение рассматриваемой темы в статье *А.В. Жидковой* анализируется, как иммиграция влияет на электоральную поддержку французской крайне правой партии «Национальное объединение». Изучается, насколько антииммиграционные настроения распространены во французском обществе и, в частности, среди электората партии М. Ле Пен, и насколько негативное отношение к иммиграции становится побуждающим фактором при голосовании за крайне правых на президентских выборах.

Статья *Б.В. Норики* переносит читателей «из Европы в Азию», знакомя их с такой острой проблемой современности, как судьба афганских беженцев. В работе подробно рассматриваются разные аспекты положения афганских мигрантов и беженцев в Иране, который (наряду с Исламской Республикой Пакистан) традиционно выступает в роли их крупнейшего реципиента. Целью автора является выявление угроз и возможностей, обусловленных масштабным присутствием на территории этой страны афганского элемента.

Статья *Р.А. Андриановой* во многом перекликается с вопросами, которые поднимает в своей работе предыдущий автор. Хотя исследование опирается на отечественные материалы и относится к российской действительности, автор также видит угрозу в том, что мигрантофобия в принимающей стране служит фактором формирования экстремистского поведения среди мигрантов. В статье обосновывается важность интеграции детей из семей мигрантов в образовательное пространство России и необходимость соответствующей комплексной адаптации: учебно-познавательной, психологической и социокультурной.

В последнем разделе номера – **«Профессиональный взгляд»** – представлена рецензия *О.Н. Пряжниковой* на монографию С. Молланда «Безопасная миграция и политика гарантированной безопасности в Юго-Восточной Азии» (2022). Книга написана на основе полевых исследований в сфере безопасной миграции, проведенных этим автором в период с 2013 по 2019 гг. в Таиланде, Лаосе и Мьянме – т.е. в регионе, который является одним из мировых центров

низкоквалифицированной трудовой миграции. Факты и выводы, изложенные в данном издании, дополняют немногочисленные академические работы по тематике безопасной миграции.

Материалы предлагаемого номера поднимают некоторые связанные с миграциями вопросы – наиболее острые и актуальные на сегодняшний день, – наглядно демонстрируя многоаспектность и неоднозначность данной темы. Бесконечность и изменчивость миграционных процессов определяют как необходимость продолжения их изучения, так и возникновение новых исследовательских задач.

М.А. Положихина

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: МИГРАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 397+314.7(571.54):903.5

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ

Бураев Алексей Игнатьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия)¹, e-mail: buraev1961@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, (г. Улан-Удэ, Россия)², e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются миграции древних народов по территории современной Бурятии и Прибайкалья с V в. до н.э. до примерно II в. н.э. На основании археологических и антропологических материалов, а также данных письменных источников анализируются процессы формирования этногенетического состава древнего населения региона. Как установлено, в эпоху неолита происходило движение в сторону озера Байкал групп смешанного европеоидно-монголоидного населения с Запада и монголоидных популяций с Востока, из Забайкалья и Монго-*

¹ © Бураев А.И., 2023

² © Дикий Я.В., 2023

лии. В эпоху бронзы и раннего железа отмечен мощный миграционный поток из Западной Монголии и Алтая европеоидного населения, носителей культуры курганов-херексуров, на территорию Северной Монголии и Забайкалья, на которой проживало монголоидное население культуры плиточных могил. На последующем историческом этапе в регионе активно взаимодействуют племена хунну и сяньби. Хунну имели смешанный монголоидно-европеоидный антропологический состав, при значительном преобладании монголоидов. Сяньби являлись типичными представителями сибирских монголоидов. В результате на территории Байкальской Сибири происходили интенсивные метисационные процессы, которые привели к формированию средневековых тюркских и монгольских племен, а в дальнейшем и современных народов региона.

Ключевые слова: Бурятия; миграции; неолит; культура плиточных могил; курганы-херексуры; хунну; сяньби.

Для цитирования: Бураев А.И., Дикий Я.В. Влияние миграций на формирование антропологического состава древнего населения Бурятии // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 11–19.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.01

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 03.03.2023

Введение

Природно-климатические условия территории Бурятии и соседствующей с ней Монголии, с обширными степными пространствами и многочисленными водными артериями, способствовали развитию кочевого скотоводства. Как известно, годовой хозяйственный цикл определяет высокую территориальную подвижность кочевников, или номадов. Соответственно, логично предположить существенную подвижность автохтонного (коренного) населения в пространстве этнической Бурятии¹ и Монголии. Кроме того, эта территория лежала на путях распространения монголоидной и европеоидной человеческих рас. На протяжении многих веков рассматриваемое пространство являлось пограничным для европеоидных и монголоидных популяций. Трудно не считать значительной роль миграций в формировании населения региона [Tumen, 2015].

Первые миграции фиксируются на территории Прибайкалья еще в эпоху неолита². Археологами выявлены соседствующие и сменяющие друг друга китойская (середина VI – середина V тыс. до н.э.), серовская (V – середина III тыс. до н.э.) и исаковская (конец IV тыс. до н.э.) культуры, определены их хронология и локализация. Накопленные краниологические³ и остеологические⁴ материалы способствовали возникновению дискуссии об антропологических особенностях неолитического населения региона. Суть научного спора состояла в обсуждении факта ослабления монголоидного комплекса признаков у жителей Прибайкалья (включая территорию современной Бурятии) по сравнению с другими древними монголоидными группами населения севера Центральной Азии [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987 ; Бураев, 2010]. Другими вопросами, вызывающими не менее жаркие дискуссии, является происхождение и перемещения гуннов – одного из наиболее известных и, одновременно, таинственных для европейской науки народов, следы которого находят на территории Прибайкалья. В настоящей статье рассматриваются возможные ответы на эти вопросы.

Дискуссия об особенностях антропологического облика населения Прибайкалья

Начало дискуссии связано с исследованиями советского антрополога Г.Ф. Дебеца (1905–1969). В своих ранних работах он указывал на наличие европеоидной примеси у населения При-

¹ Историческая область (Баргуджин-Токум) в водосборе озера Байкал, в которую входят современные Республика Бурятия, южная и центральная части Иркутской области, восточная присаянская часть Красноярского края и Забайкальский край России. – *Прим. ред.*

² Неолитический период истории Сибири датируется VI–II тыс. до н.э., Бронзовый век Сибири – III–I тыс. до н.э., эпоха раннего железа в регионе приходится на IX в. до н.э. – IV в. н.э.

³ Характеристики найденных черепов людей и животных. – *Прим. ред.*

⁴ Данные измерений найденных скелетов, отдельных костей и костной ткани. – *Прим. ред.*

байкаля [Дебец, 1930 ; Дебец, 1948]. Позднее им было высказано предположение о протоморфном¹ антропологическом типе у неолитических племен, характеризующемся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей [Бураев, 2010]. Решение возникшего противоречия Г.Ф. Дебец связал с большей выраженностью монголоидного комплекса признаков к востоку и северо-востоку от Прибайкалья.

На протоморфности неолитического населения региона настаивали М.М. Герасимов [Герасимов, 1955, с. 421, 427, 431–435], Ю.Г. Рычков [Рычков, 1969], А.А. Мовсесян [Мовсесян, 1973], Н.Н. Мамонова [Мамонова, 1983]. В свою очередь, против гипотезы о протоморфности и недифференцированности неолитического населения Прибайкалья выступил М.Г. Левин [Левин, 1958, с. 157–163]. Им были проанализированы все известные черепа эпохи неолита с территорий, лежащих к востоку и северо-востоку от озера Байкал, и сделано заключение об их несомненной монголоидности.

Мнение М.Г. Левина поддержали И.И. Гохман [Гохман 1977, с. 159 ; Гохман, 1980, с. 20], В.П. Алексеев [Алексеев, Гохман, 1984, с. 32–33], О.Б. Трубникова [Алексеев, Трубникова, 1984, с. 70]. Более отчетливо авторы высказались в совместной работе с Д. Тумэн: «все имеющиеся в настоящее время материалы с территории Сибири... не совместимы с представлениями о нейтральном, недифференцированном антропологическом типе, получившем наименование палеосибирского» [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 226].

Действительно, известные к тому времени краниологические материалы характеризуются усилением европеоидного комплекса признаков в западном направлении, а монголоидного – в восточном. Таким образом, при монголоидности населения к востоку и северо-востоку можно констатировать смешанный (европеоидно-монголоидный) состав или метисированный облик неолитического населения Прибайкалья [Бураев, 2010]. Иначе «трудно представить себе, чтобы недифференцированная популяция случайно заняла промежуточное положение между соседними [с ней] по тем признакам, по которым между ними выявляются определенные различия» [Алексеев, Гохман, 1984, с. 33].

На территории Прибайкалья просматриваются два миграционных потока: с востока (монголоиды) и с запада (европеоиды). По всей вероятности, данный регион являлся крайней восточной зоной взаимодействия представителей двух больших рас. Популяции с долей европеоидной примеси достигали озера Байкал и здесь, по всей видимости, сталкивались с встречным движением монголоидных групп Забайкалья и Монголии [Бураев, 2015].

¹То есть примитивном, или архаическом, относящимся к черте или комбинации черт, характерных для древней формы. – *Прим. ред.*

Представляется, что метисация монголоидных и европеоидных (скорее всего это были уже смешанные группы) популяций оказала определяющее влияние на формирование особенностей как отдельных групп, так и всего населения байкальского региона. Очевидна также существенная роль миграционных процессов в формировании населения циркумбайкалья уже в эпоху неолита [Бураев, 2015].

Этнокультурная история древнего населения Бурятии

Переход человечества к энеолиту¹ и раннему бронзовому веку не представляет собой резкой границы в антропологическом отношении [История Бурятии, 2011 ; Бураев, 2015]. В бронзовом² и раннем железном³ веках на территории Байкальской Сибири⁴ и Монголии проживало население, создавшее памятники культуры плиточных могил, и племена, оставившие после себя курганы-херексуры, – и этих людей считают первыми номадами региона. Археологи стремятся установить хронологические и территориальные рамки данных культур, изучение которых началось еще в XVIII в. Однако до сих пор существуют спорные вопросы, касающиеся их происхождения, развития и дальнейшей судьбы.

В.Е. Ларичев связывает происхождение культуры плиточных могил с культурой каменных ящиков бронзового века Дунбэя (области на северо-востоке Китая) [Ларичев, 1959]. К генетически близким к «плиточникам» популяциям относят население культуры верхнего слоя Сяцзядянь в северо-восточном Китае. Обе культуры связывают с племенным объединением дунху⁵, считающихся предками монгольских племен [Комиссаров 1988, с. 87–89].

По антропологической характеристике население, оставившее культуру плиточных могил, относится к североазиатским монголоидам, сближаясь по основным параметрам с байкальским типом (малой расой) [Гохман, 1980], а происхождение «плиточников» связывают с неолитическим населением Забайкалья [Алексеев, Гохман, 1984, с. 69]. Участие «плиточников» в генезисе средневековых монголов подтверждает, основываясь на китайских письменных источниках, В.С. Таскин, настаивая на генетических связях между дунху и монголами [Таскин, 1984, с. 39–62].

История культуры плиточных могил (дунху) складывалась драматично. С VI в. до н.э. на территорию этнической Бурятии начинают с юга вторгаться племена хунну⁶. Сначала это были просто набеги. Затем, когда давление племенного объединения хунну усилилось, дунху были вы-

¹ Медно-каменный век, охватывает период IV–III тысячелетия до н.э. – *Прим. ред.*

² Ориентировочно III тысячелетие до н.э. – 600 лет до н.э. – *Прим. ред.*

³ Примерно 1200–700 лет до н.э. – *Прим. ред.*

⁴ Ботанико-географическое понятие, включающее в себя Предбайкалье и Забайкалье. В административном отношении к Байкальской Сибири традиционно относят территории, находящиеся в пределах водосборного бассейна озера Байкал, в том числе Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край. – *Прим. ред.*

⁵ Возник около 1100 г. до н.э. и исчез около 150 г. до н.э., после разгрома племенами хунну. – *Прим. ред.*

⁶ Древние кочевые племена, изначально, предположительно, жившие на южной окраине пустыни Гоби. – *Прим. ред.*

нуждены либо подчиниться, либо мигрировать на окраины своих кочевий. К III–II вв. до н.э. часть племен дунху попали под власть хуннского союза, а часть отступила на север и северо-восток, в Приольхонье и Приаргунье [Харинский, Зайцев, Свинин, 1995].

В бронзовом веке в рассматриваемом регионе появляются курганы-херексуры. Большинство изучавших эти памятники археологов считает, что данный тип погребений одинаков (однокультурен) по всей территории распространения – Монголии и Южной Сибири (Алтай, Тува, Забайкалье).

В антропологическом отношении население, оставившее эту культуру, изучено более слабо, чем в археологическом плане. Однако можно видеть, что большинство погребенных – европеоидны, хотя в захоронениях иногда встречаются метисированные, с монголоидами чертами черепа [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 231].

При констатации принадлежности населения, оставившего херексуры, в основном к европеоидам, необходимо признать существование значительного миграционного потока с запада на восток в этот период. Как известно, курганы-херексуры встречаются даже в Центральной Монголии. Несомненно, отмеченное движение привело к встрече с монголоидами, в данном случае – с населением культуры плиточных могил.

Выявленные отдельные факты метисации легко объясняются длительным проживанием на одной территории представителей двух разных культур, этносов и рас. Кроме того, в основе экономики обоих племенных объединений лежало кочевое скотоводство, что также способствовало сближению двух популяций. Таким образом, при европеоидной принадлежности носителей культуры херексуров и безусловной монголоидности «плиточников» налицо процесс метисации, который сыграл свою, пускай и не столь значительную, роль в формировании населения региона.

Роль племен хунну и сяньби в этногенезе населения Прибайкалья

Последующий ход исторического процесса привел к беспрецедентному росту миграционной составляющей в формировании антропологического состава населения рассматриваемого региона. Отмеченная ситуация связана со взаимоотношениями племен сяньби и хунну.

Хунну, или гунны – наиболее известные номады в мировой истории, что связано с их влиянием на европейскую историю. Заметим, что историческое изучение большей части ойкумены в XVIII–XIX вв. характеризовалось ярко выраженным европоцентризмом. Ученые достаточно четко определили хронологические и территориальные рамки существования этой яркой культуры, наиболее признанными считаются следующие: 220 г. до н.э. – II в. н.э., степи к северу от Китая. Тем не менее не все вопросы генезиса хунну (гуннов) нашли свое окончательное и бесспорное решение. Одним из них является определение непосредственных предков хунну.

Например, Тянь Гуаньцзинь и С.С. Миняев предполагают, что ими являлись носители культуры «ордосских бронз» (плато Ордос в Северном Китае, на границе пустыни Гоби) [Тянь Гу-

аньцзинь, 1983 ; Миняев, 1979]. С другой стороны, С.А. Комиссаров полагает, что предками хунну были носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь [Комиссаров, 1988]. Однако, как было отмечено выше, именно эти памятники ряд специалистов связывают с культурой плиточных могил. Авторы настоящей статьи склоняются к точке зрения П.Б. Коновалова, выдвинувшего положение о смешанном характере хунусской культуры, признавая в качестве вероятных предков хунну как культуру ордосских бронз, так и культуру верхнего слоя Сяцзядянь [Коновалов, 1999, с. 61–62].

Палеоантропологические данные указывают на монголоидно-европеоидный состав хуннского населения, при преобладании монголоидной составляющей. Естественно, первым предположением была преемственность европеоидной примеси у хунну с наличием таковой у неолитических племен Прибайкалья. Но, по нашему мнению, происхождение монголоидного и европеоидного компонентов у населения Байкальской Сибири относится непосредственно к хуннскому времени.

Главными антагонистами хунну на протяжении довольно продолжительного периода являлись племена сяньби¹. На территории Приаргунья, согласно археологическим данным, обнаружены сяньбийские погребальные памятники времени хуннской гегемонии. О миграции предков монголов на восточную окраину их ойкумены сообщают как китайские летописи, так и монгольская устная традиция. Именно на такое развитие событий в монгольской истории указывал В.С. Таскин [Таскин, 1984, с. 56].

Изученные сяньбийские черепа из Восточного Забайкалья и другие краниологические материалы характеризуются ярко выраженным монголоидным сочетанием признаков, что служит доказательством происхождения сяньби от населения культуры плиточных могил. В свою очередь, эти данные подтверждают гипотезу о том, что монголы эпохи средневековья – эпохи Чингисхана – происходят от сяньбийцев Приаргунья.

Заключение

Кочевой образ жизни древнего населения Бурятии и Монголии способствовал интенсификации миграционных процессов на этих территориях. Письменные источники сообщают об интеграции кочевых племен в более крупные и сильные в военно-политическом отношении образования [Таскин, 1984, с. 45, 297–298].

Кочевые племена, народности, политические образования включали в себя (в период их гегемонии) население разной этнической и даже расовой принадлежности. В степях Центральной Азии не существовало жестко выраженной ксенофобии, и в период хунно-сяньбийского взаимодействия различной направленности (от воинствующего антагонизма до мирного сосуществова-

¹ Племена кочевников, которые выделились из союза дунху в III в. до н.э. и жили на территории Внутренней Монголии. В 155 г. разгромили хуннов, что привело к расколу хуннского этноса на четыре ветви, одна из которых дошла до Европы. – *Прим. ред.*

ния) происходило сглаживание межэтнических и межплеменных противоречий. Переход под власть господствующего в степях объединения, включая смену племенного и этнического самоопределения, не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Активные миграции кочевых племен Бурятии и Центральной Азии в целом привели к метисации автохтонного населения региона.

Череп с европеоидными чертами обнаруживаются в захоронениях Прибайкалья и в эпоху Средневековья. Однако их количество крайне невелико в соотношении с общим числом средневековых краниологических материалов. Тем не менее, по всей видимости, процесс метисации населения региона продолжался и в этот период, вплоть до беспрецедентной экспансии монгольских племен под предводительством Чингисхана.

Необходимо отметить интенсивность миграционных процессов на территории этнической Бурятии во все исторические периоды. Схематично их можно обозначить как взаимовлияние монголоидов и европеоидов, представленных в разные эпохи в различном соотношении. В дальнейшем процесс метисации привел к формированию средневековых монгольских и тюркских кочевников, а в последствии и современных народов Байкальской Сибири и Монголии. Данные, полученные в советский период, и новые открытия свидетельствуют о том, что миграции несомненно являются определяющим фактором этногенеза в регионе.

Список литературы

1. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – Москва : Наука, 1984. – 208 с.
2. Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) / Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 208–241.
3. Алексеев В.П., Трубникова О.Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). – Новосибирск : Наука, 1984. – 129 с.
4. Бураев А.И. Этнокультурная идентификация неолитического населения Циркумбайкалья (современное состояние проблемы) // Российская археология. – 2010. – № 3. – С. 13–21.
5. Бураев А.И. Номады Центральной Азии (этногенетический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8–1. – С. 129–138.
6. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – Москва, 1955. – 585 с.
7. Гохман И.И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Ленинград : Наука, 1977. – Вып. 7. – С. 158–164.
8. Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5–34.
9. Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19, вып. 1/2. – С. 7–50.
10. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.
11. История Бурятии : в 3-х т. – Т. 1 : Древность и средневековье. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 336 с.
12. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая: эпоха поздней бронзы. – Новосибирск : Наука, 1988. – 120 с.
13. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
14. Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. – Вып. 1. – С. 63–73.
15. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 359 с.
16. Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вестник антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 88–103.

17. Миняев С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну / Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». – Кемерово, 1979. – С. 74–76.
18. Мовсесян А.А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы антропологии. – 1973. – Вып. 45. – С. 72–82.
19. Рычков Ю.Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // Вопросы антропологии. – 1969. – Вып. 33. – С. 16–33.
20. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – Москва : Наука, 1984. – 486 с.
21. Тянь Гуаньцзинь. Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7–24.
22. Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья / Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1995. – С. 64–78.
23. Tumen D. Populations migration during prehistoric period in Inner Asia // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Хух-Хот, 2015. – Ч. 1. – С. 141–154.

INFLUENCE OF MIGRATION ON THE FORMATION OF THE ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE ANCIENT POPULATION OF BURYATIA

Alexey Buraev

PhD (Histor. Sci.), Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: buraev1961@mail.ru

Yaroslav Dikiy

PhD (Histor. Sci.), Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: yaroslavdikii@gmail.ru

Abstract. *The paper deals with the migrations of ancient peoples across the territory of modern Buryatia and the Baikal region from the V century BC to about the II century AD. Based on archaeological and anthropological materials, as well as written sources, the processes of formation of the ethnogenetic composition of the ancient population of the region are analyzed. It has been established that in the Neolithic era there was a movement towards Lake Baikal of groups of mixed Caucasoid-Mongoloid population from the West and Mongoloid populations from the East, from Transbaikalia and Mongolia. In the Bronze Age and Early Iron Age, a powerful migration flow from Western Mongolia and Altai of the Caucasoid population, carriers of the culture of the Khereksurs barrows, to the territory of Northern Mongolia and Transbaikalia, where the Mongoloid population of the slab-grave culture lived, was noted. At the subsequent historical stage, the Xiongnu and Xianbi tribes actively interact in the region. The Xiongnu had a mixed Mongoloid-Caucasoid anthropological composition, with a significant predominance of Mongoloids. The Xianbis were typical representatives of the Siberian Mongoloids. As a result, intensive metizational processes took place on the territory of Baikal Siberia, which led to the formation of medieval Turkic and Mongolian tribes, and later, modern peoples of the region.*

Keywords: *Buryatia; migration; Neolithic; Slab-grave culture; Khereksurs barrows culture; Xiongnu; Xianbei.*

For citation: Buraev A.I., Dikiy Ya.V. The influence of migrations on the formation of the anthropological composition of the ancient population of Buryatia // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No 1. – P. 11–19.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ (ОБЗОР)

Положихина Мария Анатольевна

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела экономики Института научной информации по обще-
ственным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: polozhihina2@mail.ru

Аннотация. В обзоре рассматриваются масштабы, динамика и особенности современных миграционных потоков как в глобальном контексте, так и применительно к России. Обсуждаются вопросы оценки количества мигрантов, в том числе эмигрантов из России и беженцев из Украины. Приводятся сведения о социально-экономических последствиях разных видов миграций, служащих основой для формулировки задач и направлений государственной миграционной политики.

Ключевые слова: международная миграция; Россия; эмиграция; иммиграция; беженцы; государственная политика.

Для цитирования: Положихина М.А. Особенности современных миграций и их последствия // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 20–37.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.02

Рукопись поступила 06.03.2023

Принята к печати 09.03.2023

Введение

Миграции можно отнести к тем фундаментальным процессам, которые обеспечивают ход эволюции общества. Расселение древнейших людей по разным континентам, «Великое переселение народов» в Европе в IV–VII вв., заселение европейцами Америки и Австралии, а жителями Российской империи Сибири – вот только несколько наиболее ярких примеров массовых миграций, непосредственно повлиявших на формирование социума, государств и наций. По словам французского демографа Ж.-К. Шенэ, «история внешних миграций является, в некотором отношении, сокращенным пересказом всемирной истории» (цит. по [Ионцев, 1999, с. 57]).

С одной стороны, миграции меняют нашу действительность и во многом определяют перспективы будущего, с другой – сами непрерывно изменяются под воздействием разнообразных факторов. С миграциями связаны острые практические проблемы современности, требующие решения в настоящий момент. Таким образом, изучение этих механизмов общественного развития полезны как в теоретическом, так и в практическом плане.

Значение миграций давно понято научным сообществом. Высказывания о миграции населения можно найти в работах античных мыслителей (Платон и Аристотель), египетских, китайских и арабских средневековых авторов [Ионцев, 1999, с. 57]. Научная база для объяснения миграций начала складываться со второй половины XVII в. работами Д. Граунта¹ (1620–1674) и Т. Мальтуса (1766–1834), А. Смита (1723–1790) и Д. Риккардо (1723–1790), К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895) и ряда других исследователей [Ионцев, 1999, с. 62–63]. Первая научная теория миграций создана в 1880 г. английским ученым немецкого происхождения Э.Г. Равенштейном (1834–1913). В его работе, опубликованной в 1885 г., было сформулировано 11 законов, на которые впоследствии опирались многие исследователи миграций, а некоторые из них актуальны до сих пор. Отмечается также вклад в развитие теории миграции теоретика и практика Русской революции В.И. Ленина (1870–1924), сформулировавшего закон роста миграционной подвижности населения по мере развития общества, и американского географа В. Зелинского (1921–2013), разработавшего концепцию «мобильного перехода» [Ионцев, 1999, с. 11, 72–75 ; Василенко, 2013 ; Василенко, 2014].

В настоящее время миграции изучают в рамках разных наук, включая демографию, социологию, политологию, философию и психологию, экономические и исторические дисциплины, гео-

¹ Один из родоначальников науки демографии. Наряду с У. Петти начал разрабатывать методы статистики и переписи населения, которые являются основой современной демографии [Граунт Джон // Википедия. – Б/г. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Граунт,_Джон (дата обращения 04.02.2023)].

графию населения. Это вызвано сложностью и многоаспектностью миграционных процессов, затрагивающих различные стороны жизни общества. Обратная сторона – множество научных подходов к изучению миграций, которые с одной стороны позволяют более полно ее исследовать, но с другой – создают трудности для выработки единого управленческого решения.

В XX в. важность миграций была оценена на всех уровнях управления обществом. Примером может служить история Международной организации по миграции (англ. The International Organization for Migration, или IOM). Организация была создана в 1951 г. как Временный межправительственный комитет по перемещению мигрантов в Европе (англ. Provisional Intergovernmental Committee for the Movement of Migrants from Europe, или PICMME) для преодоления последствий хаоса Второй мировой войны и насильственного переселения почти 11 млн человек. В течение 1950-х годов PICMME организовал перевозку около миллиона мигрантов. В дальнейшем организация способствовала смягчению негативных эффектов от всплесков международной миграции, вызванных политическими кризисами или природными катаклизмами: Венгрия 1956, Чехословакия 1968, Чили 1973, Вьетнам 1975, Кувейт 1990, Косово и Тимор 1999, Пакистан 2004 / 2005 гг. и т.д. Череда изменений названия от PICMME до Межправительственного комитета по европейской миграции (Intergovernmental Committee for European Migration, или ICEM) в 1952 г., от Межправительственного комитета по миграции (Intergovernmental Committee for Migration, или ICM) в 1980 г. и до Международной организации по миграции (МОМ) в 1989 г. отражает переход организации от агентства по логистике к ведущему международному агентству по миграциям, которое работает с правительствами и гражданским обществом в целях углубления понимания проблем миграции, поощрения социального и экономического развития посредством миграции и поддержания человеческого достоинства и благополучия мигрантов. Кредо организации о том, что гуманная и упорядоченная миграция приносит пользу всем, последовательно завоевывает международное признание. В настоящее время деятельность МОМ охватывает 175 государств-членов и еще восемь государств-наблюдателей [IOM history, 2023].

Помимо международного уровня, управление миграционными потоками осуществляется на национальном уровне – и это серьезная задача практически для любого государства. Не является исключением в данном случае и Россия. Однако миграции в России характеризуются определенной спецификой, обусловленной как «историей страны, которая колонизируется»¹, так и современными преобразованиями постсоветского пространства. Это отразилось и на направлениях изучения миграций, выразившись в более пристальном внимании отечественных исследователей к внутренним перемещениям населения.

¹ Это высказывание, впервые произнесенное историком С. Соловьевым в 1840-х годах, получило широкую известность благодаря труду по истории России под авторством В. Ключевского, опубликованному в 1911 г., и до сих пор является одним из самых известных афоризмов, касающихся российской истории [Моррисон, 2022].

Л.Л. Рыбаковский выделяет четыре этапа изучения миграции в России: дореволюционный, 20–30-е годы XX в., послевоенный этап, этап с начала 1990-х годов до наших дней [Рыбаковский, 2003]. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще М.В. Ломоносовым, но систематические научные исследования начались в конце XIX – начале XX в. Примером служат дореволюционные работы таких авторов, как А.А. Кауфман, К.С. Лейтес, М.К. Любавский, М.М. Моисеенко, И.А. Гурвич, И.Л. Ямзин, В.П. Воцанин, подробно рассматривавших в первую очередь вопросы колонизации и переселений. После революции 1917 г. тематика исследований стала меняться, отражая новые социально-экономические и политические реалии. Наиболее показательны для 1920-х годов работы Г. Смолянского «Мировая эмиграция и иммиграция» (1926) и особенно В.В. Оболенского (Осинского) «Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР» (1928) и «Эмиграция из и иммиграция в Россию» (была опубликована на английском языке только в 1969 г.) [Ионцев, 1999, с. 137 ; Василенко, 2013, с. 40, 42–43].

После того, как перепись населения СССР 1937 г. была названа «вредительской», а «ее организаторы – ведущие теоретики и практики отечественной статистики – были подвергнуты репрессиям, вся демографическая и миграционная проблематика в стране на долгие годы стала опасной для исследований» [Юдина, 2006, с. 150–171]. Однако и в этот период изучение вопросов миграций не прекращалось. Примером служат, в частности, работы С.Г. Струмилина, в которых затрагивалось межрегиональное движение населения (внутри страны). Наконец, к этому направлению примыкает и разработанная Л.Н. Гумилевым пассионарная концепция этногенеза, а также его изучение миграций древних народов в Азии. Хотя исследований внешней миграции в СССР 20 лет почти не проводилось: «работ по международной миграции населения вплоть до конца 80-х годов насчитывается практически считанные единицы, что, видимо, объясняется тем, что СССР по существу являлся закрытым государством и для него, за исключением отдельных периодов, не была характерна массовая международная миграция населения» [Ионцев, 1999, с. 137].

Фактически возрождение отечественных научных исследований миграций начинается с 1950-х годов и связано с работами В.И. Переведенцева, В.В. Покшишевского, Л.Л. Рыбаковского, Б.С. Хорева, В.А. Ионцева, Ж.А. Зайончковской, Т.И. Заславской, Т.Н. Юдиной, А.В. Топилина, В.М. Кабузана, В.И. Мукомель, Э.С. Паина и др. [Ионцев, 1999, с. 137, 138 ; Василенко, 2014 ; Юдина, 2006, с. 150–171]. В настоящее время это достаточно популярное в России направление, в рамках которого трудится много исследователей.

Повышение научного интереса к миграционной проблематике коррелирует со всплесками миграционной активности, что вполне закономерно. В частности, с 1990-х годов вопросы внешних миграций для России приобрели первостепенное значение. В 2000-х годах проблемы международной миграции обострились уже в глобальном масштабе. Все это определяет актуальность настоя-

щей работы, целью которой является обсуждение особенностей современных миграций и их последствий.

Следует подчеркнуть, что изучение миграций существенно затруднено из-за расхождения статистических данных – как в разрезе разных стран мира, так и в рамках одной страны, – из-за несовпадения методик, используемых различными ведомствами и организациями. Например, в России данные о мигрантах предоставляет Росстат и пограничная служба ФСБ, а также МВД (с 2016 г. ему переданы функции и полномочия расформированной Федеральной миграционной службы, которая в том или ином виде существовала с 1992 г.). Их информация значительно различается, прежде всего в связи с разными методиками учета.

Специалисты отмечают, что «учет миграции населения до сих пор остается более трудным и сложным по сравнению с учетом естественного движения населения. Ни в одной стране мира нет прямых методов, с помощью которых можно было бы дать точную цифру находящихся в них нелегальных иммигрантов на тот или иной период времени. Кроме того, нет единства в определении многих основных понятий по международной миграции. Сложность вызывает разнородность источников данных о международной миграции в результате действия в разных странах различных систем учета коренного и иностранного населения. Поэтому вопросы статистического учета и унификации показателей миграций (особенно внешних) остаются по-прежнему актуальными, требую дальнейшей разработки и определенных усилий со стороны мирового научного сообщества» [Ионцев, 1999, с. 48, 50, 53, 56]. Тем не менее накопленный массив данных позволяет проводить анализ и делать обоснованные выводы.

Масштабы и динамика международных миграций

Согласно данным МОМ, с начала ее наблюдений за миграционными потоками фиксируется их практически непрерывный рост, за 50-летний период составивший 3,3 раза – с 84,5 млн человек в 1970 г. до 280,6 млн в 2020 г. [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 11]. На представленном графике видны периоды ускорения темпов роста международной миграции: 1985–1990 гг. и современный этап, примерно с 2005 г. (рис. 1).

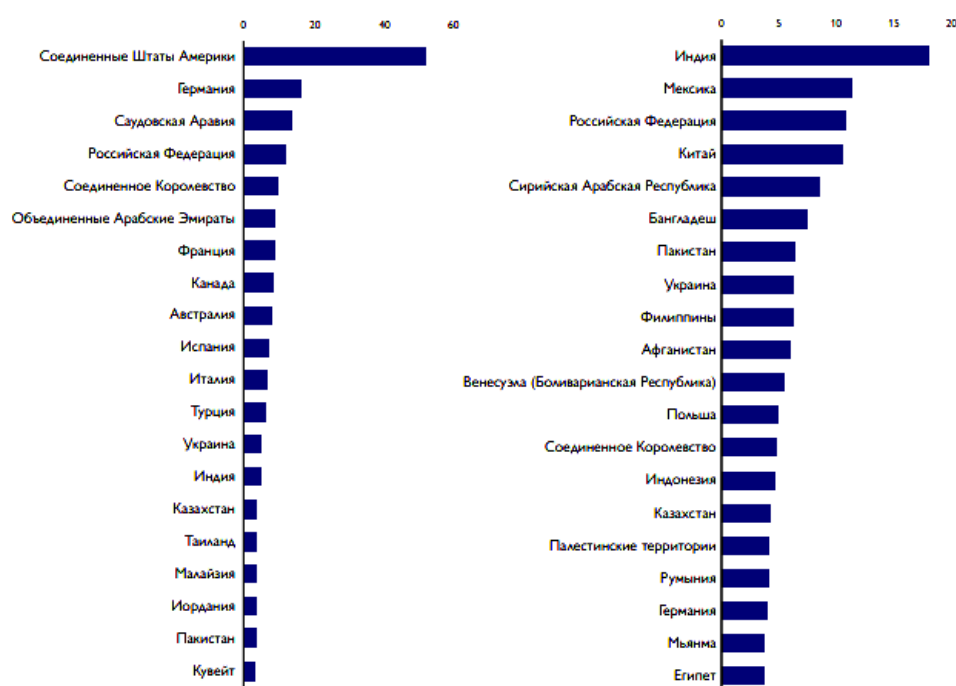
В число основных стран назначения международных мигрантов «традиционно входит США (по данным на 2020 г. проживало более 51 млн международных мигрантов), а также Германия (почти 16 млн международных мигрантов соответственно), Саудовская Аравия (13 млн), РФ (12 млн) и Великобритания (9 млн). В свою очередь, ведущими странами происхождения международных мигрантов в глобальном масштабе является Индия (18 млн индусов проживают за рубежом), Мексика (около 11 млн человек соответственно), РФ (около 10,8 млн), Китай (10 млн) и Сирийская Арабская Республика (более 8 млн)» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 25].

Рис. 1. Динамика глобального миграционного потока

Источник: [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 11]

При этом самая большая доля международных мигрантов в общей численности населения (22%) отмечается в Океании. «Северная Америка занимает второе место по доле международных мигрантов – 15,9%, за ней следует Европа – 11,6%. В Латинской Америке и Карибском бассейне, Африке и Азии доля международных мигрантов составляет, соответственно, 2,3%, 1,9 и 1,8%» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 25]. Список 20 основных стран назначения для мигрантов приведен в левой части рисунка 2; на правой части рисунка представлены 20 основных стран происхождения мигрантов (в 2020 г.).

**Рис. 3. Основные страны происхождения и назначения мигрантов в 2020 г.
(млн человек)**

Источник: [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 25–26].

МОМ выделяет ряд крупнейших двусторонних миграционных потоков, или «коридоров» в глобальном масштабе¹. «Коридоры отражают накопление миграционных перемещений с течением времени и дают представление о том, каким образом определенные модели миграции привели к образованию значительных групп населения из лиц, родившихся за рубежом, в конкретных странах назначения» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 27].

Крупнейшим в мире в 2020 г. являлся миграционный коридор Мексика – США (по нему переместились почти 11 млн человек). «Второй вел из Сирийской Арабской Республики в Турцию и включал в основном беженцев, перемещенных в результате десятилетней гражданской войны в Сирии. Третий по величине коридор в мире из Индии в ОАЭ (свыше 3 млн человек) состоял в основном из трудовых мигрантов» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 27]. Значительны были также потоки мигрантов между Россией и Украиной, Россией и Казахстаном, а также из Афганистана в Иран и Пакистан и ряд других (рис. 3).

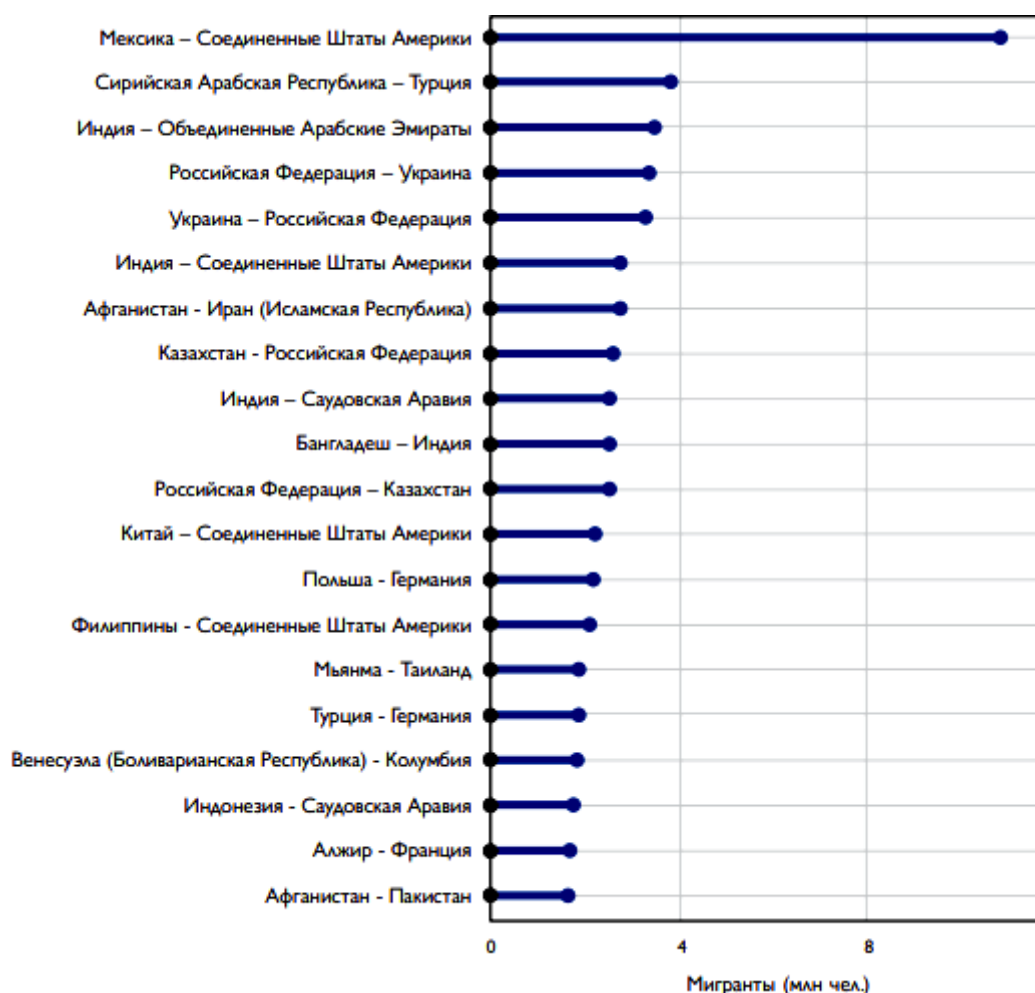

Рис. 3. Главные коридоры миграции из одной страны в другую на 2020 г.

Источник: [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 28].

¹ Размер миграционного коридора из страны А в страну В измеряется количеством людей, родившихся в стране А, которые проживали в стране В на определенный момент времени [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 27].

Следует отметить, что сложившиеся миграционные потоки (или коридоры) достаточно стабильны во времени и пространстве. Например, хотя борьба с пандемией COVID-19 в 2020–2021 гг. сильно повлияла на масштабы миграций, после ослабления противоэпидемиологических мер они быстро восстановились.

Большинство международных мигрантов (около 78%) находятся в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет). «С 1990 г. доля международных мигрантов в возрасте 19 лет и моложе снизилась с 18,9% до 14,6% в 2020 г., в то время как доля старше 64 лет осталась неизменной (на уровне около 12,2%)». Почти 61% всех трудящихся-мигрантов (102,4 млн человек) проживают в трех субрегионах: Северной Америке; арабских государствах; Северной, Южной и Западной Европе. Причем в арабских государствах мигранты составляют более 40% от всего работающего населения, часто доминируя в ключевых секторах экономики. Следует отметить, что среди трудящихся-мигрантов наблюдается резкий гендерный дисбаланс в двух регионах: Южной Азии (5,7 млн мужчин по сравнению с 1,4 млн женщин) и в арабских государствах (19,9 млн мужчин по сравнению с 4,2 млн женщин) [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 27, 28, 39].

Рассматривая менее длительный отрезок времени, можно выделить следующие особенности современных миграций (табл. 1).

Таблица 1

Миграционная динамика в глобальном масштабе*

№ пп	Показатели	2000 г.	2020 г.	Отношение данных за 2020 г. к данным за 2000 г.
1.	Число международных мигрантов (оценочно), млн человек	173	281	+108 (прирост на 62%)
2.	Доля мигрантов в населении мира, %	2,8	3,6	+0,8
3.	Доля женщин среди международных мигрантов, %	49,4	48,0	–1,4
4.	Доля детей среди международных мигрантов, %	16,0	14,6	–1,4
5.	Численность трудящихся-мигрантов, млн человек	–	169	–
6.	Численность беженцев, млн человек	14	26	+12 (рост в 1,9 раз)
7.	Численность внутренне перемещенных лиц, млн человек	21	55	+34 (рост в 2,6 раза)

* Источник: [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 11, 24].

При продолжении увеличения миграционных потоков в мировом масштабе, среди мигрантов быстрее растет доля мужчин трудоспособного возраста. Это свидетельствует о том, что основным видом миграции является трудовая, вызванная разными условиями на рынках труда стран-доноров и стран-реципиентов. Помимо развития процесса глобализации росту количества мигрантов способствует возрастание социально-экономической нестабильности и числа военно-политических конфликтов во многих странах мира. Поэтому особенностью настоящего времени выступает увеличение численности беженцев и внутренне перемещенных лиц – как абсолютное, так и относи-

тельное. По данным МОМ, общее количество беженцев в 2020 г. являлось самым высоким за всю историю наблюдений, но в 2022 г. этот рекорд, очевидно, был побит.

«Из всех беженцев, подпадающих под мандат УВКБ¹, на 10 ведущих стран происхождения – Сирия, Афганистан, Южный Судан, Мьянма, Демократическая Республика Конго, Сомали, Судан, Центральноафриканская Республика, Эритрея и Бурунди – на конец 2020 г. приходилось более 80% от общего количества беженцев. Многие из этих стран “лидировали” как источники беженцев в течение по крайней мере семи лет». Подавляющее большинство (73%) беженцев размещаются в соседних странах. «В 2020 г. пятый год подряд Турция была крупнейшей принимающей страной в мире, в которой проживало более 3,6 млн беженцев, в основном сирийцев. Пакистан и Исламская Республика Иран также вошли в первую десятку стран, принимающих беженцев, как две основные страны, дающих приют беженцам из Афганистана – страны происхождения второго по величине их контингента» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 46].

При этом 85% натурализаций беженцев имели место в Европе (в 2020 г.), «большая часть которых (приблизительно 25,7 тыс. человек) пришлось на Нидерланды. На втором и третьем местах оказались Канада (примерно 5 тыс. человек) и Франция (примерно 2,5 тыс. человек)» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 48]. В 2022 г. возможности Европы по размещению беженцев практически достигли своего предела [Малышев, 2022].

Конечно, приведенные цифры не являются точными, так как существует еще и нелегальная миграция, масштабы которой также растут. Особенно актуальна данная проблема для Европы. «По предварительным подсчетам пограничного агентства ЕС Frontex, в 2022 г. на внешних границах Евросоюза было зафиксировано около 330 тыс. случаев незаконного перехода (самый высокий показатель с 2016 г. и рост на 64% по сравнению с 2021 г.). После снижения в 2020 г., вызванного пандемией, это был второй год подряд с резким ростом числа незаконных въездов. Почти половина случаев незаконного пересечения границы приходится на западно-балканский маршрут. На сирийцев, афганцев и тунисцев, вместе взятых, в 2022 г. приходилось 47% незаконных въездов в ЕС. При этом число сирийцев почти удвоилось и достигло 94 тыс. человек» [В Евросоюзе ... , 2023].

Спецификой 2022 г. стало, во-первых, резкое увеличение числа беженцев из Украины – как в европейские страны, так и в Россию. По данным Frontex, «на внешних сухопутных границах ЕС с Украиной и Молдавией в период с 24 февраля 2022 г. до конца декабря зарегистрировано почти 13 млн украинских беженцев. За тот же период на тех же участках границ отмечен выезд 10 млн граждан Украины» [В Евросоюзе ... , 2023]. Во-вторых, значительно изменилось положение России в миграционном обмене с другими странами.

¹ Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, или United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR).

Внешняя миграция в России

С 1990-х годов Российская Федерация является одновременно и одной из основных стран происхождения международных мигрантов, и одной из важнейших стран назначения для них в мировом масштабе, входя (в 2020 г.) в пятерку государств-лидеров по обоим направлениям (рис. 2). «При наличии диаспоры в составе около 11 млн человек, страна занимала третье место после Индии и Мексики по численности населения, проживающего за рубежом». Большинство из них проживали в государствах – членах СНГ (включая Казахстан, Беларусь, Украину и Узбекистан), а также в таких странах, как США и Германия. В свою очередь, в России «проживает около 12 млн международных мигрантов, что делает ее четвертой страной назначения в мире после США, Германии и Саудовской Аравии. Международные мигранты прибыли в Российскую Федерацию в основном из Украины (более 3 млн человек), Казахстана (более 2,5 млн человек) и Узбекистана (около 1 млн человек)». Благодаря большому количеству международных мигрантов в стране Россия служит одним из крупнейших источников международных денежных переводов, входя в первую десятку таких стран мира. В то же время она входила в число крупнейших получателей денежных переводов в Европе [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 231–232, 234–236].

К специфике страны специалисты относят активное трансграничное и внутреннее перемещение населения, вызванное как конфликтами, так и стихийными бедствиями. «Например, тысячи людей в Российской Федерации были вынуждены покинуть свои дома из-за наводнений и лесных пожаров в 2019 г. Больше всего пострадали от наводнений такие города, как Иркутск, где тысячи домов стали непригодными для проживания» [Доклад о миграции в мире ... , 2021, с. 237–238]. Кроме того, «в 2022 г., помимо традиционных миграционных проблем, связанных с иммиграцией из Средней Азии, Россия столкнулась в этой сфере с процессами, которые ранее вообще не проявлялись, либо же протекали в гораздо более слабой форме. Первым из них стала массовая “антивоенная” эмиграция, а вторым – еще более масштабный приток беженцев с охваченных войной территорий Украины» [Шустов, 2022].

Динамика внешней миграции в России. Согласно исследованиям специалистов, «миграционный прирост населения наблюдался в России с середины 1970-х годов, когда потоки мигрантов из РСФСР в другие союзные республики СССР стали по объему меньше, чем обратное движение. В основном это было связано с набиравшим силу возвращением русскоязычного населения. Миграционный прирост увеличивался до 1986 г., но в период “перестройки” заметно сократился. После распада СССР сальдо международной миграции быстро увеличивалось, достигнув максимума в 1994 г. (846 тыс. человек, или 57 человек на 10 тыс. населения). В середине 2000-х годов отмечалась относительная стабилизация показателя на уровне 3–5 человек на 10 тыс. населения, которая

в конце десятилетия сменилась ростом, а затем стабилизацией на более высоком уровне и очередным снижением» [Щербакова, 2022].

По данным оперативного учета за январь – июнь 2022 г. число выбывших из России впервые за много лет превысило число прибывших в нее, причем значительно – на 30%. В результате сложилось отрицательное сальдо миграции величиной 96,7 тыс. человек (табл. 2). По данным за январь – июль превышение числа выбывших над числом прибывших в Россию сократилось до 19%, а сальдо составило –73,8 тыс. человек [Щербакова, 2022].

Таблица 2

Внешняя миграция в России за 2020 – первое полугодие 2022 г.*

№ пп	Показатели, тыс. человек	2020 г.	2021 г.	I полугодие 2022 г.
1.	Прибыло	594,1	667,9	322,3
2.	Выбыло	488	238	419
3.	Сальдо	+106,1	+429,9	–96,7

* Источник: [Щербакова, 2022].

Эмиграция из России. Н. Мендович, глава Евразийского аналитического клуба, выделяет две «волны» эмиграции из России в 2022 г.: с 24 февраля по сентябрь и с 21 сентября по 3 октября. По его мнению, в состав эмигрантов входят четыре категории граждан: а) иностранцы; б) работники иностранных компаний, прекращающих работу в России; в) лица, открывающие счета для обхода санкций; д) люди, уезжающие из-за страха последствий конфликта на Украине и / или антиросийских взглядов. Оценка масштабов и направления этих «волн» представлена в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Направления и масштабы первой «волны» эмиграции из России в 2022 г.*

№ пп	Страны назначения (январь – сентябрь 2022 г.)	Национальные данные, тыс. человек
1	2	3
1.	Армения	
	– въехало	650
	– осталось (сальдо между въехавшими и выехавшими)	35
2.	Сербия	
	– въехало	41
	– запросили вид на жительство или его продление	4
3.	Черногория	
	– запросили вид на жительство или его продление	4,3
4.	Казахстан	
	– въехало	1500
	– осталось (сальдо между въехавшими и выехавшими)	20
	– получили индивидуальные номера, позволяющие открывать счета и т.д.	74
	– заключили трудовые договора	20–50
	– зарегистрировано юридических лиц с российским участием	4,4
4.	Узбекистан	
	– въехало	150
	– релокация иностранных компаний из России	5–6
	– открытие счетов иностранцами	47

Положихина М.А.
Особенности современных миграций и их последствия

1	2	3
5.	Киргизия	
	– въехало	760
	– осталось (сальдо между въехавшими и выехавшими)	30
	– получили вид на жительство	0,6
6.	Турция	
	– въехало	3000
	– приобрели жилье	4,9
7.	Страны Евросоюза	
	– въехало	1300
	– осталось (сальдо между въехавшими и выехавшими)	26
8.	Грузия	
	– въехало	260
	– осталось (сальдо между въехавшими и выехавшими)	45
9.	Израиль	
	– эмигрировало	24,7

* Источник [Мендович, 2022а ; Мендович, 2022б ; Мендович, 2022в].

Если причинами первой «волны» эмиграции 2022 г. из России, как пишет Н. Мендович, можно считать преимущественно экономические (геоэкономические) факторы, то вторая, по его мнению, носила более выраженный политический характер. Связанная с уклонением от мобилизации, она была быстрее и короче, однако вполне сопоставима по масштабам с первой (табл. 3, 4).

Таблица 4

Направления и масштабы второй «волны» эмиграции из России в 2022 г.*

№ пп	Страна назначения	Национальные данные, тыс. человек
1.	Казахстан	
	– въехало	200
	– осталось	65,3
	– транзит в другие страны	40
2.	Грузия	
	– осталось	16,6
3.	Евросоюз	
	– осталось	30

* Источник: [Мендович, 2022а ; Мендович, 2022б ; Мендович, 2022в].

Как следует из этих данных, наиболее популярными направлениями для эмигрантов из России являлись страны СНГ (Армения, Казахстан, Узбекистан и Киргизия), Грузия, Турция, Сербия и Черногория, а также Израиль и страны ЕС.

В отношении количества эмигрировавших существуют большие расхождения. По оценке Н. Мендовича, максимальная численность «эмигрантов и пытавшихся эмигрировать с 24 февраля до конца сентября – 220 тыс. человек. В эту массу заведомо входит большое число лиц, совершивших маятниковые поездки и не связанные с эмиграцией, и это “статистический потолок”. Первая волна эмиграции, учитывая доступную миграционную статистику, не могла составлять более 350 тыс. человек, куда включены все выезжающие, которые могли бы оказаться эмигрантами. Более достоверная оценка до 160 тысяч россиян, которые уезжали в течение первой “волны”. Однако

не менее 30–50% из них вернулись в РФ до конца лета, либо разочаровавшись в новой стране, либо решив свои задачи, т.е. открыв счет в ходе “карточного тура” или юрлицо для обхода антироссийских санкций. 30–40 тыс. россиян, как минимум, планировали остаться за рубежом на длительный срок, о чем говорят попытки приобрести жилье или иные подобные признаки. Во вторую “волну” вошли до 150–200 тыс. россиян, причем минимум в отношении 70 тыс. есть указание на желание остаться за рубежом продолжительное время. Не исключено, что в эту волну могли входить “повторники”, приехавшие в Россию после неудачной попытки, сделанной ранее» [Мендович, 2022 а ; Мендович, 2022 б ; Мендович, 2022 в]. Таким образом, за 2022 г. из России могло эмигрировать от 230 до 550 тыс. человек.

Другое экспертное мнение представлено в «Новой газете»¹. По этой оценке, из России эмигрировало почти вдвое больше – около одного миллиона человек [«Новая газета» об эмиграции ... , 2023].

Расхождения в оценке мигрантов / эмигрантов во многом объясняется разницей методик их учета отечественными ведомствами, а также взаимно не гармонизированной статистикой принимающих стран. Примером служат разные показатели, которыми оперируют пограничная служба ФСБ, Росстат и МВД, при оценке внешней миграции в России (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение данных о внешней миграции разных ведомств России*

№ пп	Источник	Показатели		
1.	Пограничная служба ФСБ	Въехавшие (включая туристов, командированных и т.д., включая вернувшихся и выезжавших несколько раз в год)		
		1-е полугодие 2019 г. 21 млн человек	1-е полугодие 2021 г. 6,7 млн человек	1-е полугодие 2022 г. 8,4 млн человек
2.	Росстат	Регистрация на длительное время	Снятие с регистрации	
		Январь–июль 2022 г. 381 тыс. человек	Январь–июль 2022 г. 454 тыс. человек	
3.	МВД	Постановка на учет	Оформление вида на жительство	Получение гражданства
		Январь–сентябрь 2021 г. 9,2 млн человек	Январь–сентябрь 2021 г. 171 тыс. человек	Январь–сентябрь 2021 г. 549 тыс. человек
		Январь–сентябрь 2022 г. 12,7 млн человек	Январь–сентябрь 2022 г. 200 тыс. человек	Январь–сентябрь 2022 г. 542 тыс. человек

* Источник: [Мендович, 2022 а].

Иммиграция в Россию. Детальный анализ статистических данных свидетельствует, что, хотя отток населения в 2022 г. из России и увеличился, но все же его превышение над притоком мигрантов носило кратковременный характер. Как подчеркивают специалисты, «несмотря на начало Специальной военной операции (СВО), в 2022 г. число поставленных на учет мигрантов посте-

¹ В сентябре 2022 г. у издания отозвали лицензию СМИ.

пенно увеличивалось, а разрыв с прошлогодними показателями нарастал. А это свидетельствует о том, что заметного оттока мигрантов на родину не произошло. Напротив, наблюдался их некоторый приток в Россию, который, однако, оказался не столь значительным, как мог бы быть в мирных условиях, когда экономика испытывала острый дефицит рабочей силы. Об этом свидетельствует динамика их легальной численности. Так, количество оформленных патентов на право ведения трудовой деятельности в РФ выросло с 1,9 млн (в январе – марте 2021 г.) до 2,2 млн (в аналогичный период 2022 г.), или всего на 5,9%. А количество действительных патентов за этот период вообще выросло всего на 2,5%» [Шустов, 2022].

В последние годы «абсолютное большинство мигрантов прибывают в Россию из стран Средней Азии, на которые (вместе с Казахстаном) приходится 3/4 всех зарегистрированных МВД РФ иностранцев. При этом почти 2/3 всех мигрантов прибывают в Россию из двух стран Средней Азии – Узбекистана (37,9%) и Таджикистана (26,4%). В совокупности на миграционный учет в России за девять месяцев 2022 г. было поставлено 8,3 млн граждан этих стран. Доля третьей по интенсивности трудовой миграции страны региона – Киргизии – на этом фоне невелика и составляет всего лишь 6,4% (821 тыс. регистраций)» [Шустов, 2022].

Напротив, количество мигрантов из европейских стран СНГ в Россию медленно, но стабильно сокращается. За девять месяцев 2022 г. на учет было поставлено 87 тыс. граждан Украины, Белоруссии – 428 тыс. и Молдавии – 125 тыс. В совокупности это составляет 11,1% от общего числа регистраций мигрантов в России. Уменьшение объемов трудовой иммиграции из Молдавии и Украины началось, когда эти страны подписали в середине 2010-х годов соглашения о евроассоциации, открывшие возможность для трудовой эмиграции их населения в страны ЕС. Некоторый рост в последние годы демонстрировала лишь иммиграция в Россию из Белоруссии, выходцы из которой, благодаря членству в ЕАЭС, пользуются теми же трудовыми правами, что и российские граждане [Шустов, 2022].

СВО ненамного нарушило привычную конфигурацию миграционных потоков в Россию. Прежде всего, это коснулось миграции из Молдавии и Украины. Если в первом случае поток мигрантов просто резко сократился, то во втором – радикально изменил характер. Если раньше миграция из Украины в Россию (как и из других стран) являлась преимущественно трудовой, то теперь здесь преобладают беженцы и вынужденные переселенцы.

При этом ситуация с количеством украинских беженцев в России так же не до конца понятна, как и в странах ЕС. По данным немецкого статистического агрегатора Statista, на 3 октября 2022 г. в России были зарегистрированы почти 2,9 млн беженцев с Украины, по числу которых она занимала первое место в мире. Еще 1,5 млн украинских беженцев прибыли в Польшу, чуть более 1 млн – в ФРГ, около 0,5 млн – в Чехию. По информации отечественных структур, с февраля в Россию прибыли более 5 млн украинских беженцев, а в пунктах временного размещения находи-

лись всего лишь 42 тыс. человек. Наиболее же вероятной экспертам представляется (учитывая эвакуацию населения с правобережья Херсонской области) более 3 млн украинских беженцев в России [Шустов, 2022].

Какой бы не была окончательная оценка современного количества беженцев в России, очевидно, что по сравнению с 2021 г. оно значительно возросло.

Социально-экономические последствия миграций

Последствия миграций для принимающих стран и стран-доноров уже достаточно подробно изучены.

В качестве примера можно сослаться на фундаментальный труд британского экономиста П. Коллиера (P. Collier) «Исход: как миграция изменяет наш мир» (Exodus: How Migration is Changing Our World), 2013 г., переведенный на русский язык и изданный в России в 2017 г. Данный исследователь рассматривает последствия миграции с нескольких сторон: а) приносят мигранты вред или пользу своим соотечественникам; б) какое влияние мигранты оказывают на граждан принимающих их государств. П. Коллиер убедительно доказывает, что чистое влияние миграции на наименее обеспеченные слои коренного населения, скорее всего, отрицательно. И в еще более уязвимой позиции, чем бедные коренные жители стран, принимающих мигрантов, находятся люди, которые остались там, откуда те уехали [Коллиер, 2017].

Исследователь приходит к выводу, при отсутствии сдерживающих мер эмиграция из беднейших стран ускоряется, и им грозит массовый исход населения. Однако миграционную политику определяют не бедные страны (происхождения мигрантов), а богатые (назначения мигрантов). Задавая темп прибытия иммигрантов, власти богатых стран в то же время непреднамеренно устанавливают темп эмиграции из беднейших обществ. Поэтому, выбирая миграционную политику, власти стран, принимающих мигрантов, должны сопоставлять интересы бедного коренного населения с интересами мигрантов и тех, кто остается жить в бедных странах. П. Коллиер утверждает, что немного миграции – почти наверняка лучше, чем ее полное отсутствие. Однако миграция, предоставленная сама себе, будет ускоряться, и потому с большой вероятностью приобретет избыточный размах. Именно поэтому средства контроля над миграцией, отнюдь не будучи неприятным пережитком национализма и расизма, становятся все более важными инструментами социальной политики во всех богатых обществах. И нежелательно не само их существование, а их непродуманность [Коллиер, 2017].

Следует отметить, что большинство исследований последствий миграций (как и работа П. Коллиера) относится к трудовой миграции. Очевидно, что вынужденная миграция (прежде всего, в лице беженцев) существенно от нее отличается – и не в лучшую сторону. Растущий поток беженцев значительно усиливает нагрузку на социальную инфраструктуру принимающих стран (в

первую очередь, на системы здравоохранения и образования), а их экономическая отдача существенно ниже, чем в случае трудовых мигрантов. В связи с этим еще более значимой становится государственная миграционная политика, которая призвана нивелировать возникающие негативные эффекты.

Наконец, все большее внимание привлекают вопросы адаптации мигрантов и их интеграции в принимающие сообщества. Практика доказала, что слабая интеграция мигрантов и их социально-культурная изоляция в рамках местных локальных общин ведет, с одной стороны, к развитию ксенофобии и нетерпимости среди местного населения, а с другой – к росту экстремизма и нигилизма у самих мигрантов. Превращение мигрантов и их детей в лояльных и законопослушных граждан более экономически развитых стран является не только условием благополучия последних. Одновременно это и канал распространения более прогрессивных социальных практик в менее развитые страны, способствующих их поступательному движению.

Заключение

Как в прошлом, так и в настоящем миграции людей в глобальном масштабе позволяют сохранить единство человечества, смягчая биологические и социальные различия, которые возникают в результате территориальной разобщенности локальных общин. На региональном уровне миграции обеспечивают перемещение рабочей силы из трудоизбыточных районов в трудодефицитные. Вместе с тем социально-культурные особенности мигрантов часто приводят к напряженным отношениям с коренным населением и даже конфликтам, а также к чрезмерному давлению на социальную инфраструктуру принимающих регионов. В свою очередь, следствием чрезмерного оттока населения служит замедление социально-экономического развития регионов-доноров из-за снижения качества человеческого капитала и уменьшения количества трудовых ресурсов. Такое неоднозначное влияние миграций на экономику и социальную сферу требует взвешенного и продуманного государственного регулирования миграционных процессов.

Именно в данном контексте следует оценивать миграционные потоки в России. Может ли страна обойтись без иммигрантов? Существует мнение, что может. Однако кадровый «голод» в России уже начинает ощущаться – и он будет усиливаться в связи с демографической динамикой. В результате низкого уровня рождаемости и очередной «демографической ямы» доля трудоспособного населения в стране снижается и не компенсируется темпами автоматизации труда. Поэтому потребность в притоке трудовых мигрантов в России в перспективе будет сохраняться (и даже нарастать – при подъеме в экономике).

Как представляется, в современных геополитических и геоэкономических условиях эмиграция из страны не будет массовой. Однако в нее включаются высококвалифицированные кадры наиболее перспективных направлений. Их отток наносит реальный экономический ущерб, снижая

качество человеческого капитала в стране. Многие специалисты (в частности, П. Коллиер) подчеркивают проблему «утечки мозгов» из бедных стран, которая наносит им непоправимый ущерб. Для России этот вопрос тоже становится острым. И задачей государственной политики является предотвращение отъезда из страны ценных специалистов – прежде всего, путем улучшения условий их труда и жизни.

Новой (относительно) для России проблемой становится выросший поток беженцев. В связи с этим встает задача адаптации и вовлечения в общественно-полезную деятельность вынужденных переселенцев, среди которых много ограниченно трудоспособных (в отличие от обычных трудовых мигрантов). Кроме того, дети мигрантов – в значительной степени будущие граждане страны, и их лояльность зависит от настоящих усилий по интеграции в российское общество. Причем требуются действия в сфере образования и культуры, а не только в области защиты прав мигрантов и решения других правовых вопросов (хотя и здесь существуют свои проблемы).

Список литературы

1. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 36–42.
2. Василенко П.В. Основные этапы и направления исследования миграции населения в отечественной науке // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 17. – С. 40–52.
3. В Евросоюзе в 2022 г. увеличился приток нелегальных мигрантов // Интерфакс. В мире. – 2023. – 13.01. – URL: <https://www.interfax.ru/world/880634> (дата обращения 20.01.2023).
4. Вишневский А., Денисенко М. Миграции в глобальном контексте : доклад на XVII Международ. научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – Москва : НИУ ВШЭ, 2016. – 17 с.
5. Доклад о миграции в мире 2022 / McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.) ; МОМ. – Женева, 2021. – 574 с.
6. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
7. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 384 с.
8. Малышев В. Нашествие. Новая волна // Фонд стратегической культуры. – 2022. – 16.10. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/16/nashestvie-novaja-volna-57449.html> (дата обращения 20.01.2023).
9. Мендович Н. Эмиграция из России-2022. Ч. 1. Анализ явления // Stan Radar. Общество. – 2022а. – 31.10. – URL: <https://stanradar.com/news/full/50919-emigratsija-iz-rossii-2022-analiz-javlenija-chast-1.html> (дата обращения 18.01.2023).
10. Мендович Н. Эмиграция-2022. Ч. 2. Операция «Релокация» // Stan Radar. Общество. – 2022б. – 03.11. – URL: <https://stanradar.com/news/full/50945-emigratsija-2022-operatsija-relokatsija-chast-2.html> (дата обращения 18.01.2023).
11. Мендович Н. Эмиграция-2022. Ч. 3. «Испуганные патриоты» // Stan Radar. Общество. – 2022в. – 17.11. – URL: <https://stanradar.com/news/full/51057-emigratsija-2022-ispugannye-patrioty-chast-3.html> (дата обращения 18.01.2023).
12. Моррисон А. Аллергия России на свое колониальное прошлое // ИНОСМИ. – 2022. – 18.01. – URL: <https://inosmi.ru/20161223/238439389.html> (дата обращения 04.02.2023).
13. «Новая газета» об эмиграции из России // Демоскоп Weekly. – 2023. – № 971/972. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0971/gazeta01.php> (дата обращения 21.01.2023).
14. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). – Москва : ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.
15. Шустов А. Миграционные итоги-2022 в рамках постсоветского пространства // Ритм Евразии. – 2022. – 31.12. – URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2022-12-31--migracionnye-itogi-2022-v-ramkah-postsovetskogo-prostranstva-63905> (дата обращения 18.01.2023).
16. Щербакова Е.М. Миграция в России по итогам первого полугодия 2022 года // Демоскоп Weekly. – 2022. – № 961–9620. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0961/barom01.php> (дата обращения 21.12.2022).
17. Юдина Т.Н. Социология миграции : учебное пособие для вузов. – Москва : Академический проект, 2006. – 272 с.
18. IOM history // IOM. – URL: <https://www.iom.int/iom-history> (дата обращения 04.02.2023).

FEATURES OF MODERN MIGRATIONS AND THEIR CONSEQUENCES (REVIEW)

Maria Polozhikhina

PhD (Geograp. Sci.), Leading researcher of the Department of economics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
e-mail: polozhikhina2@mail.ru

Abstract. *The review examines the scale, dynamics and features of modern migration flows both in the global context and in relation to Russia. The issues of estimating the number of migrants, including emigrants from Russia and refugees from Ukraine, are discussed. Information is provided on the socio-economic consequences of different types of migration, which serve as the basis for the formulation of tasks and directions of the state migration policy.*

Keywords: *international migration; Russia; emigration; immigration; refugees; state policy.*

For citation: Polozhikhina M.A. Features of modern migrations and their consequences // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 20–37.

УДК 325.1:339.923

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕТАМОРФОЗЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Ткаченко Александр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия¹, e-mail: alaltkachenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается динамика миграционных потоков между странами СНГ и Россией с выделением миграции между Россией и странами ЕАЭС. Анализируются масштабы денежных переводов из России в страны Содружества, изменение которых свидетельствует об уменьшении ее доли в переводах мигрантов на родину. Особое внимание уделено изучению документов и практики продвижения стран ЕАЭС и СНГ к общему рынку труда, позволившее сделать вывод об отсутствии реальных шагов в этом направлении вплоть до 2021 г. Принятие же в 2021 г. Соглашения о сотрудничестве в сфере содействия занятости стран СНГ требует внесения в Договор о ЕАЭС дополнения о создании общего рынка труда как цели Союза.

Ключевые слова: внешняя миграция; денежные переводы мигрантов; миграционная политика; общий рынок труда; Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств.

Для цитирования: Ткаченко А.А. Миграционная политика стран постсоветского пространства: метаморфозы и результаты // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 38–54.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.03

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023.

¹ © Ткаченко А.А., 2023

Введение

Россия по итогам 2022 г. занимает четвертое место в мире по численности накопленной внешней миграции (т.е. мигрантов, проживающих в данный период на территории страны) после США с традиционным первым местом, Германии и Саудовской Аравии (с оценкой общей численности мигрантов на ее территории в 13,6 млн человек) [World Population Prospects, 2022]. Это намного меньше (в 4,36 раза), чем в США, и меньше двух последующих стран на 26,6 и 14% соответственно. Все перечисленные страны относятся к экономикам, испытывающим потребность в иностранной рабочей силе, в том числе из-за демографически стареющего населения.

По итогам 2021 г. Россия достигла максимального миграционного прироста с начала 2010-х годов (295 тыс. человек), но за десять месяцев 2022 г. знак этого показателя сменился, впервые за многие годы, на отрицательный. Росстат оценивает миграционный отток в 20,6 тыс. человек, что вместе с естественной убылью (–501,6 тыс. человек) ведет к уменьшению численности населения страны¹. Сокращение миграционного прироста не предусматривалось прогнозами статистических органов России и должно получить оценку с точки зрения геополитических и геоэкономических аспектов государственной политики.

Динамика внешней миграции в России

Надо отметить, что в 2022 г. сальдо миграций для России со странами СНГ² осталось положительным, хотя и минимальным (1,4 тыс. человек) при немалом миграционном обороте: 514,9 тыс. прибывших и 513,5 тыс. выбывших. Общее отрицательное сальдо миграции образовалось исключительно за счет оттока населения в другие зарубежные страны. Сальдо миграций России с последними составило –22 тыс. человек при 71,1 тыс. выбывших. При этом рост общего числа выбывших в страны СНГ и дальнего зарубежья был очень близок: по данным Росстата он составил 2,6 раза в первом и 2,7 раза во втором случае [Социально-экономическое положение России ... , 2022, с. 206].

Подробный анализ ситуации 2022 г. выходит за рамки данной статьи, однако следует отметить, что положительное сальдо миграции России со странами СНГ является преимущественно

¹ По состоянию на 01.11.2022 население России составило 145,0 млн человек – тогда как по переписи населения 2020 г. было 147,2 млн человек, а близкой величиной стали данные переписи 2010 г. – 145,14 млн [Социально-экономическое положение России ... , 2002 ; Итоги Всероссийской переписи ... , 2022].

² Росстат выделяет две группы стран: а) страны СНГ и б) другие зарубежные страны. При этом Грузия до 2009 г. учитывалась в группе стран СНГ, а потом переместилась в группу других зарубежных стран. В первую группу включается десять стран, в том числе Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Украина. В рамках второй группы до 2010 г. Росстат публиковал данные по 13 странам и «прочим», после – по 15 странам и «прочим» (общий охват составляет 118 стран мира).

следствием миграционных потоков между Россией и Таджикистаном. В 2022 г. из Таджикистана прибыло 147,2 тыс. человек (что на 38,7% было больше прибывших из Украины, занимавшей второе место по численности прибывших), а выбыло в Таджикистан 85,6 тыс. человек. Таким образом, положительное сальдо миграции в обмене России с Таджикистаном составило 61,6 тыс. человек, что более чем возместило отрицательное сальдо миграции со всеми другими девятью странами СНГ (максимум отрицательного сальдо был достигнут с Арменией: –13,7 тыс. человек, минимум – с Молдовой: –0,3 тыс.) [Социально-экономическое положение России ... , 2022, с. 208].

Изменение сальдо миграций в России (или миграционного прироста за счет международных передвижений, по терминологии Росстата) в период 2007–2021 гг. представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Миграционный прирост в результате обмена России с другими странами,
тыс. человек***

Страны и регионы	2007 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Весь мир	239,9	158,1	245,4	261,9	211,9	124,9	285,1	106,5	429,9
СНГ	242,5	155,5	237,3	255,3	203,4	129,1	256,0	118,9	395,8
ЕАЭС	84,9	62,0	70,1	62,3	77,9	57,0	95,7	65,9	151,5
Азербайджан	19,6	13,4	10,7	10,4	8,6	8,7	17,0	10,9	23,7
Армения	30,0	19,2	20,5	12,0	14,0	14,4	35,1	–1,8	45,2
Беларусь	0,7	2,0	4,9	2,1	11,8	7,2	6,3	–1,4	15,4
Казахстан	30,0	20,5	34,8	37,1	32,7	26,5	39,2	8,4	48,3
Киргизия	24,1	20,3	9,9	11,0	19,4	9,0	15,1	1,4	42,5
Молдова	13,5	11,2	17,4	14,4	9,6	7,7	5,4	3,5	16,2
Таджикистан	16,8	17,5	11,4	27,3	34,6	31,0	48,4	39,4	96,6
Туркмения	4,7	2,2	2,3	2,4	2,9	2,95	6,2	0,8	7,2
Узбекистан	52,1	23,3	20,7	19,7	22,2	6,8	19,1	4,9	36,0
Украина	41,0	21,2	146,1	118,8	47,7	14,8	64,2	52,8	64,7

* Составлено автором по данным Росстата о численности и миграции населения за соответствующие годы.

В миграционном приросте численности населения России абсолютно доминируют страны СНГ, суммарный показатель которых в десять раз превышает величину миграционного прироста за счет обмена России с другими зарубежными странами (табл. 1). При этом в первую десятку стран второй группы по величине положительного сальдо входят: Индия (5,0 тыс. человек), Китай (4,25), Грузия (3,84), Египет (3,80), Вьетнам (3,40), Турция (1,80), Сирия (1,37), Афганистан (1,1), Латвия (0,66) и Иордания (0,54). Отрицательное сальдо миграции (или миграционная убыль) наблюдалось с 13 странами, самое заметное – с Германией (–0,71) и Финляндией (–0,15 тыс. человек) [Численность и миграция населения ... , 2022].

Подробнее остановимся на миграционном обмене России со странами СНГ, как доминирующим миграционным потоке и объекте анализа настоящей статьи.

Результаты миграционного обмена со странами СНГ

Из всех стран этой группы в 2021 г. в Россию прибыло больше, чем уехало. На первом месте по масштабам находится Таджикистан, положительное сальдо миграции с которым для России составило 96,61 тыс. человек. Эта же страна занимала и первое место по абсолютному числу прибывших в Россию в 2021 г. – 126,8 тыс. человек. На втором месте по обоим показателям была Украина – соответственно 64,67 и 122,67 тыс. человек. Третью позицию занимал Казахстан – 48,32 и 72,67 тыс. человек соответственно, – от которого ненамного отставала Армения – 45,24 и 70,08 тыс. человек. Более 40 тыс. человек миграционный прирост составил также в обмене России с Киргизией, при количестве прибывших 61,1 тыс. человек. Число прибывших в Россию из Узбекистана почти в 2 раза превышало число выбывших в эту страну (сальдо миграции 36,0 тыс. человек), но поток заметно сократился по сравнению с предыдущими годами [Численность и миграция населения ... , 2022].

Данные о миграциях за 2020 г. выпадают из общего тренда и мало сравнимы с другими из-за того, что отражают последствия борьбы с пандемией COVID-19. При этом сальдо миграций в обмене с Арменией и Беларусью у России было в 2020 г. отрицательным; с Киргизией – всего лишь 1,4 тыс. человек и с Казахстаном – 8,4 тыс., что почти в пять раз ниже показателя 2019 г. (всего 21,5% от уровня этого года) – таблица 1.

Тем не менее можно отметить, что миграция в Россию в «пандемийном» году из стран СНГ компенсировала отток населения в другие страны (табл. 1). Последний, хотя и был не очень значительным, но все же превышал по величине положительное сальдо предшествующих лет: например, 2014 г. – на четверть, 2015 г. – более чем на половину (53,8%) [Численность и миграция ... , 2021; Численность и миграция ... , 2015; Численность и миграция ... , 2016]. Это еще раз подтверждает факт особой значимости миграции из стран СНГ для отечественной экономики. Никакая программа по привлечению соотечественников из других стран в Россию не сможет в обозримой перспективе «соревноваться» с миграциями на пространстве СНГ.

Значительное сокращение миграционных потоков в 2020 г. и соответствующее уменьшение сальдо внешней миграции в России (до 37,3% от уровня 2019 г.) вызвало «компенсационный бум» миграции в 2021 г. Сальдо общей миграции и миграции со странами СНГ возросло по сравнению с 2020 г. в 3,3 раза, со странами ЕАЭС – в 23 раза (как следствие почти полного «замерзания» миграционного обмена России и стран ЕАЭС в 2020 г., когда сальдо составило всего лишь 6,5 тыс. человек) – таблица 1. Миграционный «бум» был настолько большим, что сальдо миграции достигло максимума за весь период 2007–2021 гг. Исключение составили три страны СНГ: Молдова, Узбекистан и Украина.

Сальдо миграции в обмене России с Молдовой после 2015 г. постоянно и значительно сокращается, а в 2021 г. было лишь немногим выше, чем в 2015 гг. – на 7% (табл. 1). В обмене России с Узбекистаном сальдо миграции было значительно выше в 2007 г. (в 1,4 раза по сравнению с 2021 г.). В обмене России с Украиной сальдо миграции было существенно больше в 2015–2016 гг. (в 2,3–1,8 раз соответственно) из-за потока вынужденной миграции, пик которой пришелся на 2015 г. (табл. 1). Тогда число прибывших с Украины в Россию составило 194,2 тыс. человек, сальдо миграции превысило 146 тыс. При этом беженцев и вынужденных переселенцев среди них почти не было – менее 300 человек в каждой категории. 311,1 тыс. человек были учтены Росстатом как лица, получившие временное убежище (что составило 99,2% от всех мигрантов данной категории в 2015 г.) [Численность и миграция ... , 2021 ; Численность и миграция ... , 2015 ; Численность и миграция ... , 2016].

Доли таких же мигрантов из Сирии и Афганистана в 2015 г. составили лишь 0,4 и 0,2%, а из всех других стран 0,1% от всех мигрантов данной категории [Численность и миграция населения ... , 2016]. Эта категории мигрантов имеет в соответствии со ст. 12 Закона РФ о беженцах право на временное пребывание на территории страны по гуманитарным основаниям, но не имеет права на получение единовременного денежного пособия на каждого члена семьи. При этом в отношении граждан Украины в закон были внесены изменения, согласно которым они не должны в обмен на получение удостоверения лица, получившие временное убежище, сдавать на все время пребывания в России свои паспорта в отделы внутренних дел (как это обязаны делать граждане других стран) [Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-I ... , 1993]. Необходимо также отметить, что указанный закон отдает прерогативу определения порядка такого решения правительству страны, а оно передает решение вопроса о предоставлении убежища территориальным органам исполнительной власти, что переводит уровень предоставления убежища из законодательного поля в административное.

Страны Евразийского экономического союза в миграционном обмене с Россией

Особое место на пространстве Содружества (которое так и не стало объединением с целью экономической интеграции) занимает Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Россия сохраняет со странами ЕАЭС положительное сальдо миграции все годы после решения о его создании (2014 г.). Хотя сделать вывод об устойчивости тренда невозможно из-за краткости периода существования Союза и колебаниях сальдо миграции в эти годы: 2016 – 62 293 человек, 2017 г. – 77 860, 2018 г. – 57 043, 2019 г. – 95 664, 2020 г. (год развернувшейся эпидемии ковида) – только 6590 человек. В 2021 г. потоки прибывших из стран ЕАЭС снизились на 21,4% (в то время как из других стран – лишь на 12,3%), а выбывших, наоборот, повысились – на 29,5% для стран ЕАЭС и на 11,3% для других стран [Численность и миграция ... , 2022].

Такую различную динамику миграции для стран ЕАЭС с Россией можно связать в первую очередь с перемещением трудовых мигрантов, потоки которых не просто преобладают, а доминируют среди прибывающих в Россию. Выделим Армению, которая все годы существования ЕАЭС имела небольшое, но отрицательное сальдо миграции со странами ЕАЭС (т.е. отток населения в эти страны) и положительное сальдо с другими странами. При этом потоки прибывших из других стран в 3 и более раз превышали потоки мигрантов из стран СНГ, а выбывших – лишь в 2 раза [Евразийский экономический союз ... , 2022, с. 38–40]. Можно констатировать, что так называемый «общий рынок труда ЕАЭС» не имеет существенного значения для миграционных связей Армении со странами этого объединения.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении Беларуси, для которой потоки прибывших и выбывших в другие страны также заметно больше, чем обмен со странами ЕАЭС. Отличие состоит в том, что Беларусь имеет положительное сальдо миграции со странами Союза (т.е. приток населения) [Евразийский экономический союз ... , 2022, с. 38–40].

Иную роль миграция играет в Казахстане, ситуация в котором отличается по нескольким направлениям. Во-первых, численность выбывших из страны в другие страны ЕАЭС намного выше, чем прибывших из этих стран (в 6,2 раза) и чем выбывших в другие страны (в 7 раз). Во-вторых, если со странами ЕАЭС сальдо миграции отрицательно (–21,3 тыс. человек в 2020 г.), то с другими странами положительно (+3,6 тыс. человек соответственно). Таким образом, вторая экономика ЕАЭС, в отличие от России, относится по данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) к странам, в которых трудовая и образовательная эмиграция играют важную роль [Евразийский экономический союз ... , 2022, с. 38–40].

Количество прибывших в Киргизию (Кыргызстан) из стран ЕАЭС и других стран, а также выбывших в другие страны незначительно. При этом число прибывших за 2016–2020 гг. неуклонно снижалось. Численность выбывших, приводимых в материалах ЕЭК, хотя и заметно больше, чем прибывших (в 3–5 раз за указанный период), но не соответствует реальной роли трудовой эмиграции в экономике Киргизии [Евразийский экономический союз ... , 2022, с. 38–40].

Поиски причин расхождения данных ЕЭК с национальной статистикой не входят в задачи этой статьи, но их стоит отметить [Ткаченко, 2017, с. 685–689]. Надо иметь в виду и особенности учета миграции в странах СНГ, которые влияют на точность и сопоставимость данных, а также на возможность использования динамического ряда достаточной продолжительности. Исключение составляют Армения и Молдова. Данные по миграции в Армении (с 2010 г.) и Молдове (с 2000 г.) собираются из регистров населения, что позволяет статистическим комитетам этих стран иметь информацию о миграции за продолжительный период в годовом разрезе. Хотя при подготовке к переписям населения 2020 г. все страны Содружества включили в программы вопросы, касающиеся миграции населения, что дает шансы создать в будущем общую базу данных.

Место стран Центральной Азии в миграционном обмене с Россией

Дальнейшее полноценное развитие ЕАЭС без его расширения представляется эфемерным. В связи с этим следует остановиться на отношениях России с Узбекистаном как одной из самых крупных и быстроразвивающихся экономик Центральной Азии и государства-наблюдателя в ЕАЭС с 2020 г. ВВП Узбекистана менее чем в 3 раза уступает ВВП Казахстана, но в 3–8 раз больше других стран региона, и растет почти такими же высокими темпами, как и ВВП Таджикистана (12,1% в 2021 г.) [Меморандум о взаимодействии ... , 2021]. При этом внешняя торговля Узбекистана со странами ЕАЭС характеризуется заметным дисбалансом – в 2020 г. их экспорт в страну (6,65 млрд долл.) в 2,1 раза превышал ее импорт (3,17 млрд долл.) [Внешнеторговый оборот ... , 2020].

На втором заседании совместной рабочей группы по взаимодействию между ЕЭК и Правительством Узбекистана (31.08.2022) были выработаны совместные предложения «по обеспечению поступательного развития торгово-экономического взаимодействия», которые содержат восемь направлений как самого широкого (например, гармонизация в сфере таможенного сотрудничества), так и более узкого характера (в частности, участие Узбекистана в проекте цифровизации грузовых транспортных перевозок в ЕАЭС) [ЕАЭС – Узбекистан ... , 2022]. Однако среди этих направлений нет сотрудничества в области трудовой и гуманитарной миграции. Хотя в 2020-е годы только Россия ежегодно принимает более 50 тыс. трудовых мигрантов из этой страны. С другими странами СНГ Узбекистан также имеет отрицательное сальдо миграции, хотя и уменьшающееся после 2011 г., но все же заметное: –10,4 тыс. человек в 2019 г. и –12,0 тыс. человек в 2020 г. [Сальдо межгосударственной миграции ... , 2021].

ЕАЭС необходимо обратить особое внимание на сотрудничество по миграционной тематике со странами Центральной Азии, которые, несмотря на продолжающуюся трудовую эмиграцию, ставят вопрос о сохранении высококвалифицированных кадров на родине. Следует также учитывать, что в этих странах проблемы внешней трудовой миграции рассматриваются через призму влияния ускоренной индустриализации и цифровизации экономики на миграционные процессы [Султанов, Солиева, 2021].

Денежные переводы мигрантов на пространстве СНГ

Денежные переводы служат одной из важнейших характеристик трудовой миграции и являются значимым финансовым потоком из более развитых и богатых стран в страны развивающиеся и испытывающие определенную напряженность на рынке труда [Ткаченко, 2014]. Среди десяти крупнейших стран – доноров денежных переводов находится и Россия (6-е место в 2021 г. по данным Всемирного банка), из которой ремиттансы (денежные переводы мигрантов на родину) направляются в страны СНГ и ЕАЭС.

Следует подчеркнуть, что данные Всемирного банка (ВБ) по вопросу личных переводов расходятся с информацией российского Центрального банка (ЦБ) [Тадевосян, 2018]. Ориентируясь на сведения последнего, можно отметить, что в 2021 г. общая сумма переводов из РФ в страны СНГ почти восстановилась до величины 2015 г. – максимальной за период 2015–2021 гг. (табл. 2). При этом в 2020 г. – году пандемии – общая сумма денежных переводов из России в страны СНГ была больше по сравнению с 2019 г. Это произошло за счет трудовых мигрантов из всего лишь одной страны – Таджикистана, – переводы в которую из России увеличились в 2,6 раза по сравнению с 2019 г. и уступали по своему объему лишь переводам в Узбекистан (табл. 2). В сумме эти две страны занимают почти две трети в объеме всех переводов из России в страны СНГ (65,3% в 2021 г.).

Таблица 2

**Переводы мигрантов из России, осуществленные через системы денежных переводов
(млн долл.)****

Страна*	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Страны СНГ	7978,0	5596,1	7003,6	7462,9	6095,8	6192,7	7576,7
Страны ЕАЭС	2226,0	1764,2	2241,8	2466,3	1507,3	1251,8	1817,2
Армения	682,0	346,2	509,1	643,1	627,6	486,6	531,4
Беларусь	143,0	114,7	143,5	116,4	83,6	76,3	69,4
Казахстан	318,0	327,3	386,5	392,7	183,9	80,0	66,2
Киргизия	1083,0	976,0	1202,6	1314,1	612,2	608,9	1120,1
Таджикистан	1278,0	579,05	795,7	834,6	6698,0	1736,9	1794,8
Туркмения	16,0	8,0	1,5	0,3	0,2	0,1	0,2
Узбекистан	2370,0	1887,8	2662,9	2902,4	3057,7	2461,8	3210,9

* Список и названия стран приведены в соответствии с принятыми ЦБ России.

** Составлено и рассчитано по: [Трансграничные переводы ... , 2023].

Из стран ЕАЭС только Киргизия (Кыргызстан), а также два других государства Центральной Азии – не члены ЕАЭС (Таджикистан и Узбекистан) – имеют очень высокие и, несмотря на конъюнктурные колебания, связанные с потоками трудовых мигрантов в Россию (которые зависят от ситуации в отечественной экономике), не имеющие тренда к снижению показатели объемов денежных переводов [Воробьева, Топилин, 2022]. Следует отметить, что Узбекистан в течение рассматриваемого периода получал из России больший объем переводов, чем все четыре страны ЕАЭС вместе взятые (табл. 2). При этом в последние три года это превышение стало более заметным, увеличившись с 1,77 в 2019 г. до 2,03 раз в 2021 г. Данные таблицы 2 демонстрируют важность занятости трудовых мигрантов в российской экономике не только для самих занятых и их семей / домохозяйств на родине, но и для финансовой и экономической системы трех стран Центральной Азии в целом.

Для уточнения места России в поступлении денежных средств в страны СНГ и ЕАЭС от трудовых мигрантов сравним данные о ремиттансах (personal remittances) ВБ (табл. 3) и ЦБ России (табл. 2).

Таблица 3

Денежные переводы, полученные странами ЕАЭС и Центральной Азии (млн долл.)*

Страна	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Армения	1491,5	1382,3	1538,65	1487,8	1527,9	1327,0	1610,2
Беларусь	931,5	976,6	1253,8	1445,8	1418,8	1013,7	1136,7
Казахстан	294,3	384,2	560,4	618,0	506,0	374,4	310,15
Киргизия	1687,7	1994,6	2485,8	2688,6	2410,5	2422,8	2792,5
Россия	6903,4	6688,7	8235,0	9287,3	10432,5	9915,0	9646,9
Таджикистан	2258,6	1867,4	2237,2	2183,3	2321,9	2186,8	2921,7
Туркменистан	16,0	9,0	4,0	2,0	1,0	1,0	...
Узбекистан	4843,2	5795,1	7130,15	7609,6	8545,8	6979,8	9197,5

* Источник: [Personal remittance ... , 2023].

Из приведенных в таблицах данных видно, что после 2014 г. Киргизия (Кыргызстан), Армения и Беларусь неравномерно, но наращивали объемы поступающих ремиттансов за счет мигрантов, работающих вне территории России. В 2015 г. доля переводов из России составляла 64,2% от общих поступлений в Киргизии, 45,7% в Армении и 15,3% в Беларуси. В 2021 г. эти доли заметно уменьшились – до 40,1%, 33,0 и 6,1% соответственно.

Разумеется, Армения и Беларусь находятся в более благоприятном географическом положении, чем Киргизия, а расстояние до центров притяжения мигрантов играет большую роль в их мобильности. Но даже Киргизия, чьи трудовые мигранты традиционно ориентированы на российский рынок труда, снизил всего за семь лет российскую долю ремиттансов весьма значительно – на 24%. Эта тенденция в странах, входящих в интеграционный союз, для которого свободное передвижение рабочей силы является одним из важнейших условий развития, представляется весьма тревожной. Поэтому необходимо отслеживать изменения в данных процессах в связи как с предпринимаемыми, так и планируемыми действиями в ЕАЭС.

Вопросы формирования общего рынка труда в ЕАЭС

Проблемам занятости и рынка труда на общем пространстве ЕАЭС посвящен XXVI (последний) раздел (ст. 96–98) ч. III Договора о Евразийском экономическом союзе, который касается только трудовой миграции [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014]. В то же время в других интеграционных объединениях речь идет о свободе передвижения населения в целом.

Например, в договоре о создании Европейского Союза (ЕС) речь идет о создании союза для достижения общих целей стран-участниц. В п. 2 ст. 3 Договора о Европейском Союзе заявляется о том, что «Союз предоставляет своим гражданам пространство свободы, безопасности и правосудия без внутренних границ, в рамках которого обеспечивается *свободное передвижение лиц* во взаимосвязи с соответствующими мерами по вопросам контроля внешних границ, предоставления убежища, иммиграции...» [Договор о Европейском ... , 2023]. На обеспечение свободного передвижения населения стран-участниц (в качестве общей цели Евросоюза) ориентированы нацио-

нальные законы, что позволяет в случае чрезвычайных обстоятельств предпринимать только заранее оговоренные меры, которые не могут стать неожиданными для стран-партнеров.

Сужение поля действия в договоре о ЕАЭС можно отнести к его собственной более узкой задаче – экономическому союзу. Весьма вероятно, что это фундаментальное отличие и приводит к значительным трудностям в передвижении населения на пространстве пяти стран, а также к отсутствию на девятом году существования Союза свободного передвижения рабочей силы и общего рынка труда (несмотря на глубокую заинтересованность в этом всех пяти стран, пусть и по разным причинам).

Подчеркнем, что раздел XXVI о трудовой миграции Договора о ЕАЭС не содержит положения или даже упоминания об общем рынке труда как цели интеграции, хотя на самом деле именно это является «сердцевиной» экономической интеграции. Без свободного функционирования общего рынка труда предприниматели каждой страны Союза не смогут быть конкурентоспособными на внешних по отношению к ЕАЭС рынках, или их преимущество будет неустойчивым и временным.

Можно возразить, что до объединения в союз какие-то предприятия в каждой стране были конкурентоспособны, что подтверждают данные внешней торговли этих стран и их вовлеченность в глобальную экономику. Но на примере России, Казахстана и отдельных отраслей других стран ЕАЭС очевидно, что их участие в мировой экономике связано преимущественно с продажей ограниченного набора природных ресурсов (алмазов, золота, нефти, газа, руды, леса и т.д.). А такие производства функционируют благодаря естественной монополии и дешевому труду. Последнее приводит к закреплению низких доходов населения (или их слишком медленному росту) и стагнирующей системе социальной защиты.

Необходимость пересмотра Договора о ЕАЭС

Остановимся на возможных направлениях пересмотра Договора о ЕАЭС в обозримом будущем¹. Ст. 96 раздела XXVI Договора говорит только о согласовании общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции. В условиях часто огромных различий не просто в подходах, а в целях и степени важности трудовой миграции для разных стран требуются большие усилия для согласования интересов договаривающихся сторон. Имеется в виду все тот же общий рынок труда, создание которого, по существу, и решает, будет ли дальше развиваться интеграция национальных экономик стран ЕАЭС или Союзу реально грозит процесс дезинтеграция [Ткаченко, 2020].

¹ По какой причине необходимость таких пересмотров возникает и к чему она приводит, можно видеть на примерах продвижения к новым ступеням интеграции стран ЕС или пересмотра Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA) и образования USMCA как Соглашения между США, Мексикой и Канадой о свободной торговле.

Эта же статья Договора говорит о необходимости обмена информацией, включая обмен нормативными правовыми актами – но разве само объединение как интеграционный союз не подразумевает надлежащий обмен такими актами в качестве обязательного условия совместной жизни?

В подразделе 5 ст. 96 приводятся формулировки используемых понятий, что может быть оценено двояко. С одной стороны, это хорошо для создания национальных актов по связанным вопросам и упрощения согласования. С другой, существует проблема несоответствия национальных терминологий международно принятым¹ (что весьма актуально, в частности, для России).

Следующая ст. 97 Договора содержит, с одной стороны, основополагающие для свободного передвижения трудовых мигрантов положения, а с другой – исключения, которые могут свести на нет все устремления мигрантов. Так, четко и ясно записано, что «государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда» [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014]. А далее идут исключения из этого принципа, причем не только со ссылкой на данный договор, но и на законодательство государств-членов по обеспечению национальной безопасности. Последнее вполне понятно и допускается всеми международными соглашениями, конвенциями и т.д. Однако дополнение «в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение» требует уже специального списка, который может расширяться или сужаться по воле каждого из пяти государств.

Кроме того, предусматривается исключение в виде обеспечения общественного порядка. Последнее в самом Договоре не определено и может пониматься неодинаково не только каждым государством, но и в разные промежутки времени. Данное положение, по нашему мнению, ограничивает как свободу передвижения, так и свободу пребывания гражданина одной страны ЕАЭС на территории другой страны Союза. Примером может служить российская практика отношений к мигрантам, в частности из Киргизии. Такой мигрант принудительно высылается на родину с лишением на несколько лет прав повторного въезда в Россию всего лишь из-за нарушения правил вождения автотранспорта. Это можно было бы отнести к нарушению общественного порядка, но с точки зрения международного права, высылка как наказание мигранта выглядит административным произволом.

Еще одно положение ст. 97 требует признания каждым из государств документов об образовании других государств – членов ЕАЭС, делая при этом исключения для деятельности в педагогической, юридической, медицинской и фармацевтической областях. Перечисленные исключения предполагают определенную процедуру признания документов и были изменены в 2022 г. [Прото-

¹ Нельзя не сослаться на такой пример: несмотря на то, что все страны ЕАЭС являются членами Международной организации труда, в Договоре о ЕАЭС дается свое определение понятию «работодатель» – комментарии тут излишни.

кол о внесении изменений ... , 2022]. Если записанные положения надо менять уже через восемь лет, то это свидетельствует о краткосрочности принципов Договора.

Об отсутствии в качестве одной из целей ЕАЭС создания общего рынка труда свидетельствует, как представляется, и п. 9 ст. 97, который устанавливает правила, сужающие свободу передвижения мигрантов. Так, в случае досрочного расторжения договора мигранта с работодателя по истечению 90 суток с даты въезда на территорию государства ЕАЭС трудящийся-мигрант имеет право в течение 15 дней заключить новый договор о найме без выезда с этой территории. Таким образом, все мигранты номинального «единого экономического пространства» уже обречены на две угрозы: обязательно проработать 90 суток по первому найму и успеть не более чем за 15 дней после увольнения устроиться на новую работу. Кто и как замерял средние показатели этих условий – непонятно, но они явно ограничивают свободу трудоустройства на пространстве ЕАЭС.

Ст. 98 Договора в разделе о миграции содержит положение о праве трудящегося на беспрепятственный перевод денежных средств. Несмотря на то, что это право имеет огромное значение не только для вознаграждения за труд наемного работника, но и для жизни семьи / домохозяйства в стране выхода мигранта, его нарушают без всякого согласования с заинтересованными странами и даже не согласовывая вводимые ограничения с ЕЭК ЕАЭС. Так, в апреле 2019 г. ЦБ России были введены лимиты на величину ежемесячных (в течение 30 календарных дней) переводов из России в Киргизию и Казахстан (как во Вьетнам и Китай). Не существует наднационального органа, который бы имел право отменить данное решение национальной институции и наказать ее за это нарушение. Поэтому проблема была вынесена на обсуждение на Евразийском межправительственном совете глав правительств стран ЕАЭС (который собирается не реже двух раз в год и решает общие вопросы развития¹).

Вопросы общего рынка труда и свободы перемещений в СНГ

Страны – участники СНГ, предшественника ЕАЭС на постсоветском пространстве, также говорят о необходимости свободы передвижения рабочей силы [Султанов, Шарипова, 2022].

В ст. 2 Устава СНГ содержится положение «о содействии гражданам государств-членов в свободном... передвижении в Содружестве» [Устав Содружества ... , 1993]. Поскольку такое содействие может оказываться различными путями, страны, образовавшие СНГ, пошли по пути двухсторонних соглашений по вопросам миграции.

Ст. 3 Устава СНГ постулирует верховенство международного права в межгосударственных отношениях [Устав Содружества ... , 1993]. Это дает возможность регулировать межгосударственные отношения и решать возникающие проблемы с помощью соответствующих конвенций

¹Заседания Совета и без того очень насыщены. Например, по итогам заседания Евразийского межправительственного совета 20–21.10.2022 было обсуждено и подписано восемь документов.

Международной организации труда (МОТ) в области миграции и рынка труда. Но тупик, который необходимо преодолеть, связан с тем, что многие из них не ратифицированы большинством стран СНГ, в том числе крупнейшими принимающими экономиками – Россией и Казахстаном, следовательно, не применяются на практике и не соблюдаются. Так, Конвенции С143 о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения) 1975 г. ратифицирована только Арменией и Таджикистаном; Конвенция о трудовой миграции (пересмотренная) 1949 г. (№ 97) – только Арменией, Киргизией, Молдовой и Таджикистаном.

Устав СНГ относит вопросы миграционной политики к сферам совместной деятельности государств-членов (ст. 4). Более того, согласно ст. 19, направлением сотрудничества стран-членов является формирование общего экономического пространства и обеспечение свободного перемещения рабочей силы.

Таким образом, при образовании СНГ были созданы предпосылки, ведущие к интеграции в области занятости и образования на основе свободы передвижения рабочей силы и общего рынка труда. Фактически же Содружество за почти тридцать лет существования не продвинулось (не считая Соглашения 2021 г.) не только к общему рынку труда, но и к более свободному передвижению рабочей силы (не говоря уже о разделении труда, существовавшем на советском пространстве¹).

Парламентарии стран СНГ пытались решать проблемы трудовой миграции и считали необходимым повысить мобильность населения. Например, в 2007 г. Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ были приняты Рекомендации «О законодательном обеспечении регулирования миграционных процессов в государствах – участниках СНГ» [О законодательном обеспечении ... , 2007]. В соответствии с ними предлагалось совершенствовать нормативную правовую базу регулирования миграционных процессов, приняв для этого программу разработки модельных законодательных актов и рекомендации по сближению законодательства государств-участников в данной сфере. Также в 2007 г. был одобрен Глоссарий терминов и понятий в сфере регулирования миграционных процессов в государствах – участниках СНГ, носящий рекомендательный характер. Ассамблеей предполагалось разработать целый ряд модельных законов², чего, к сожалению, не было сделано.

Определенный сдвиг произошел только через десять лет, когда в марте 2017 г. была принята Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей си-

¹ Мы ни в коей мере не касаемся влияния нерыночных отношений на эффективность разделения труда и перемещения рабочей силы в советской экономике.

² В том числе: «О правовом положении иностранных граждан», «О регистрации иностранных граждан», «О внешней трудовой миграции граждан государств – участников СНГ», «О регулировании миграции конкретных категорий мигрантов (высококвалифицированных специалистов и ключевого персонала, инвесторов, сезонных работников, приграничных трудящихся)».

лы государств – участников СНГ и Приоритетные мероприятия на 2017–2020 гг. [Решение Экономического совета ... , 2017]. К сожалению, эта концепция была принята только на четыре года (а по существу даже на меньший срок) и не носила долгосрочного характера (как должно быть). Тем более, что подобная концепция уже принималась Экономическим советом СНГ в 2000 г. и была просто отменена решением 2017 г.

Возникает вопрос о приоритетах стран СНГ в области рынка труда и того, почему для их достижения достаточно всего четырех лет. Самый же большой вопрос вызывает первый пункт Приоритетных мероприятий по разработке Соглашения о сотрудничестве государственных служб занятости населения государств – участников СНГ, целью реализации которого была предусмотрена в том числе выработка согласованных подходов к *распределению* и обмену рабочей силы.

Общий рынок труда создается в странах с рыночной экономикой, и рабочая сила движется по таким же правилам, что и остальные факторы производства. Кто и куда будет распределять рабочую силу в данном случае? Возможно, авторы этого документа имели в виду российскую систему квот на привлечение иностранной рабочей силы по регионам, при которой полномочия межведомственной комиссии позволяют перераспределять трудовых мигрантов между работодателями региона. Однако эта система полностью противоречит свободному передвижению рабочей силы, о которой говорится в преамбуле Концепции, и не может относиться по крайней мере к странам СНГ, образовавшим ЕАЭС.

Подобные заблуждения (дать иную оценку затруднительно) присущи и ряду исследователей. Существует точка зрения, что в условиях рыночной экономики роль прогнозирования в регулировании и *управлении* занятостью населения усиливается. К сожалению, в подобных работах авторы четко не прописывают, что имеется в виду под управлением занятостью в отличие от регулирования [Ли, Назаров А., Назаров Д., 2020].

Заключение

В 2021 г. российское правительство одобрило проект Соглашения о сотрудничестве в сфере содействия занятости населения государств – участников СНГ и поручило Минтруду согласовывать его текст. Ст. 1 этого уже принятого Соглашения¹ повторяет статью Договора о ЕАЭС, но при этом вводит понятие общего рынка труда и ориентирует усилия стран на устранение барьеров для формирования общего рынка труда.

Соглашение 2021 г. является значительным достижением на трудном пути развития сотрудничества в рамках СНГ. С другой стороны, его одобрение в России требует внесения близких по

¹ Соглашение не подписали правительства Азербайджана и Молдовы.

смыслу и таких же по значению новаций в действующий Договор о ЕАЭС. То есть, судя по практике деятельности органов ЕАЭС, целесообразно принятие специального протокола к Договору.

Сложно предположить возможность и стремление к быстрой ратификации основополагающих конвенций МОТ странами СНГ хотя бы в среднесрочной перспективе. Страны ЕАЭС, как представляется, более заинтересованы в этом процессе. Следовательно, нужно внести этот вопрос в повестку дня руководящих органов ЕАЭС ближайшего будущего, а ЕЭК предварительно проработать его с участием не только представителей государственных органов, но и с союзами работодателей и наемных работников (как этого требуют нормы МОТ), а также объединений мигрантов этих стран.

При всем при этом продолжает беспокоить вопрос: не могут ли недоработки в области миграции и рынка труда ЕАЭС превратить его в формальное объединение и привести к повторению судьбы СНГ?

Список литературы

1. Воробьева О.Д., Топилин А.В. Влияние денежных переводов из России в страны Средней Азии на экономическое развитие // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 85–96.
2. Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан: предварительные данные за январь-декабрь 2020 / UZSTAT. – 2020. – 34 с. – URL: https://stat.uz/images/uploads/docs/tashqi_savdo_dec_2020_ru.pdf (дата обращения 26.02.2023).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе // ЕАЭС. Правовой портал. – 2014. – URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/> (дата обращения 26.02.2023).
4. Договор о Европейском Союзе (новая редакция) / пер. Четверикова А.О. // Право Европейского Союза. – URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения 6.02.2023).
5. ЕАЭС – Узбекистан: сотрудничество в целях наращивания торгово-экономических связей // ЕЭК. Новости. – 2022. – 31.08. – URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-uzbekistan-sotrudnichestvo-v-tselyakh-narashchivaniya-torgovo-ekonomicheskikh-svyazey/> (дата обращения 6.02.2023).
6. Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – Москва : ЕЭК, 2022. – 189 с.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 6.02.2023).
8. Ли И.Т.-Д., Назаров А.Ш., Назаров Д.А. Выбор метода регулирования рынка труда на основе обзора методов прогнозирования и регулирования // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2020. – № 4(72). – С. 39–47.
9. Меморандум о взаимодействии между ЕЭК и Правительством Республики Узбекистан // ЕАЭС. Правовой портал. – 2021. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01529204/ms_13052021 (дата обращения 26.02.2023).
10. О законодательном обеспечении регулирования миграционных процессов в государствах – участниках СНГ // Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. База документов. – 2007. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/rekomendacii/80 (дата обращения 26.02.2023).
11. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 года, подписанный в г. Москве 31.03.2022 // АЮДАРИНФО. Нормативные акты. – 2022. – URL: https://www.audar-info.ru/na/editArticle/index/type_id/10/doc_id/37346/release_id/72126/ (дата обращения 26.02.2023).
12. Решение Экономического совета СНГ от 17.03.2017 «О Концепции поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств-участников СНГ и Приоритетных мероприятий по формированию общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы на 2017–2020 гг.» // Гарант. – 2017. – URL: <https://base.garant.ru/71663932/> (дата обращения 26.02.2023).
13. Сальдо межгосударственной миграции по потокам передвижения // Статкомитет СНГ. Статистика по темам. Миграция. Статистические показатели. – 2021. – URL: <http://new.cisstat.org/ru/web/guest/Численность-населения> (дата обращения 6.02.2023).
14. Социально-экономическое положение России: январь-ноябрь 2022 года // Росстат. – 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2022.pdf> (дата обращения 5.02.2023).

15. Султанов З., Солиева Л.Ф. Цифровизация, ускоренная индустриализация экономики и внешняя трудовая миграция – веление времени // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2021. – № 2 (74). – С. 10–20.
16. Султанов З., Шарипова А.Г. Региональная экономическая интеграция и трудовая миграция как важнейшие факторы стабильного и устойчивого роста экономики // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2022. – № 1 (76). – С. 9–19.
17. Тадевосян З.А. Личные переводы в странах – членах ЕАЭС и основных игроков других региональных экономических объединений // Международная торговля и торговая политика. – 2018. – № 1(13). – С. 98–111.
18. Ткаченко А.А. Ремиттансы как новое явление глобальной экономики // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 2. – С. 36–42.
19. Ткаченко А.А. Измерение бедности и трудовой миграции в странах ЕАЭС и СНГ: различия методологических подходов / РАН. ИНИОН, Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – 2017. – Вып. 12, Ч. 1. – С. 685–689.
20. Ткаченко А.А. Извилистые пути интеграции: Россия в ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 46–57.
21. Трансграничные переводы физических лиц (резидентов и нерезидентов) // Банк России. – Б/г. URL: https://cbr.ru/hd_base/tg/ (дата обращения 5.02.2023).
22. Устав Содружества Независимых Государств // Исполком СНГ. О Содружестве. – 1993. – URL: <https://cis.minsk.by/page/180> (дата обращения 26.02.2023).
23. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-І «О беженцах» (с изменениями и дополнениями // Законодательство Российской Федерации. Федеральные законы. – 1993. – URL: <https://fzrf.su/zakon/o-bezhencah-n-4528-1/> (дата обращения 5.02.2023).
24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г. : стат. бюллетень // Росстат. – 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 5.02.2023).
25. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 г. : стат. бюллетень // Росстат. – 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 5.02.2023).
26. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. : стат. бюллетень // Росстат. – 2016. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 4.02.2023).
27. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г. : стат. бюллетень // Росстат. – 2015. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 4.02.2023).
28. World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. – 2022. – URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022> (дата обращения 4.02.2023).
29. Personal remittance, received (current US\$) // World Bank. Data. – Б/г. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT> (дата обращения 4.02.2023).

MIGRATION POLICY OF THE POST-SOVIET COUNTRIES: METAMORPHOSES AND RESULTS

Alexander Tkachenko

DrS (Econ. Sci), Professor, Chief researcher, Institute for International Economic Relations Research,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: alaltkachenko@gmail.com

Abstract. *The paper examines the dynamics of migration flows between the CIS countries and Russia with the allocation of migration between Russia and the EAEU countries. The personal remittances from Russia to the CIS countries is analyzed, the change of which indicates a decrease in its share in the transfers of migrants to their homeland. Special attention is paid to the study of documents and practices of promoting the EAEU and CIS countries to the common labour market, which allowed us to conclude that there are no real steps in this direction until 2021. Adoption in 2021 The Agreement on cooperation in the field of employment promotion of the CIS countries requires an addition to the EAEU Treaty on the creation of a common labour market as the Union's goal.*

Keywords: *external migration; personal remittances; labour market; migration policy; Eurasian Economic Union; Commonwealth of Independent States.*

For citation: Tkachenko A.A. Migration policy of the post-soviet countries: metamorphoses and results // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 38–54.

МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ

Смирнов Сергей Николаевич

доктор экономических наук, заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: sernsmirnov@mail.ru

***Аннотация.** Неравномерное распределение внутренних и международных мигрантов по территории Российской Федерации носит устойчивый характер. Анализ данных миграционной статистики за 2005, 2010 и 2020 гг. показывает, что количество регионов страны, которые являются наиболее привлекательными для мигрантов, ограничено, а сам их состав с течением времени меняется незначительно. В большинстве российских регионов сальдо миграции отрицательное, и отток населения не компенсируется приездом в них беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище. В 2022 г. ранее устойчивые модели миграции изменились, а значение сальдо миграции в стране в целом поменялось с положительного на отрицательное. Перспективы внутренней и внешней миграции в России остаются неясными, что определяет необходимость мониторинга и последующего анализа миграционных потоков в разных регионах страны.*

***Ключевые слова:** миграция населения; регионы России; миграционная привлекательность; сальдо миграции; беженцы.*

***Для цитирования:** Смирнов С.Н. Миграционная привлекательность регионов России // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 55–71.*

Статья выполнена в рамках государственного задания ИНИОН РАН 2023 г.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.04

Рукопись получена 01.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

Введение

В основе решений, которые принимаются потенциальными мигрантами любой страны о возможном переезде (за исключением тех случаев, когда миграции обусловлены обстоятельствами непреодолимой силы, как это происходит в случае с вынужденными мигрантами и, особенно, беженцами), лежит в конечном счете привлекательность условий в местах будущего постоянного или временного проживания. Оценки, которые даются гражданами, принимающими решения о миграции, могут быть как количественными, так и качественными. К первым относятся, в частности, размер прогнозируемых доходов (особенно значимый для лиц трудоспособного возраста), наличие объектов социальной инфраструктуры и климатические характеристики региона миграции (важные для лиц, прекративших свою трудовую деятельность) и т.п. Качественные характеристики относятся прежде всего к тому социуму, к которому возможному мигранту предстоит адаптироваться на новом месте проживания. Следует заметить, что далеко не во всех случаях критерии оценки территории для возможной миграции являются равнозначимыми. Например, потенциальный мигрант может сделать приоритетным критерий высокого дохода от занятости в регионе, в то время как критерий экологических условий может не использоваться. Возможен, очевидно, и обратный вариант.

Совокупность индивидуальных оценок регионов России, в которые предполагают переехать потенциальные мигранты, отражается общей статистикой распределения фактических миграционных потоков внутри страны. Такие данные, публикуемые Федеральной службой государственной статистики (Росстат), позволяют делать окончательные выводы о миграционной привлекательности или, наоборот, о миграционной непопулярности конкретных территорий.

Изучению миграционных потоков в России в целом и миграционной привлекательности тех или иных ее регионов посвящены многочисленные публикации отечественных исследователей. Интерес к этому вопросу сохраняется в течение длительного времени. Только в 2010-е – начале 2020-х годов результаты статистического анализа миграции как по стране в целом, так и на отдельных ее территориях представлены в публикациях [Казакбаев, Рудина, 2011; Денисова, 2016; Флоринская, Мкртчян, Карцева, 2020; Соколова, Лялина, 2021] и некоторых других.

Особого внимания заслуживают работы, в которых оценивается миграционная привлекательность отдельных регионов.

Так, в работе [Самонина, 2017] осуществлена группировка регионов, входящих в состав Приволжского федерального округа (ПФО), в соответствии с наличием или отсутствием зависи-

мости их миграционной привлекательности от некоторых социально-экономических показателей (среднедушевые доходы населения, доля городского населения, гендерная структура населения).

Похожий подход использован в работе [Рыбачкова, 2014], автор которой сопоставил балльные оценки условий жизни населения в регионах Поволжья и Центральной России с балльными оценками величины миграционного прироста / убыли населения.

В работе [Василенко, 2015] предложен и апробирован конкретными расчетами коэффициент миграционной привлекательности региона (субъекта Российской Федерации), который рассчитывается как отношение доли населения региона в общем населении макрорегиона и доли въехавших в регион мигрантов к общему количеству въехавших в макрорегион мигрантов. Для периода 1993–2013 гг. были выделены шесть групп регионов по их привлекательности для международных мигрантов и шесть групп регионов по их привлекательности для внутренних мигрантов. Указанная работа является одной из немногих, в которой подробно анализируется устойчивость миграционной привлекательности / непривлекательности региона в течение относительно длительного временного периода.

В настоящей статье определение именно этой устойчивости является ключевым содержательным направлением исследования, проведенного автором.

Миграции в жизненном цикле россиян

Миграция населения в Российской Федерации описывается статистическими показателями, характеризующими различные аспекты этого явления.

Например, интенсивность миграции за время жизненного цикла жителя¹ России может быть оценена с использованием данных Всероссийских переписей населения. Из распространенных на генеральную совокупность материалов последней по времени переписи (которая в условиях пандемии была перенесена с 2020 г. на 2021 г.) видно, что 120,8 млн человек (или 82,7%) из общей численности населения страны, составившей 146,1 млн человек, указали свое проживание в месте постоянного жительства. Численность тех, кто проживал в месте своего рождения, т.е. не участвовал в миграционных перемещениях, составила 81 млн человек, что немногим больше 2/3 указавших свое проживание в месте постоянного жительства, а приехавших с других территорий – соответственно 39,8 млн человек, т.е. немногим менее 1/3 [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022]. Доли мигрантов и местных жителей различались между отдельными социально-демографическими группами населения.

¹ Жизненный цикл человека (как и любого жителя России), или периодизация его развития от момента зачатия до смерти, включает в себя следующие этапы: а) пренатальный, или внутриутробный; б) детство; в) отрочество; г) юность; д) зрелость (взрослое состояние, или трудоспособный возраст); е) преклонный возраст (старость). – *Прим. ред.*

Так, чем старше человек, сообщивший о себе при проведении переписи сведения о проживании в месте постоянного жительства, тем с большей степенью вероятности он оказывался вовлеченным в миграционные процессы. Доля приехавших с других территорий в место своего постоянного жительства варьировала от 12% среди лиц в возрасте до 15 лет до 48,3% среди достигших 70-летнего возраста, различаясь в 4 раза (рис. 1).

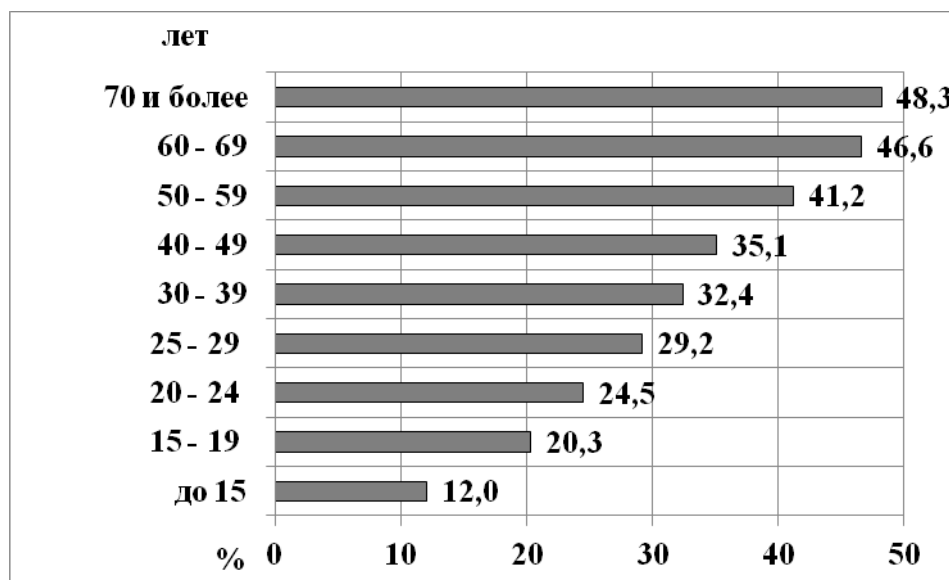

Рис. 1. Доля проживающих в 2021 г. не на месте своего рождения

Рассчитано автором по: [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022].

Еще одним ожидаемым результатом переписи стала большая вовлеченность в миграционные процессы сельских жителей. Если среди горожан доля мигрантов составила 29,8%, то среди сельских жителей – 40,8%.

Доли переехавших в течение жизни из мест своего рождения на современное место своего жительства варьируют и по субъектам РФ. Наибольшими доли переезжавших оказались в 2021 г. в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО, а также в Ленинградской области (соответственно 62,8%, 62,1 и 52,4%), а наименьшими – ожидаемо в национальных республиках, включая Республику Дагестан, где доля проживавших не по месту рождения составила 10,8%, Чеченскую Республику (12,4%), Республику Ингушетию (13,1%), Республику Северную Осетию – Аланию (17,8%), Кабардино-Балкарскую Республику (18,1%) и Карачаево-Черкесскую Республику (23,9%). Менее 1/3 мигрантов в составе населения оказалось в 34 регионах России [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022].

Данные переписи позволяют также оценить миграционную привлекательность или, напротив, миграционную непривлекательность регионов России в ретроспективе, поскольку в ее материалах содержится информация о численности населения по месту рождения и месту проживания на территории РФ в разрезе ее субъектов.

Если говорить о миграционной привлекательности, то здесь ситуация является достаточно предсказуемой. Из общей численности жителей страны, которые сообщили о переезде с места своего рождения в другие населенные пункты, 13,7% переехали в столицу, 8,4 – в Московскую область, 5,7 – в Санкт-Петербург, 3,6% – в Краснодарский край. Таким образом, в четыре субъекта РФ, составляющие менее 5% от их общего количества в границах 2013 г., переехали в течение жизни почти 1/3 всех мигрантов [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022]. Именно эти административно-территориальные единицы субфедерального уровня оказываются наиболее привлекательными для внутренней долгосрочной миграции.

С другой стороны, абсолютное большинство российских регионов, как свидетельствуют результаты переписи, не располагают ни природно-климатическими, ни социально-экономическими условиями для привлечения мигрантов. Так, в 29 из 83 субъектов РФ, или 35% от их общего количества, переехали менее 0,5% общего числа всех мигрировавших, а суммарная доля этих регионов в общем числе мигрантов составила всего 8,2% (рис. 2).

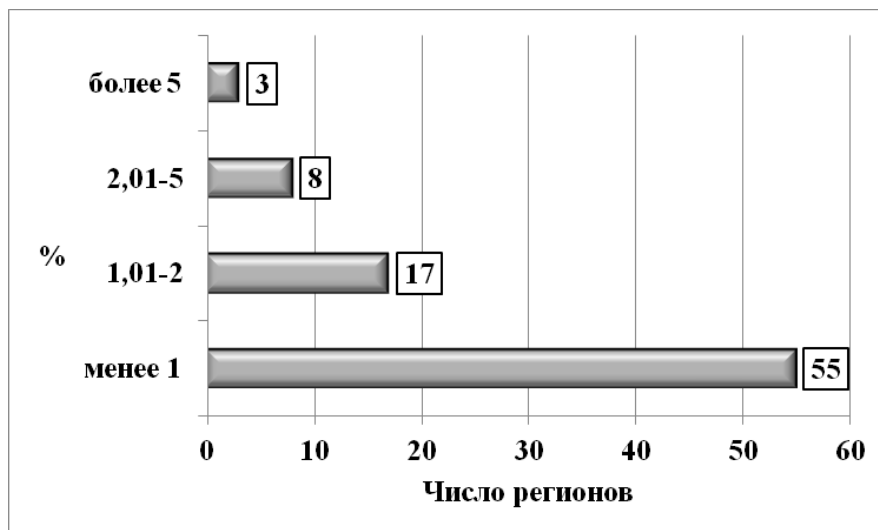

Рис. 2. Распределение регионов Российской Федерации по доле принятых мигрантов в общей численности последних в 2021 г.

Рассчитано автором по: [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022].

Если на основании этих данных произвести рэнкинг (ранжирование) регионов по миграционной привлекательности с присвоением 1 балла региону, который имел наименьшую долю принятых мигрантов (в данном случае, Ненецкий АО), то максимальный балл, определенный как отношение максимальной доли въехавших мигрантов к минимальной ($13,661\% : 0,034\%$), составит почти 402 (Москва).

Миграционная привлекательность регионов в среднесрочной ретроспективе: данные оперативной статистики

Для оценки миграционной привлекательности субъектов Российской Федерации и ее изменения с течением времени в ретроспективном периоде целесообразно использовать статистиче-

ские показатели, характеризующие текущую миграцию, которая охватывает как внутренних, так и внешних мигрантов. Они представлены данными Росстата, которые это ведомство публикует на оперативной основе ежемесячно [Социально-экономическое положение ... , 2022] и в случае необходимости уточняет предварительные итоги миграции для каждого календарного года. Эти данные представлены в разрезе субъектов Российской Федерации и включают в себя:

- число прибывших;
- число выбывших;
- миграционный прирост / убыль населения.

Росстат рассчитывает как абсолютные, так и относительные (в расчете на численность населения региона) значения перечисленных показателей.

Кроме того, в статистике миграций отражается численность вынужденных переселенцев, беженцев, а также лиц, которые получили временное убежище [Регионы России ... , 2021]. Эти данные при оценке миграционной привлекательности регионов логично было бы не учитывать. Дело в том, что в указанных случаях переезд на новое место проживания часто осуществляется в условиях отсутствия свободного выбора.

В тех случаях, когда свободный выбор у потенциального мигранта имеется, вероятная интенсивность миграции может быть оценена с использованием результатов опросов населения. Например, такой опрос, проведенный ВЦИОМ в июле 2021 г., показал, что хотели бы переехать на другое место жительства 1/4 опрошенных, причем наиболее популярными регионами миграции ожидаемо оказались Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область и Краснодарский край [Охота к перемене мест ... , 2021]. Именно в эти регионы (как подтверждают результаты расчетов, приведенные выше) фактически и был направлен основной поток переезжающих. Суммарная доля Москвы (1 место по доле принятых мигрантов), Московской области (2 место), Санкт-Петербурга (3 место), Краснодарского края (4 место) и Ленинградской области (8 место) в общем числе принятых мигрантов составила 33,8% [Итоги Всероссийской переписи ... , 2022].

В качестве основных побудительных мотивов внутренней миграции в России выступает желание людей перейти на новый, более высокий уровень жизни (в том числе за счет лучшего трудоустройства) или жить в более комфортных климатических и экологических условиях [Охота к перемене мест ... , 2021].

Наличаствующие в открытом доступе данные о фактически реализованных намерениях потенциальных мигрантов позволяют проанализировать миграционную привлекательность регионов субфедерального уровня на протяжении достаточно длительного периода. В качестве временных границ в настоящем исследовании были выбраны 2005 и 2020 гг.

В рассматриваемом периоде в Российской Федерации в целом миграционный прирост был положительным. В 2005 г. он составил 107,4 тыс. человек, в 2010 г. – 158,1 тыс. человек, а в 2020 г. – 106,5 тыс. человек. [Социально-экономическое положение ... , 2022]¹. Что касается вынужденных мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище, то их суммарное количество составило соответственно 160,4, 52,2 и 22,9 тыс. человек. Таким образом, в 2005 г. численность последних превысила общий миграционный прирост на 49,3%, а в 2010 и 2020 гг. составила соответственно 33 и 21,5% от его суммарной величины.

Количественные оценки миграционной динамики в регионах субфедерального уровня с корректировкой на численность вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище, в настоящей статье принимается за сальдо чистой миграции, которое может быть как положительным (чистый миграционный прирост), так и отрицательным (чистая миграционная убыль, соответствующая оттоку населения).

В 2005 г. только в 18 из 82 регионов² количество прибывших мигрантов превысило количество выехавших, в то время как в остальных 64 ситуация оказалась обратной. Похожая ситуация сохранялась и в дальнейшем: в 2010 и 2020 гг. в 26 субъектах РФ сальдо чистой миграции оказалось положительным, а в 56 – отрицательным³.

Такие результаты, полученные простыми арифметическими расчетами, нуждаются в определенных пояснениях. Дело в том, регионы как с положительным, так и с отрицательным сальдо чистой миграции различаются еще по ее абсолютной величине.

Например, в 2020 г. из общей величины чистого миграционного прироста в 26 регионах, который составил 192,1 тыс. человек, 140,1 тыс. человек (или 72,9%) пришлось всего на шесть (Московскую область, г. Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Краснодарский край, Ростовскую и Калининградскую области), или на 23,1% от их числа. С другой стороны, в восьми регионах превышение приехавших над выехавшими оказалось не более 500 человек. Такая же ситуация была характерна и для предыдущих годовых срезов статистического наблюдения. В 2005 г. из 18 регионов с общим чистым миграционным приростом 169,5 тыс. человек, 144,9 тыс. человек

¹ Данные за 2015 г. здесь и ниже не рассматривались, поскольку они серьезно отличались от предшествующих и последующих лет и были обусловлены, по-видимому, внешнеполитическими событиями 2014 г. Так, в 2015 г. число лиц, получивших временное убежище, составило 313,7 тыс. человек, в то время как в 2010 г. – 3,7 тыс. человек, а в 2020 г. – 19,8 тыс. человек [Регионы России ... , 2021].

² Для обеспечения сопоставимости результатов расчеты были проведены по 82 субъектам РФ без учета Республики Крым и г. Севастополь, вошедшими в состав России в 2014 г. Кроме того, поскольку, начиная с 2015 г., данные о численности вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, получивших временное убежище, по Ленинградской области приводятся вместе с данными по г. Санкт-Петербургу, сальдо чистой миграции в 2005, 2010 и 2020 гг. рассчитано для них как единый показатель. В расчетах за 2005 г. данные по автономным округам: Таймырскому (Долгано-Ненецкому), Эвенкийскому, Усть-Ордынскому Бурятскому, Агинскому Бурятскому и Корякскому, которые с 1 марта 2008 г. вошли в состав соответственно Красноярского края (первые два автономных округа), Иркутской, Читинской и Камчатской областей, – учтены в составе последних.

³ Справочно отметим, что в 2020 г. в Республике Крым и в г. Севастополе чистый миграционный прирост составил соответственно +9745 и +15 187 человек.

(или 85,5%) пришлось всего на четыре субъекта РФ (г. Москву, Московскую область, г. Санкт-Петербург с Ленинградской областью и Краснодарский край), т.е. на 22,2% от их числа. В 2010 г. чистый миграционный прирост составил 279 тыс. человек, 218,8 тыс. из которого пришлось на те же, что и в 2005 г., четыре региона из 26, имевших положительное сальдо миграции (15,4% от их числа).

На другом полюсе регионов с отрицательным сальдо чистой миграции (или чистой миграционной убылью) ситуация выглядит следующим образом. В 2005 г. из 64 регионов, имевших чистую миграционную убыль общей величиной 222,6 тыс. человек, 58,8 тыс. человек (или 26,4%) пришлось на четыре субъекта РФ (Республики Северную Осетию – Аланию и Ингушетию, а также Иркутскую область и Алтайский край), т.е. 6,3% таких регионов. В 2010 г. чистая миграционная убыль в 56 регионах составило 173,1 тыс. человек, причем 32,5 тыс. человек (или 18,8%) пришлось на три из них (Республики Северную Осетию – Аланию, Дагестан и Коми), или 5,4% таких регионов. Наконец, в 2020 г., когда суммарная чистая миграционная убыль оценивалась также в 56 регионах величиной 133,7 тыс. человек, 25 тыс. человек (или 18,7%) из них пришлось на три других субъекта РФ (Омскую область, Хабаровский край и Иркутскую область).

Значительность разрывов между субъектами РФ по величине сальдо чистой миграции на протяжении всего рассматриваемого периода подтверждается данными, приведенными в таблице 1.

Таблица 1

Дифференциация регионов России по величине сальдо чистой миграции*

Показатель	Ед. изм.	2005 г.	2010 г.	2020 г.
Число регионов с отрицательным сальдо чистой миграции	Ед.	64	56	56
Среднее значение сальдо чистой миграции	Чел.	–646	1291	713
Число регионов с сальдо чистой миграции больше среднего значения	Ед.	27	19	22
Число регионов с сальдо чистой миграции меньше среднего значения	Ед.	55	63	60
Максимальное значение сальдо чистой миграции (регион)	Чел.	53502 г. Москва	85420 г. Москва	50593 Московская область
Минимальное значение сальдо чистой миграции (регион)	Чел.	–20287 Республика Северная Осетия – Алания	–13215 Республика Северная Осетия – Алания	–10380 Омская область

* Рассчитано автором по: [Социально-экономическое положение ... , 2022; Регионы России ... , 2021].

Приведенные данные подтверждают сделанный ранее вывод, что привлекательностью для мигрантов, которые принимают решения о миграции в условиях свободного выбора, обладает относительно небольшое число регионов России, в то время как существенно большее их количество являются регионами миграционного оттока населения. Данные об устойчивости вхождения конкретных регионов страны в одну из этих двух групп представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Регионы Российской Федерации с положительным (1) и отрицательным (2)
сальдо чистой миграции***

Субъекты РФ	2005 г.	2010 г.	2020 г.
<i>Регионы с постоянным положительным сальдо чистой миграции (10 регионов)</i>			
Белгородская область	1	1	1
Московская область	1	1	1
Калининградская область	1	1	1
г. Санкт-Петербург, Ленинградская область	1	1	1
Республика Адыгея	1	1	1
Краснодарский край	1	1	1
Республика Татарстан	1	1	1
Нижегородская область	1	1	1
Свердловская область	1	1	1
Тюменская область	1	1	1
<i>Регионы с преобладанием положительного сальдо чистой миграции (11 регионов)</i>			
Воронежская область	1	1	2
Калужская область	1	2	1
Курская область	2	1	1
Ярославская область	1	1	2
г. Москва	1	1	2
Ростовская область	2	1	1
Самарская область	1	1	2
Ханты-Мансийский АО – Югра	2	1	1
Красноярский край	2	1	1
Республика Алтай	2	1	1
Новосибирская область	2	1	1
<i>Регионы с преобладанием отрицательного сальдо чистой миграции (18 регионов)</i>			
Брянская область	2	2	1
Владимирская область	2	1	2
Ивановская область	2	1	2
Костромская область	2	2	1
Липецкая область	2	1	2
Рязанская область	2	2	1
Ненецкий АО	2	2	1
Новгородская область	2	2	1
Псковская область	2	2	1
Республика Ингушетия	2	2	1
Волгоградская область	2	2	1
Ставропольский край	2	1	2
Саратовская область	1	2	2
Республика Хакасия	1	2	2
Челябинская область	2	1	2
Кемеровская область	1	2	2
Томская область	2	1	2
Республика Саха (Якутия)	2	2	1
<i>Регионы с постоянным отрицательным сальдо чистой миграции (43 региона)</i>			
Орловская область	2	2	2
Смоленская область	2	2	2
Тамбовская область	2	2	2
Тверская область	2	2	2
Тульская область	2	2	2
Республика Карелия	2	2	2
Республика Коми	2	2	2
Архангельская область	2	2	2
Вологодская область	2	2	2
Мурманская область	2	2	2

Смирнов С.Н.
Миграционная привлекательность регионов России

Субъекты РФ	2005 г.	2010 г.	2020 г.
Республика Дагестан	2	2	2
Кабардино-Балкарская Республика	2	2	2
Республика Калмыкия	2	2	2
Карачаево-Черкесская Республика	2	2	2
Республика Северная Осетия – Алания	2	2	2
Чеченская Республика	2	2	2
Астраханская область	2	2	2
Республика Башкортостан	2	2	2
Республика Марий Эл	2	2	2
Республика Мордовия	2	2	2
Удмуртская Республика	2	2	2
Чувашская Республика	2	2	2
Пермский край	2	2	2
Кировская область	2	2	2
Оренбургская область	2	2	2
Пензенская область	2	2	2
Ульяновская область	2	2	2
Курганская область	2	2	2
Ямало-Ненецкий АО	2	2	2
Республика Бурятия	2	2	2
Республика Тыва	2	2	2
Алтайский край	2	2	2
Иркутская область	2	2	2
Омская область	2	2	2
Забайкальский край	2	2	2
Приморский край	2	2	2
Хабаровский край	2	2	2
Амурская область	2	2	2
Камчатский край	2	2	2
Магаданская область	2	2	2
Сахалинская область	2	2	2
Еврейская автономная область	2	2	2
Чукотский АО	2	2	2

* Составлено автором по: [Социально-экономическое положение ... , 2022; Регионы России ... , 2021].

Устойчиво привлекательными для миграции в анализируемые годы наблюдений оказалось незначительное число субъектов РФ – всего десять. С другой стороны, гораздо большее количество регионов, а именно 43, как в 2005 г., так и в 2010 и 2020 гг. были малопривлекательными для мигрантов. Еще 18 регионов в двух случаях из трех могли быть отнесены к миграционно непривлекательным и только 11 – к миграционно привлекательным. Это подтверждает наличие существенного регионального дисбаланса распределения миграционных потоков в анализируемом периоде.

Важной особенностью этого дисбаланса является миграционная непривлекательность большинства регионов в Азиатской части России. Например, в 2005 и 2010 гг. все ныне входящие в состав Дальневосточного федерального округа (ФО) субъекты РФ имели отрицательное сальдо чистой миграции, а в 2020 г. – десять из 11, за исключением Республики Саха (Якутия). Аналогичной была ситуация и в Сибирском ФО. Исключением в Азиатской части страны является Уральский ФО, в составе которого в 2005 г. миграционно привлекательными были два региона, а в 2010 и

2020 гг. – три. С другой стороны, регионы Европейской России, за исключением входящих в состав Северо-Кавказского ФО, обладают в целом повышенной миграционной привлекательностью (табл. 3).

Таблица 3

**Сравнительная миграционная привлекательность федеральных округов
Российской Федерации***

Федеральный округ	Число регионов ¹	Из них с положительным сальдо чистой миграции, число / %		
		2005 г.	2010 г.	2020 г.
Европейская часть РФ				
Центральный	18	6 / 33,3	8 / 44,4	7 / 38,9
Северо-Западный	11	3 / 27,3	3 / 27,3	6 / 54,5
Южный	6	2 / 33,3	2 / 33,3	4 / 66,6
Северо-Кавказский	7	–	–	1 / 14,3
Приволжский	14	4 / 28,6	3 / 21,4	2 / 14,3
Всего	56	15 / 26,8	16 / 28,6	20 / 35,7
Азиатская часть РФ				
Уральский	6	2 / 33,3	3 / 50,0	3 / 50,0
Сибирский	10	2 / 20,0	3/ (30,0	3 / 30,0
Дальневосточный	11	–	–	1 / 9,1
Всего	27	4 / 14,8	6 / 22,2	7 / 25,9

* Рассчитано автором по: [Социально-экономическое положение ... , 2022; Регионы России ... , 2021].

Соотношение значений сальдо чистой миграции между Европейской и Азиатской частью России в пользу первой из них, как видно из таблицы 3, достаточно устойчиво. Разрыв между долей миграционно привлекательных регионов составил в 2005 г. 12 п.п., а в 2020 г. – 9,8 п.п. При исключении из расчетов данных по «нетипичным» ФО (Северо-Кавказского из «европейских» ФО и Уральского из «азиатских» ФО) разрыв оказывается еще более значимым: в 2005 г. – он достигал 21,1 п.п. (доля миграционно привлекательных регионов составили соответственно 30,6 и 9,5%), в 2010 г. – 18,4 п.п. (32,7 и 14,3%) и в 2020 г. – 19,3 п.п. (38,3 и 19%).

Мигранты в условиях несвободного выбора: территориальная структура расселения

Отдельную категорию мигрантов, как уже было отмечено, составляют беженцы, вынужденные переселенцы и лица, получившие временное убежище. Территориальная структура их размещения по регионам РФ принципиально отличается от таковой для мигрантов, которые принимают решения о переезде, ориентируясь на свои собственные предпочтения, экономические и социальные возможности. Кроме того, миграционная политика России имеет важную региональную составляющую. Последняя исходит из необходимости приоритетного размещения вновь прибываю-

¹Здесь и ниже – в составе регионов, соответствующих ФО 2020 г.

щих на территорию страны граждан в регионах, в социально-экономическом развитии которых заинтересовано государство.

Например, еще в 2006 г. Указом Президента РФ была принята Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Программа), в которую в дальнейшем (последний раз 12 августа 2022 г.) вносились дополнения и уточнения. Программой было установлено (п. 47), что «субъектами Российской Федерации разрабатываются региональные программы переселения, в рамках которых организуется работа с участниками Государственной программы и членами их семей». При этом п. 47.1 документа введены ограничения для пяти регионов (Республики Крым, Московской области, а также городов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя), программы переселения для которых должны разрабатываться «при наличии потребности экономики указанных субъектов Российской Федерации в переселенцах и возможности по их приему и обустройству в этих субъектах Российской Федерации». Еще одним важным моментом (п. 49) является то обстоятельство, что реализация региональных программ переселения не должна приводить «к нарушению трудовых и иных законных прав граждан, проживающих в соответствующем субъекте Российской Федерации» [Указ Президента ... , 2006].

Перечень из десяти регионов страны, приоритетных для заселения мигрантами, был утвержден в 2013 г. В него вошли десять субъектов РФ, а именно: Республика Бурятия, Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская, Сахалинская области и Еврейская автономная область [Распоряжение Правительства ... , 2013]. В 2018 г. из этого перечня была исключена Еврейская автономная область [О переселении в Россию, 2023]. Все эти территории, как это видно из таблицы 2, в 2005, 2010 и 2020 гг. входили в число регионов с постоянным отрицательным сальдо чистой миграции.

Помимо перечисленных регионов, для заселения предлагаются еще 49 субъектов РФ, которые не относятся к приоритетным [О переселении в Россию, 2023]. В этот список вошли половина (пять из десяти) регионов с постоянным положительным сальдо чистой миграции (Краснодарский край, Калининградская, Ленинградская, Свердловская и Тюменская области), около 3/4 (восемь из 11) регионов с преобладанием положительного сальдо чистой миграции (Красноярский край, Воронежская, Курская, Новосибирская, Ростовская, Самарская, Ярославская области и Ханты-Мансийский АО – Югра), более 4/5 (15 из 18) регионов с преобладанием отрицательного сальдо чистой миграции (Республика Хакасия, Ставропольский край, Брянская, Волгоградская, Калужская, Кемеровская, Костромская, Липецкая, Новгородская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Томская, Челябинская области и Ненецкий АО), а также почти 2/3 (21 из 33) регионов с постоянным отрицательным сальдо чистой миграции (Республики Карелия, Марий Эл, Мордовия, Чувашская Республика, Алтайский, Пермский края, Архангельская, Астраханская, Вологодская, Курган-

ская, Мурманская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская области и Ямало-Ненецкий АО).

Распределение беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, которые получили временное убежище, по субъектам РФ характеризуется заметной неравномерностью. Так, в 2005 г. десять регионов-лидеров, как свидетельствуют результаты наших расчетов, приняли в общей сложности половину всех переехавших лиц трех перечисленных категорий, в то время как десять регионов-аутсайдеров – всего 0,23% (при этом в Республике Тыва и Чукотском АО таковых вообще не было). Такое положение сохранялось и, более того, усиливалось в дальнейшем. В 2010 г. доли десяти регионов-лидеров и десяти регионов-аутсайдеров по числу принятых беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, которые получили временное убежище, составили соответственно 56,7 и 0,1% («нулевое» прибытие было зафиксировано в четырех регионах – тех же Республике Тыва и Чукотском АО, а также в Приморском крае и Ненецком АО), а в 2020 г. – 68,9 и 0,2% (двумя регионами с «нулевым» прибытием оказались Ненецкий и Чукотский АО).

Немаловажен и тот факт, что доля девяти регионов, определенных Правительством России в качестве приоритетных для заселения [Распоряжение Правительства, 2013], в общем числе мигрантов рассматриваемых категорий составила в 2005 г. 4,7% (в основном благодаря Иркутской области с ее долей в 3,9%), в 2010 г. – 2,5 и в 2020 г. – 2,8%. Как в 2010, так и в 2020 гг. наибольшей оказалась доля таких мигрантов в Иркутской области, однако ее значение снизилось соответственно до 1,3 и 0,5%.

Анализ перечня из десяти регионов, в которых в годы наблюдений в основном размещались беженцы, вынужденные переселенцы и лица, получившие временное убежище, показал, что он не был стабильным. Только три субъекта РФ (Республика Северная Осетия – Алания, Краснодарский и Ставропольский края) входили в этот перечень как в 2005, так и в 2010 и 2020 гг. Еще четыре региона (Республика Ингушетия, Белгородская, Оренбургская и Самарская области) находились в нем в 2005 и 2010 гг., а г. Москва и Ленинградская область с г. Санкт-Петербург – в 2010 и 2020 гг. Всего же в состав десяти регионов с наибольшей долей мигрантов рассматриваемых категорий за эти годы входили 18 регионов.

Прибытие беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище, позволило улучшить миграционный баланс в некоторых регионах. Так, в 26 субъектах РФ, в которых сальдо чистой миграции было положительным, за счет перечисленных категорий мигрантов ее величина увеличилась, в том числе: в Нижегородской области в 7,4 раза, в Брянской и Калужской областях – соответственно на 49 и 32%, Республике Саха (Якутия) – на 23%, Республике Ингушетия – на 21%. Еще в трех субъектах РФ этот прирост составил от 10% до 20, в шести – от 5 до 10 и в 11-ти – менее 5% [Регионы России ... , 2021].

В пяти регионах страны (Республике Карелия, Воронежской, Ивановской, Самарской областях и г. Москве) приезд в 2020 г. беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, получивших временное убежище, позволил изменить отрицательное сальдо чистой миграции на положительное.

В остальных субъектах РФ приезд указанных категорий мигрантов принципиально не изменил ситуацию, сохранив отрицательное значение сальдо чистой миграции. Однако для объективности следует отметить, что в нескольких регионах последнее заметно сократилось. Например, в Липецкой области – на 53%, Ставропольском крае – на 48, Республике Северная Осетия – Алания – на 39, Тульской области – на 36 и в Камчатском крае – на 25%. Еще в пяти регионах отрицательное сальдо чистой миграции снизилось на 10–20%, в четырех – на 5–10, в 20 – на 1–5 и в 15 регионах – менее, чем на 1% [Регионы России ... , 2021].

Заключение: миграция населения в стабильных и форс-мажорных условиях

Положенные в основу статьи статистические материалы и выполненные с их использованием расчеты подтвердили гипотезу, что в условиях свободного выбора места нового постоянного проживания количество регионов страны, привлекательных для мигрантов, ограничено. Как правило, это субъекты РФ с высокими экономическим потенциалом и уровнем жизни, развитой социальной инфраструктурой. На такие предпочтения не повлияли даже события, связанные с пандемией COVID-19.

То же верно и в отношении временной, прежде всего трудовой, миграции. Очевидно, что основная часть мигрирующих в течение календарного года ориентируется именно на возможности получения доходов от занятости на предприятиях и в организациях выбранного региона. При этом перечни регионов, принимающих мигрантов на постоянное место жительства и временных мигрантов, во многом совпадают. Так, состав регионов – лидеров по числу приехавших в обоих случаях совпадают наполовину (по таким субъектам РФ, как Краснодарский край, Московская, Свердловская области и г. Санкт-Петербург с Ленинградской областью).

Еще один важный вывод заключается в том, что несмотря на предпринимаемые органами государственного управления усилия по приоритетному заселению и экономическому освоению территорий Дальневосточного ФО, они не принесли значимых результатов. По итогам статистической оценки, в 2020 г. десять из 11 входящих в его состав субъектов РФ имели отрицательное сальдо чистой миграции. По программе «Дальневосточный гектар», запущенной 1 мая 2016 г. на основе положений специально принятого федерального закона [Федеральный закон ... , 2016], к сентябрю 2022 г. землю общей площадью 73 тыс. га получили 111 тыс. человек. Эта площадь составляет всего 0,03% из 225 млн га, доступных для получения [Более 100 тыс. ... , 2022]. То же относится и к перечисленным в законе приоритетным для заселения другим субъектам РФ – Республикам Карелии и Коми, Красноярскому краю, Архангельской и Мурманской областям, Ненецкому

и Ямало-Ненецкому АО [Федеральный закон ... , 2016]. В 2020 г. в пяти из семи этих регионов было зафиксировано отрицательное сальдо чистой миграции, и только в Красноярском крае и Ненецком АО – положительное.

Представленные результаты были получены для условий стабильной экономики. Очевидно, что в дальнейшем, по мере накопления статистических данных, основной упор предстоит сделать на анализе миграционных потоков между регионами страны. Имеющиеся сведения также позволяют сделать вывод о существенных изменениях миграционных потоков в России в краткосрочном периоде.

Сопоставление информации о величине внешней миграции в России в январе–октябре 2022 г. и январе – октябре 2021 г. (последние данные, доступные на момент написания статьи) выявило следующие основные моменты.

Во-первых, если в первые десять месяцев 2021 г. РФ имела положительное сальдо международной миграции, оценивавшееся в 320,4 тыс. человек, то в тот же период 2022 г. оно оказалось отрицательным, составив –20,6 тыс. человек. Изменение сальдо миграции с положительного значения на отрицательное произошло в части отношений со странами дальнего зарубежья: в январе–сентябре 2022 г. оно составило –22 тыс. человек, в то время как в тот же период 2021 г. – +20,6 тыс. человек. Причина этого феномена состоит в резком (в 2,7 раза) росте числа выбывших (с 26,4 до 71,7 тыс. человек) при незначительном (на 4,6%) увеличении количества прибывших.

Сальдо миграции России со странами СНГ в данный период осталось положительным, хотя и снизилось почти в 215 раз (с 299,8 до 1,4 тыс. человек.). Как и в случае со странами дальнего зарубежья, при незначительном (на 2,8%) увеличении числа прибывших резко (в 2,6 раза) увеличилось количество выбывших (с 201,2 до 513,5 тыс. человек) [Социально-экономическое положение ... , 2021 ; Социально-экономическое положение ... , 2022].

Во-вторых, существенно сократилось число регионов страны, в которых сальдо чистой миграции в январе–октябре было положительным (что вполне объяснимо при переходе его значения в отрицательную область). Если в 2021 г. таких было 52 из 85 (с учетом Республики Крым и г. Севастополь), то в 2022 г. – всего 21, или почти в 2,5 раза меньше.

В-третьих, действие фактора релокации¹ после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции (СВО) и объявления частичной мобилизации 21 сентября 2022 г. по-разному сказалось на отдельных субъектах РФ. Например, если в январе–октябре 2021 г. в Москве сальдо чистой миграции составляло 5,4 тыс. человек, то в тот же период 2022 г. оно перешло в отрицательную область, составив –27,7 тыс. человек. Соответствующий чистый миграционный прирост в г. Санкт-Петербург сократился более, чем в 8 раз (с 17,7 до 2,2 тыс. человек). Ожидается резко ухуд-

¹ То есть перемещение бизнеса из страны основания за рубеж. – *Прим. ред.*

шилась миграционная ситуация в регионах, находящихся в непосредственной близости от зоны СВО. Если в первые десять месяцев 2021 г. миграционный прирост в Белгородской области составлял 4,7 тыс. человек, то за такой же период 2022 г. население региона в результате миграции сократилось на 8,2 тыс. человек. В Курской области эти показатели составили соответственно 1,4 и –1,4 тыс. человек, в Брянской области – 0,9 и –0,6 тыс. человек, и в Воронежской области – 7,4 тыс. человек и пять человек.

Неопределенность экономических перспектив привела к сокращению миграционного прироста населения в регионах, остающихся в числе лидеров по этому показателю. Так, в Калужской области сальдо чистой миграции снизилось в 4,7 раза (с 17,5 до 3,7 тыс. человек), в Краснодарском крае – в 2,8 раза (с 35,1 до 12, тыс. человек), в Калининградской области – в 2,1 раза (с 13,5 до 6,4 тыс. человек) и т.д. [Социально-экономическое положение ... , 2022].

В-четвертых, отсутствие надежных социально-экономических прогнозов стало, по-видимому, одним из факторов некоторого уменьшения числа внутренних мигрантов. Если в январе – сентябре 2021 г. их было 3055 тыс. человек, то в январе – сентябре 2022 г. – 2856 тыс. человек, или на 6,5% меньше.

Первые материалы, в которых осуществляется экспресс-анализ изменений в миграциях на отдельных территориях страны в 2022 г., уже появились [Еловский, 2022]. Однако детальные исследования последствий изменений миграционных потоков в регионах России еще предстоит провести.

Список литературы

1. Более 110 тыс. человек получили землю по программе «Дальневосточный гектар» // ТАСС. – 2022. – 07.09. – URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/15673783> (дата обращения 06.01.2023).
2. Василенко П.В. Типология регионов России по динамике миграционной привлекательности // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Естественные и физико-математические науки. – 2015. – № 6. – С. 21–31.
3. Денисова Г.С. Современные миграционные процессы в Южном федеральном округе // Наука юга России (Вестник Южного научного центра). – 2016. – Т. 12, № 3. – URL: http://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/101-110_Denisova_NYuR_3_2016.pdf (дата обращения 25.10.2022).
4. Еловский Д. В 2022 году произошли значительные изменения миграционных потоков в ЦФО // Региональные комментарии. – 2022. – 29.12. – URL: <https://regcomment.ru/analytics/v-2022-godu-proizoshli-znachitelnye-izmeneniya-migratsionnyh-potokov-v-tsfo/> (дата обращения 17.01.2023).
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 6. Миграция населения // Росстат. – 2022. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 14.12.2022).
6. Казакбаев Р.Х., Зубова Э.Р. Трудовые ресурсы России: межрегиональная миграция и «суженное воспроизводство» // Российское предпринимательство. – 2011. – № 6(1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-privlekatelnost-rossijskih-regionov-kak-odin-iz-faktorov-sotsialnogo-vosproizvodstva-chelovecheskogo-kapitala> (дата обращения 25.10.2022).
7. О переселении в Россию // Программа переселения соотечественников. – URL: Б/г. <https://programma-pereseleniya.ru/regiony-dlya-pereseleniya#i> (дата обращения 06.01.2023).
8. Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. Аналитические обзоры. – 2021. – 29.07. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1> (дата обращения 23.11.2022).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.05.2013 № 848-р «Перечень территорий приоритетного заселения» // Официальный интернет-портал правовой информации. — 2013. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201305300012?index=1&rangeSize=1> (дата обращения 18.11.2022).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. – 2021. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 18.11.2022)

11. Рыбачкова А.В. Современная оценка миграционной привлекательности регионов Центральной России и Поволжья // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16707> (дата обращения 25.10.2022).
12. Самонина С.С. Анализ факторов миграционной привлекательности регионов Приволжского федерального округа // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 236–241. – URL: <https://geo.sgu.ru/sites/geo.sgu.ru/files/2017/12/samonina.pdf> (дата обращения 25.10.2022).
13. Соколова Ф. Х., Лялина А. В. Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 54–78. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47421982> (дата обращения 25.10.2022).
14. Социально-экономическое положение России 2005–2022 // Росстат. – 2022. – 28.12. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 18.11.2022).
15. Указ Президента РФ от 22.06.2006 N 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. – 2006. – URL: <https://base.garant.ru/189653/#friends> (дата обращения 06.01.2023).
16. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 2016. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения 11.01.2023).
17. Флоринская Ю., Мкртчян Н., Карцева М. Как Россия переезжает // Ведомости. – 2020. – 28.05. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/05/28/831421-rossiya-pereezhaet> (дата обращения 25.10.2022).

MIGRATION ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN REGIONS

Sergei Smirnov

DrS (Econ. Sci.), Head of the Centre for Social Programmes and Risks Analysis, Institute for Social Policy, National Research University “Higher School of Economics” (HSE), Leading researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, e-mail: sernsmirnov@mail.ru

Abstract. *The uneven distribution of internal and international migrants across the territory of the Russian Federation has a stable character. Analysis of migration statistics data for years 2005, 2010 and 2020 shows that the number of regions of the country that are the most attractive for migrants is limited, and their composition changes slightly over time. In most regions, the migration balance is negative, and the outflow of population is not compensated by the arrival of refugees, internally displaced persons and persons who have received temporary asylum in Russia. In 2022 previously stable migration patterns have changed, and the value of the migration balance in the country as a whole has changed from positive to negative. The prospects for internal and external migration in Russia remain unclear, which determines the need for monitoring and subsequent analysis of migration flows in different regions of the country.*

Keywords: *population migration; regions of Russia; migration attractiveness; migration balance; refugees.*

For citation: Smirnov S.N. Migration attractiveness of Russian regions // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 55–71.

ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дьяченко Владимир Николаевич

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск, Россия)¹, e-mail: dvn48@list.ru

Лазарева Виктория Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент, и. о. завкафедрой экономической теории и государственного управления, Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)², e-mail: v_lazareva12@mail.ru

Бурлаев Евгений Алексеевич

Главный специалист-эксперт, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области (Благовещенск, Россия)³, e-mail: p28_BurlaevEA@gks.ru

***Аннотация.** Целью исследования является оценка развития миграционных процессов на Дальнем Востоке в условиях современной территориальной мобильности населения и трансформаций на рынке труда. Выбор объекта исследования определен значительным сокращением численности населения региона под влиянием миграции в последние десятилетия. На основе данных*

¹ © Дьяченко В.Н., 2023

² © Лазарева В.В., 2023

³ © Бурлаев Е.А., 2023

официальной статистики осуществлен анализ территориальной мобильности населения и внешней трудовой миграции в Амурской области. Дана характеристика особенностей миграционных потоков, оттока и перераспределения населения в пределах Дальнего Востока. Показано расширение практики занятости за пределами мест проживания путем использования вахтового метода организации работ и маятниковой миграции.

Ключевые слова: миграция; численность населения; территориальная мобильность; трудовая миграция; Дальний Восток; Амурская область.

Для цитирования: Дьяченко В.Н., Лазарева В.В., Бурлаев Е.А. Оценка территориальной мобильности и миграции населения на Дальнем Востоке (на примере Амурской области) // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 72–85.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.05

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

Введение

Преодоление оттока населения и улучшение демографической ситуации относятся к числу важнейших элементов государственной политики по развитию Дальнего Востока.

Например, на территории Амурской области в рамках проектного управления в настоящее время реализуется 23 федеральные целевые программы, а также 13 государственных программ. Осуществление крупных инвестиционных проектов существенно увеличивает потребность в трудовых ресурсах и стимулирует рост внешней миграции. Строительство Бурейской и Нижнебурейской ГЭС, автодороги «Амур», гигантского газоперерабатывающего комплекса, объектов железнодорожного и трубопроводного транспорта, развитие космодрома «Восточный» вынуждает привлекать в регион дополнительно десятки тысяч человек. Значительную роль в повышении уровня жизни и привлекательности региона как места постоянного жительства и занятости оказывает реализация национальных проектов, в числе которых особо следует отметить такие, как «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Жилье и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [Дьяченко, Лазарева, 2022а].

Тем не менее акцент на реализацию масштабных экономических проектов и увеличение инвестиций в модернизацию социальной инфраструктуры не позволяет переломить негативные тенденции в регионе и его отдельных областях [Развитие экономики Дальнего Востока ... , 2021].

Можно констатировать, что происходящие преобразования способствовали формированию позитивных тенденций, но не смогли достичь каких-либо значимых изменений в демографической динамике и обеспечении роста численности населения Дальнего Востока. Миграционный отток населения в регионе продолжает сочетаться с суженным характером воспроизводства населения и его естественной убылью, определяемой превышением смертности над рождаемостью [Дьяченко, Лазарева, 2022в ; Дьяченко, Лазарева, 2022г].

В связи с этим следует подчеркнуть, что масштабные экономические проекты должны сочетаться с совершенствованием механизмов регулирования процессов на рынке труда и использования иностранной рабочей силы, улучшением условий жизни для местного населения.

Методологические основы и цели исследования

Оценивая складывающиеся в российской действительности тенденции, в числе важнейших специалисты называют пространственные трансформации, ключевым трендом в которых в среднесрочной перспективе является сжатие освоенного пространства. Оно проявляется в сокращении трудового потенциала малых городов и сельской периферии, поляризации пространства при росте

агломераций и деформации опорного каркаса расселения [Нефедова, Глезер, 2020, с. 214]. В свою очередь, к числу наиболее значимых тенденций для развития Дальневосточного региона относится рост социально-трудовой мобильности. Последнее выражается в распространении вахтово-экспедиционной формы занятости и маятниковой миграции, расширении использования населением региональной периферии возможностей областных и районных центров для обеспечения себя товарами и услугами. Как следствие, снижается значимость «безвозвратной» миграции как средства улучшения условий жизни людей.

При этом высокую интенсивность приобретает временная миграция на длительный период времени с последующим возвратом. Прежде всего это относится к образовательной миграции. В результате в числе прибывающих в регион значительную долю составляют лица, возвращающиеся к постоянному месту жительства после временного пребывания на другой территории (России или зарубежья) [Дьяченко, Бурлаев, 2017б]. Одновременно сохраняется масштабная внешняя (в том числе международная) миграция, обеспечивающая миграционный прирост населения Дальнего Востока.

С учетом сказанного авторами ставилась цель оценить развитие миграционных процессов в Дальневосточном регионе в условиях современной территориальной мобильности населения и трансформаций на рынке труда.

Выбор Амурской области в качестве объекта исследования определялся тем, что дифференциация природно-климатических условий в области во многом соответствует существующим различиям на Дальнем Востоке в целом. Часть районов области по своим условиям приравнена к условиям Крайнего Севера, южные районы более благоприятны и позволяют успешно развивать сельское хозяйство. Система расселения включает в себя как слабо заселенные территории, так и районы с высокой плотностью населения. В отдельных муниципальных образованиях (МО) области ведется активная инвестиционная деятельность, которая связана с реализацией крупных проектов, создающих основу Территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), тогда как другие МО находятся в глубокой депрессии.

Проведенное изучение миграционных процессов основывается на созданных в территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Амурской области (Амурстате) материалах постоянно обновляемых баз данных, одна из которых включает в себя широкий спектр социально-экономических показателей по МО Амурской области (МИСС), вторая – «Населенные пункты Приамурья» (НП Амур), а также на предыдущих работах авторов [Дьяченко, 2016 ; Лазарева, Дьяченко, Власова, 2022 ; Дьяченко, Лазарева, 2022б] и др.

В методологическом плане настоящее исследование опирается на научные разработки отечественных специалистов. К их числу относятся, в частности, труды Л.С. Бляхман, А.Г. Здравомыслова и О.И. Шкаратана [Бляхман, Здравомыслов, Шкаратан, 1965], Т.И. Заславской и Е.Е. Горя-

ченко [Заславская, Горяченко, 1986], посвященные территориальной мобильности населения, изменениям в распределении населения по территории и влиянию этих процессов на социальное и экономическое развитие. Вопросы пространственной неоднородности и трансформаций в административно-территориальных образованиях разного уровня поднимались Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2010] и П.А. Минакиром [Минакир, 2011]. Большое внимание развитию миграционных процессов уделено в работах А.И. Трейвиша [Трейвиш, 2016], Н.В. Мкртчяна и Л.Б. Карачуриной [Карачурина, Мкртчян, 2021]. Негативные тенденции в развитии демографических процессов на Дальнем Востоке и сокращение численности населения в результате оттока жителей региона были предметом исследований К.В. Швориной и Л.М. Фалейчик [Шворина, Фалейчик, 2018] и т.д. Однако, несмотря на многочисленность научных исследований по миграционной проблематике, изменчивость и динамичность миграционных процессов определяет актуальность их постоянного мониторинга и последующего анализа с выявлением новых тенденций и проблем.

Территориальная мобильность населения региона

В современную практику все большего числа людей входят выезды за пределы мест постоянного жительства и перемещения, совершаемые чаще всего на короткий период времени с последующим возвращением из мест временного пребывания.

Возрастающую роль в развитии территориальной мобильности населения в сложившейся системе расселения играет преодоление ограничений в доступности товаров и услуг. В 2000-е годы в России происходил рост сервисного сектора¹, расширялись возможности по предоставлению товаров и услуг потребителям. Соответственно, увеличилось количество занятых в данной сфере и повысилась ее доля в создаваемом валовом продукте. Это позволило говорить о том, что секторальная структура экономики даже в регионах все более терциализуется [Дьяченко, Лазарева, 2021]. В наибольшей мере этот процесс получил свое развитие в крупных населенных пунктах, чему способствовала иерархическая структура системы обслуживания населения (определяемая периодичностью посещений).

В Амурской области (как и в других регионах страны) иерархия центров обслуживания населения включает в себя населенные пункты, являющиеся центрами административных образований, т.е. в которых дислоцируются: а) сельские администрации (сельсоветы); б) районные; в) областные органы власти и управления. В условиях Дальнего Востока значительная часть районных центров в силу малых размеров существенно ограничена в возможностях исполнять роль центров обслуживания для прилегающих сельских поселений. Это относится не только к сельским районным центрам, но и к большей части городов региона. А важнейшая черта сложившейся системы

¹ Так называемой «третьей» сферы, тогда как добывающие отрасли относят к «первой», а обрабатывающие – ко «второй» сфере человеческой деятельности. – *Прим. ред.*

расселения – мелкоселенность – препятствует развитию сферы услуг непосредственно в периферийных поселениях. Поэтому во многих населенных пунктах региона учреждения обслуживания, даже обеспечивающие повседневный спрос, отсутствуют. Тем самым большинство эпизодических и периодических услуг сельским жителям могут предоставляться только за пределами их мест проживания, в региональных центрах обслуживания населения, которыми на локальном уровне выступают районные центры.

Ступенчатый характер построения социальной инфраструктуры определяет главенствующую роль областных центров, выступающих в качестве общерегиональных центров обслуживания. В областных центрах сосредотачиваются общерегиональные элементы социальной инфраструктуры и представлен наиболее широкий набор структур, предоставляющих услуги населению, формируется максимальный уровень комфортности проживания в системе расселения региона [Дьяченко, 2016]. Развитие этих процессов, с одной стороны, стимулирует территориальную мобильность населения региональной периферии, с другой – способствует росту миграционной емкости крупных центров расселения и численности их населения [Лазарева, Власова, Дьяченко, 2019].

Помимо этого, открытие безвизового туризма с Китаем, превратившегося в мощный канал «народной торговли» (по китайской терминологии), в которую включились с большей или меньшей активностью тысячи, если не десятки тысяч людей, обеспечило успехи в развитии комплекса социальной инфраструктуры такого областного центра Дальнего Востока, как город Благовещенск [Дьяченко, 2015]. Подъем торговли и других инфраструктурных отраслей позволил городу занять доминирующее положение в качестве центра обслуживания населения области. Прямым отражением этого процесса стал рост численности населения Благовещенска, составивший в период 2010–2020 годов 105,4% [Амурский статистический ежегодник, 2021].

Улучшение транспортной доступности создает условия для все более активного использования жителями региональной периферии доступа к товарам и услугам в крупных поселениях, выполняющих функции центров обслуживания населения.

О высокой значимости для населения периферии доступности товаров и услуг, предоставляемых в региональных центрах, можно судить, сравнивая привлекательность населенных пунктов, удаленных на значительное расстояние и расположенных в непосредственной близости от таких центров обслуживания. При этом важно подчеркнуть, что фактор территориальной близости имеет значение как применительно к локальным центрам, в качестве которых выступают районные центры и города региона, так и применительно к областному центру. В последнем случае наиболее ярким проявлением роли близости (эффекта «соседства») выступает миграционный прирост населения в районах, непосредственно примыкающих к центру региона. В период 2010–2020 гг. наибольший рост численности населения в Амурской области был отмечен в Благовещенском

районе и составил 145,6%. Определяющее значение в данном случае имело увеличение числа жителей в населенных пунктах, непосредственно примыкающих к городу.

Наоборот, удаленность от крупных центров обслуживания и соответствующие ограничения в доступности товаров и услуг негативно влияют на динамику численности населения. Так, в 2010–2020 гг. наиболее интенсивно отток населения фиксировался на периферии Амурской области, приводя к снижению доли таких МО в численности населения данной территории и повышая уровень концентрации населения на ней (табл. 1).

Таблица 1

Группировка муниципальных образований Амурской области по динамике численности населения за период 2010–2020 гг.*

Группы муниципальных образований	Количество МО	Доля в населении области, %		
		2010 г.	2015 г.	2020 г.
С ростом численности населения	3	29,6	32,0	33,8
С сокращением численности населения до 5%	2	10,0	10,2	10,1
С сокращением численности населения от 5% до 10%	8	26,6	25,9	25,8
С сокращением численности населения от 10% до 16%	10	23,0	21,9	21,1
С сокращением численности населения от 17% и более	6	10,8	10,1	9,2

* Рассчитано авторами по [Амурский статистический ежегодник, 2021].

В частности, явные признаки депрессивности демонстрировала группа из шести МО Амурской области, убыль населения в которых варьировала от 17,4% в Шимановском районе, 18,0 в Ромненском районе, 18,7 в Архаринском районе, 18,8 в Зейском районе, 19,0 в Тындинском районе и до 19,3% в Бурейском районе (табл. 1).

Удаленность от наиболее крупных и развитых поселений, выполняющих роль локальных центров обслуживания населения, во многом определяет привлекательность проживания в сельских населенных пунктах (СНП), находящихся на разном расстоянии от районных и областного центров. При всей ограниченности возможностей районных центров в предоставлении доступа к товарам и услугам удаленность от них негативно влияет на СНП, приводя наиболее дальние из них к демографической деградации. Так, проведенные расчеты показывают, что СНП, удаленные от районного центра на расстояние до 10 км, за период с 1989 по 2019 г. сохранили 82,3% от первоначальной численности населения; от 10 до 15 км – 72,0; от 30 до 50 км – 62,2; от 50 до 70 км – уже 44,5, а более дальние – только 34,1% от своей численности населения.

Важным элементом миграционной подвижности населения региона, находящимся за пределами текущего статистического учета, является *миграция, связанная с занятостью за пределами мест проживания*. За ее счет не только решаются проблемы обеспечения рабочей силой экономики региональных центров расселения, но и ограничения оттока сельского населения региональной периферии. Маятниковая миграция и работа вахтой позволяют решать проблемы занятости, не меняя места жительства.

Оценка изменений в численности работников предприятий и организаций по МО региона показывает, что при сокращении занятых в целом по области, на муниципальном уровне реализуются разные тенденции, зачастую носящие противоположный характер. При общем снижении численности работников в Амурской области, составившем за период 2014–2019 гг. 96,4%, в девяти районах число занятых возросло (тогда как численность населения увеличилась только в одном МО). В двух МО число занятых увеличилось более чем в 2 раза (г. Свободный – 240,3% и Свободненский район – 238,3%) [Амурский статистический ежегодник, 2021]. Сочетание снижения численности населения и роста числа занятых стало возможным благодаря внешнему притоку работников, привлеченных в регион на основе использования вахтового метода ведения работ со сроком пребывания менее 90 дней.

Отметим, что в 15 МО области сокращение числа занятых было значительно большим, чем числа жителей, порождая безработицу, достигающую значительных величин. Так, в г. Райчихинск при уменьшении численности населения по отношению к 2014 г. до 97% в 2019 г., число занятых за тот же период сократилось до 84%.

Вместе с тем сравнение данных Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 и 2020 гг. показывает, что распространение занятости в пределах мест проживания среди сельских жителей Амурской области является величиной достаточно устойчивой. Если в 2010 г. доля сельских жителей, занятых на территории населенного пункта, где они проживали, составляла 74,7%, то по данным ВПН 2020 г. она даже немного возросла – до 75,8%.

Динамика миграционных процессов

Для Дальнего Востока миграция населения на всем протяжении периода освоения имела важнейшее значение, являясь источником прироста населения и трудовых ресурсов. Применительно к задачам обеспечения роста численности населения региона, наибольший интерес, соответственно, представляет именно динамика внешней миграции.

В 70–80-е годы прошлого века особую роль в росте численности населения области играли новостройки, среди которых выделялось строительство БАМа. В районах строительства магистрали миграционная активность находилась на очень высоком уровне: коэффициент интенсивности миграционного оборота (количество прибытий и выбытий, отнесенное к среднегодовой численности населения) в 1980 г. составлял 29,4%. По окончании строительных работ в 1985 г. коэффициент интенсивности миграционного оборота упал до 19,1%, а в 1990 г. он равнялся 15,1% [Дьяченко, Бурлаев, 2017].

В 1990-е годы миграции превращаются в процесс, приводящий к убыли населения на Дальнем Востоке. В последнее десятилетие характер устойчивой тенденции приобрело снижение как относительных, так и абсолютных размеров миграции в регионе. Например, если в 1990 г. общее

число прибывших (с учетом внутриобластной миграции) в Амурскую область составляло 77,5 тыс. человек, а выбывших – 71,7 тыс., то в последующие годы оба потока существенно уменьшились. В 2011 г. прибытие составило 16,6 тыс., а выбытие – 20,4 тыс. человек; в 2021 г. численность прибывших составила уже 11,3, а выбывших – 14,2 тыс. человек¹. Интенсивность миграционного оборота² (без учета мигрантов с ограниченным сроком пребывания) за десять лет снизилась с 45 промилле в 2011 г. до 33 в 2021 г. [Дьяченко, Лазарева, 2022б].

Кроме того, в целом по Дальнему Востоку отмечается снижение оттока населения. За семь лет, с 2014 по 2020 г., миграционный отток сократился в регионе в 2,5 раза. В 2021 г. был зафиксирован миграционный прирост – за счет ряда дальневосточных субъектов РФ, в которых численность прибывших превысила число убывших.

Более подробно данные тенденции можно рассмотреть на примере *Амурской области*.

Прежде всего следует отметить, что в Амурской области в период 2011–2021 гг. среднегодовая численность населения последовательно сокращалась. Важнейшую роль в этом играл отток населения из области в рамках внешней миграции, включающей в себя обмен населением с другими регионами России, между областью и странами СНГ и между областью и другими зарубежными странами.

Пик величины миграции в Амурской области, как по прибытию, так и по выбытию, пришелся на 2015 г., после которого началось снижение объема миграции (т.е. суммы прибывших и выбывших) и интенсивности миграционного оборота в регионе.

Объем миграции вырос с 51 637 человек в 2011 г. до 65 616 человек в 2015 г., сократившись в дальнейшем и составив в 2021 г. 46 398 человек. Миграционный оборот с 62,6 промилле в 2011 г. увеличился до 78,8 промилле в 2015 г. и снизился до 59,7 промилле в 2021 г. Потери численности населения Амурской области в результате миграционного оттока наиболее высокими были в начале данного периода. Сальдо миграции в 2011 г. составило –6087 человек, в 2021 г. оно уменьшилось до –2344 человек [Амурский статистический ежегодник, 2021].

Изменения в динамике внешней миграции в Амурской области также имеют волнообразный характер. Наиболее высокие показатели как по прибытию, так и по выбытию приходятся на середину рассматриваемого периода – 2015 г. Существенный скачок в росте миграционной активности в области отмечается в 2019 г., а ее резкое падение пришлось на 2021 г. Последнее, скорее всего, явилось следствием ограничений в миграции, связанных с пандемией.

¹ В 2011 г. изменилась методика сбора сведений по миграции. Дополнительно включены сведения о мигрантах с ограниченным сроком пребывания, а также о мигрантах, перемещающихся в сельской местности в границах административного района.

² Измеряется коэффициентом миграционного оборота, представляющим собой отношение миграционного оборота к средней (среднегодовой) численности населения, выраженное в промилле. – *Прим. ред.*

Всплески миграционной активности в период 2011–2021 гг. во многом определялись ростом числа прибывших в регион как к месту временного пребывания. Их доля в общем числе прибывших увеличилась с 26,4% в 2011 г. до 45,5% в 2014 г. и 41,6% в 2015 г., составив в 2021 г. 30,3%. Представляется, что такая динамика статистически учитываемой миграции во многом связана с распространением вахтового метода ведения работ, при котором используется труд мигрантов с кратким периодом пребывания, не учитываемый в текущей статистической отчетности по миграции ОВД.

В последние годы внешняя (для региона) миграция в ее общей структуре имела тенденцию к стабилизации, составив в 2015–2021 гг. 41–42% в числе прибывших и 46–49% среди выбывших (в 2019 г. всплеск численности внешних мигрантов среди прибывших достигал 47,5% из-за резкого притока трудовых мигрантов из стран СНГ и других зарубежных стран).

В общем числе мигрантов прибывающие из других регионов страны составили в 2021 г. 34,2%, из стран СНГ – 6,8%, из других зарубежных стран – 0,4%. В числе выбывающих доля мигрантов, направляющихся в другие регионы страны, была заметно больше, составив 43,7%. В страны СНГ выбыло 2,8%, в другие зарубежные страны – 0,5% мигрантов [Амурский статистический ежегодник, 2021].

Миграционный обмен с другими российскими регионами складывается не в пользу Амурской области, формируя отток населения. Значительная часть выбывающих из области выбирает соседние территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. В 2021 г. им отдали предпочтение свыше 39% мигрантов, выбывших из Амурской области в другие регионы России.

Наоборот, миграционный обмен со странами СНГ с 2012 г. (за исключением 2020 г.) обеспечивает прирост численности населения Амурской области. Наиболее активны миграционные связи региона с Таджикистаном, Киргизией и Арменией, миграционный прирост с которыми составил в 2021 г. соответственно 254, 237 и 153 человека (табл. 2).

Таблица 2

Сальдо миграции населения между Амурской областью и странами СНГ, человек*

Страны	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Беларусь	–2	–11	3	12	11	27	–5	34	–29	3
Молдова	8	16	21	42	31	219	–13	2	1	5
Украина	18	10	205	565	416	19	–101	–11	–91	4
Азербайджан	8	32	40	29	43	69	25	72	20	34
Армения	151	118	211	174	122	245	29	203	–176	153
Киргизия	32	39	550	–357	60	2	32	585	–617	237
Таджикистан	53	63	137	94	89	163	111	446	274	254
Туркмения	5	–	10	5	–	–3	1	26	–20	7
Узбекистан	125	75	398	–85	67	113	25	225	62	28
Казахстан	24	45	36	56	83	96	81	398	–346	77
Всего	422	387	1611	535	922	950	185	1980	–922	802

* Рассчитано авторами по: [Амурский статистический ежегодник, 2021].

При оценке внешней миграции важно иметь представление об изменениях в структуре потоков, различающихся видами регистрации мигрантов. Соответствующие данные по Амурской области представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Доля прибывших и выбывших внешних мигрантов по видам регистрации
за период 2017–2021 гг., в %***

Годы	из общего числа прибывших			из общего числа выбывших		
	зарегистрированы в новом месте жительства	возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории	прибыло к месту пребывания – всего	снято с регистрационного учета по прежнему месту жительства	выбыло к прежнему месту жительства из территории временного пребывания по окончании срока	выбыло из места жительства к месту пребывания – всего
2017	25,2	37,5	37,3	41,9	24,6	33,5
2018	28,0	37,4	34,5	43,2	29,6	27,2
2019	20,7	31,8	47,5	39,4	32,3	28,3
2020	25,1	40,7	34,2	35,2	41,3	23,5
2021	29,8	39,9	30,3	49,5	18,9	31,6
В среднем за период 2017–2021 гг.	25,4	37,1	37,5	41,6	29,6	28,7

* Рассчитано авторами по: [Амурский статистический ежегодник, 2021].

Среди прибывающих в область за период 2017–2021 гг. более четверти (25,4%) составили лица, зарегистрированные на новом месте жительства, что позволяет рассматривать их как новоселов [Дьяченко, Бурлаев, 2020]. Свыше трети приезжих (37,1%) – это те, кто возвратился к месту жительства после временного пребывания на другой территории (возвратная миграция) и около 38% составили прибывшие к месту пребывания на определенный срок (табл. 3).

Среди выбывающих мигрантов наблюдается иное соотношение. Здесь заметно больше (41,6%) снятых с регистрационного учета по прежнему месту жительства, несколько меньше (29,6%) выбывших к прежнему месту жительства с территории временного пребывания по окончании срока и выбывших с места жительства к месту пребывания (28,7%) (табл. 3).

В период с 2017 по 2021 гг. в Амурской области снялось с учета по месту жительства на 14 018 человек больше, чем было принято на регистрацию. Общая миграционная убыль населения за пять лет составила 10 972 человека [Дьяченко, Бурлаев, 2020].

Результаты статистических обследований населения Амурской области по проблемам занятости позволяют оценить масштабы, структуру и результативность маятниковой и сезонной внешней миграции в регионе. Так, в 2020 г. на работу в область въехало из других субъектов РФ 11,1 тыс. человек, а выехало 4,3 тыс. человек. Положительный баланс внешней трудовой миграции составил 6,8 тыс. работников [Дьяченко, Бурлаев, 2020].

Необходимо отметить, что временная трудовая миграция, несмотря на сезонные (годовые) колебания, имеет плавную тенденцию к росту. Если в 2011 г. численность въехавших на работу в

область составила 3,9 тыс. человек, а численность выехавших за ее пределы – 4,1 тыс. человек (отрицательный баланс – 0,2 тыс. человек), то в 2014 г. соответственно въехали 5,3 тыс. человек и выехали 3,3 тыс. человек (положительный баланс – 2,0 тыс. человек), в 2018 г. на работу в область въехало из других субъектов России 9,3 тыс. человек, а выехало 4,5 тыс. человек (положительный баланс 4,8 тыс. человек) [Дьяченко, Бурлаев, 2020]. Внешний приток трудовых кадров позволяет уменьшить дефицит рабочей силы в экономике области.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует, что в структуре миграционных потоков на Дальнем Востоке происходит стабилизация удельного веса внешней миграции. Миграционный прирост за счет обмена с зарубежными странами сокращает общую миграционную убыль населения.

В территориальной мобильности населения расширяется зона перемещений, не подлежащих текущему статистическому учету, – в результате увеличения маятниковой и сезонной миграции, распространения вахтового и экспедиционно-вахтового методов ведения работ в строительстве и добывающих отраслях.

В ближайшей и среднесрочной перспективе не ожидается существенного роста численности новоселов, способной изменить тенденцию сокращения численности населения региона. При этом продолжает увеличиваться доля населения, прибывающего в регион на временный период.

Наблюдаемые тенденции в территориальной и трудовой мобильности населения региона свидетельствуют о том, что эффективность государственного и муниципального управления в сфере занятости остается на уровне, не соответствующем потребностям развития территорий. В частности, более широкого применения в практике государственного управления заслуживает распространение занятости населения за пределами мест проживания. Например, привлечение учителей к труду в сельских школах совершенно не обязательно должно быть связано с жизнью в сельской местности. Вполне достаточной может быть транспортная доступность сельской школы для учителя, проживающего в городе. То же самое относится и к работе врачей в сельских учреждениях здравоохранения.

Решению кадровых проблем села может способствовать расширение использования удаленной работы высококвалифицированных специалистов и увеличение строительства арендного жилья в центрах расселения, способных выполнять роль базовых для сельской местности. Формирование в Дальневосточном регионе комплексов арендного жилья будет также стимулировать приток кадров из других регионов страны за счет тех, кто готов к занятости на временной основе. Развитие центров освоения региона, как представляется, заслуживает не меньшего внимания, чем создание ТОСЭР и размещение новых производств.

Существующие значительные различия в естественном и механическом движении населения муниципальных образований служат аргументом для дифференцированного подхода к управлению их экономическим и социальным развитием. Основу для этого могут составить данные муниципальной статистики, которая позволяет учитывать особенности процессов, протекающих в отдельных населенных пунктах.

Список литературы

1. Амурский статистический ежегодник 2021 : стат. сб. / Амурстат. – Благовещенск, 2021. – 336 с.
2. Бляхман Л.С., Здравомыслов А.Г., Шкаратан О.И. Движение рабочей силы на промышленных предприятиях. – Москва : Экономика, 1965. – 149 с.
3. Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А. Территориальная мобильность рабочей силы в условиях реализации инвестиционных проектов // Ученые записки Института экономических исследований ДВО РАН : сб. ст. / под ред. О.М. Прокопало. – Хабаровск, 2020. – Вып. 19. – С. 58–70.
4. Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А. Трансформации в миграционной подвижности сельского населения на примере Амурской области // Экономика и предпринимательство. – 2017а. – № 8–2 (85). – С. 744–750.
5. Дьяченко В.Н., Бурлаев Е.А. Постоянная и временная миграция в пространственной мобильности региона // Экономика и предпринимательство. – 2017б. – № 9–1 (86). – С. 1111–1117.
6. Дьяченко В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2016. – № 9(91). – С. 26.
7. Дьяченко В.Н. Современные тенденции трансформации процесса заселения Приамурья // Наука – XXI век. – 2015. – С. 167–177.
8. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Влияние реализации национальных проектов на условия и качество жизни населения Дальнего Востока (на примере Амурской области) // Региональная экономика: теория и практика. – 2022а. – Т. 20. – № 11 (506). – С. 2010–2030.
9. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Влияние миграций на систему расселения в условиях реализации инвестиционных проектов на Дальнем Востоке / Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности : сб. ст. – Уфа, 2022б. – С. 16–22.
10. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Демографические процессы и хозяйственная активность населения в формировании депрессивных районов // Региональная экономика: теория и практика. – 2022в. – Т. 20, № 3. – С. 579–600.
11. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Состояние и перспективы демографической сети городских поселений региона (на материалах Амурской области) // Региональная экономика и управление. – 2022г. – № 2(70). – С. 1–22.
12. Дьяченко В.Н., Лазарева В.В. Тенденции изменений в занятости населения в условиях трансформации экономики Дальнего Востока // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 12. – С. 2262–2276.
13. Заславская Т.И., Горяченко Е.Е. Система сельского расселения : препр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва. – Новосибирск : ИЭИОПП, 1986. – 47 с.
14. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
15. Лазарева В.В., Власова Н.Ю., Дьяченко В.Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 61–77.
16. Минакир П.А. Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 150–153.
17. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутрорегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2021. – Т. 85, № 1. – С. 24–38.
18. Нефедова Т.Г., Глезер О.Б. Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке : программы фундаментальных исследований Президиума РАН 2012–2019 / РАН. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2020. – С. 214–251.
19. Лазарева В.В., Дьяченко В.Н., Власова Н.Ю. Потенциал приграничного положения: практика использования и направления развития. – Москва : Издательский Дом «Инфра-М», 2022. – 222 с.
20. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найденов ; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 208 с.
21. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 52–70.
22. Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 2. – С. 485–501.

**ASSESSMENT OF TERRITORIAL MOBILITY AND MIGRATION OF THE
POPULATION IN THE FAR EAST (ON THE EXAMPLE OF THE AMUR REGION)**
Vladimir Dyachenko

PhD (Philos. Sci.), Senior researcher, Institute of economic research FEB RAS
(Khabarovsk, Russia), e-mail: dvn48@list.ru

Victoria Lazareva

PhD (Econ. Sci.), Associate Professor, Acting head of the Department of economic theory and public
administration, Amur state university (Blagoveshchensk, Russia), e-mail: v_lazareva12@mail.ru

Evgenij Burlaev

Chief specialist-expert, Territorial body of the Federal state statistics service for the Amur region (Blago-
veshchensk, Russia), e-mail: p28_BurlaevEA@gks.ru

Abstract. *The purpose of the study is to assess the development of migration processes in the Far East in the context of modern territorial mobility of the population and transformations in the labor market. The choice of the research object is determined by a significant reduction in the population of the region in recent decades under the influence of migration. Based on official statistics, the analysis of territorial mobility of the population and external labor migration in the Amur region was carried out. The characteristics of migration flows, outflow and redistribution of the population within the Far East are given. The expansion of employment practice outside the places of residence by using the shift method of work organization and pendulum migration is shown.*

Keywords: migration; population; territorial mobility; labor mobility; Far East; Amur region.

For citation: Dyachenko V.N., Lazareva V.V., Burlaev E.A. Assessment of territorial mobility and migration of the population in the Far East (on the example of the Amur Region) // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 72–85.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОВОЛЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Анна Николаевна Полухина

Доктор экономических наук, профессор кафедры сервиса и туризма, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия)¹,
e-mail: Poluhinaan@volgatech.net

***Аннотация.** В статье рассмотрена тема образовательного туризма в России и проблемы, вызываемые увеличением количества иностранных обучающихся в российских вузах. Отмечается, что ни в российской, ни в зарубежной науке не принята единая трактовка термина «образовательный туризм». Тем не менее, иностранных студентов в отечественных вузах сегодня следует относить к категории образовательных туристов. Принимая иностранных граждан на обучение, университеты решают важную государственную задачу – распространение влияния на другие страны мира. Одновременно появляются новые вызовы, среди которых остро стоит проблема адаптации иностранных граждан – мигрантов. Вузы имеют различный опыт ее решения. В статье приводятся и обобщаются оригинальные данные, относящиеся к опыту Поволжского государственного технологического университета в рассматриваемой области.*

***Ключевые слова:** образовательный туризм; адаптация иностранных учащихся; «мягкая сила»; социально-культурное воспитание; Поволжский государственный технологический университет.*

***Для цитирования:** Полухина А.Н. Образовательный туризм в России и проблема адаптации мигрантов (на примере деятельности Поволжского государственного технологического университета) // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 86–97.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI 10.31249/snsn/2023.01.06

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

¹ © Полухина А.Н., 2023

Введение

В последние годы в ходе приемной кампании в вузах России, особенно расположенных не в столичных городах, постоянно обсуждается и решается одна проблема: выполнение контрольных цифр приема (КЦП). Большинство университетов одним из «рецептов» выполнения КЦП полагает прием на обучение граждан из стран СНГ, которые имеют право обучаться в вузах за счет средств российского бюджета. С точки зрения экономической науки, речь в данном случае идет об образовательном туризме – именно так специалисты трактуют обучение за рубежом. Однако, способствуя его расширению, вузы сталкиваются с массой трудностей, одна из которых – это адаптация иностранных мигрантов. Причем в современной политической обстановке вопросы адаптации мигрантов имеют приоритетное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны. Возникают и многие другие проблемные ситуации, которые требуют незамедлительного разрешения. Более того, ряд ситуаций, не вовремя или неверно разрешенных, могут привести к серьезным финансовым потерям со стороны университета.

Целью статьи является анализ ситуации с образовательным туризмом и вопросами адаптации мигрантов, рассмотренной на примере одного из вузов России, но являющейся показательной и обыденной для большинства отечественных организаций высшего образования. Основное внимание уделяется наиболее острым проблемам, которые иллюстрируются оригинальным материалом, относящимся к текущей деятельности Центра по работе с иностранными обучающимися (ЦРИО) в Поволжском государственном технологическом университете.

Теоретико-методологические основы образовательного туризма

Следует отметить, что понятие «образовательный туризм» в типологии видов туризма в России появилось сравнительно недавно и пока не имеет единого методологического обоснования. В результате существуют разные определения данного термина.

Исследователь Т.В. Пономарева предлагает классификацию подходов к определению понятия «образовательный туризм» в соответствии со сферой действия, временными или территориальными признаками [Пономарева, 2019]. Н.А. Козлова определяет образовательный туризм как «временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных лиц и лиц без гражданства с постоянного места жительства для приобретения знаний и умений с целью удовлетворения образовательных потребностей без занятия оплачиваемой деятельностью в стране (месте) временного пребывания» [Козлова, 2008, с. 293]. С.А. Быстров, в свою очередь, полагает, что обучение продолжительностью менее семестра в вузе не может быть отнесено к образовательному

туризму [Быстров, 2017, с. 28]. О.И. Писаревская объединяет образовательный туризм с досуговым и рекреационным туризмом, так как турист в процессе оказания ему данной услуги получает новую информацию или новое знание [Основы туризма, 2014, с. 21].

В коллективной монографии под редакцией С.Ю. Житнева указаны несколько определений образовательного туризма: «туристские поездки, экскурсии с целью образования, удовлетворения любознательности и других познавательных интересов»; «познавательные туры, совершаемые с целью выполнения задач, определенных учебными программами образовательных учреждений»; «поездки на период от 24 часов до 6 месяцев для получения образования (общего, специального, дополнительного), для повышения квалификации – в форме курсов, стажировок, без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания» [Образовательный туризм ... , 2018, с. 75]. В.Л. Погодина и А.В. Судороженко в своих работах подчеркивают педагогический аспект образовательного туризма [Погодина, 2009, с. 54–62 ; Судороженко, 2013, с. 96]. Двойное значение образовательного туризма как вида туризма и образовательной деятельности описывает в своем исследовании А.Г. Гусейнова [Гусейнова, 2015, с. 66–67].

Собственно образовательный туризм исследователи подразделяют на подвиды: студенческие межвузовские обмены; академический год; сезонные международные лагеря и школы; стажировки; гранты и стипендии; международные экзамены и сертификаты; последипломное образование и повышение квалификации; мастер-классы и тренинги; обучение с проживанием в семье (homestay); проживание и обучение в семье преподавателя (one-to-one tuition); программы «работа+учеба» (work and study); программы обучения+развлечения (education+entertainment); обучение через проживание в семье с сочетанием работы по дому или присмотру за детьми (au pair); зарубежные стажировки [Основы туризма ... , 2014, с. 34].

Некоторые зарубежные специалисты разделяют образовательный туризм на две группы по возрастному признаку. Первая группа включает в себя путешествия с образовательными целями, в том числе для взрослых и пенсионеров. Вторую группу составляет образовательный туризм студентов колледжей и университетов, а также школьников с целью изучения какого-либо иностранного языка, участия в школьных экскурсиях и обменных программах. В первом случае познавательный аспект превалирует над образовательным, во втором – наоборот [Vojvodic, 2012, p. 5.].

Исследователи А.А. Мага и П.Е. Николау обращают внимание на тот факт, что граница между понятиями «образовательный туризм» и «академическая миграция» не установлена четко. Предлагают разделять их по протяженности: до 12 месяцев – образовательный туризм, более 12 месяцев – академическая миграция [Maga, Nicolau, 2018, p. 345].

Таким образом, в качестве основного определяющего признака «образовательного туризма» различные исследователи указывают: возраст туристов, педагогическую или экономическую со-

ставляющую, длительность. Примерно до 2020 г. в статистических отчетах, формируемых на основании данных пограничного контроля по въезду в РФ, иностранные граждане, прибывшие в Россию с целью «учеба», также относились к категории туристов. На основании многолетнего опыта автора данной работы, большинство иностранных обучающихся в вузах РФ необходимо считать именно «образовательными туристами», которые имеют право осуществлять ограниченную трудовую деятельность на территории России.

Правовой статус «образовательного туриста» в российских университетах. В России иностранные учащиеся подразделяются на тех, кто учится за счет собственных средств, и тех, кто учится за счет средств российского бюджета (не рассматривая небольшую часть студентов, за которых платят либо государственные органы их стран, либо иные коммерческие или благотворительные организации, потому что с точки зрения бюджета вуза – это тоже коммерческие студенты). За счет государственного бюджета РФ имеют право обучаться:

1) направленные-квотники – иностранные граждане из любой страны мира, которые получили квоту на обучение в России через представительство МИД РФ (Россотрудничество). Данная категория граждан присутствует в российских вузах уже несколько десятилетий. Квоты выделяются на основании регулярно обновляемых постановлений правительства РФ [Постановление Правительства РФ ... , 2020]. Существенное отличие этой категории от других в том, что квотники не лишаются стипендии в случае несдачи сессии;

2) иностранные граждане – представители четырех стран (Беларуси, Казахстана, Киргизии и Таджикистана), поступающие на равных правах с российскими гражданами. Регулируются такие случаи международными правительственными соглашениями [Соглашение ... , 1998];

3) иностранные граждане – соотечественники, которые при поступлении должны подтвердить свой статус соотечественника, предъявив ряд дополнительных документов, например свидетельство о рождении абитуриента и одного из родителей на территории СССР (основанием является [Федеральный закон № 99-ФЗ ... , 1999]).

Обычно в вузах российской провинции среди иностранных студентов преобладают граждане стран СНГ, обучающиеся за счет бюджета РФ. В вузах медицинских и классических, в которых существует медицинский факультет, преобладают иностранные коммерческие студенты, причем не только из СНГ, но из стран дальнего зарубежья.

Обучение иностранных студентов в Поволжском государственном технологическом университете

В Поволжском государственном технологическом университете (ПГТУ) преобладают иностранные студенты, обучающиеся за счет бюджета РФ (табл. 1).

Таблица 1

Количество иностранных обучающихся в Поволжском государственном техническом университете за период 2013–2022 гг., человек*

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество обучающихся по программам высшего образования (ВО)	266	305	542	735	833	829	787	750	791	811
Количество обучающихся по программам среднего профессионального образования (СПО)	6	31	54	90	73	45	21	6	8	15
Количество обучающихся по программам подготовительного отделения для иностранных граждан	10	3	24	74	105	101	98	36	125	128

* Здесь и далее – данные автора.

Приемом на обучение иностранных граждан ПГТУ занимается с 2010 г., для чего специально был создан Центр по работе с иностранными обучающимися (ЦРИО). С 2011 г. в состав ЦРИО входит подготовительное отделение для иностранных граждан (ПОИГ), осуществляющее довузовскую подготовку иностранных граждан к освоению профессиональных программ на русском языке (профили: технический, экономический и медико-биологический).

Большинство среди иностранных студентов в ПГТУ составляют граждане стран СНГ (табл. 2).

Таблица 2

Распределение иностранных студентов в Поволжском государственном технологическом университете по странам мира, человек

Страна	Уровень обучения	Форма обучения	Количество (с 2010 по 2020 гг.)
1	2	3	4
Азербайджан	ПОИГ, СПО, ВО	Бюджет / Внебюджет	83
Армения	ВО	Внебюджет	3
Беларусь	ВО	Бюджет	4
Молдова	ВО	Бюджет	3
Казахстан	СПО, ВО	Бюджет	7
Киргизия	ВО	Бюджет	173
Таджикистан	ПОИГ, ВО	Бюджет / Внебюджет	572
Туркменистан	ПОИГ, СПО, ВО	Бюджет / Внебюджет	419
Узбекистан	ПОИГ, СПО, ВО	Бюджет / Внебюджет	811
Украина	ВО	Бюджет	17
Алжир	ПОИГ	Бюджет	7
Ангола	ПОИГ	Бюджет	1
Афганистан	ПОИГ, ВО	Бюджет / Внебюджет	14
Вьетнам	ПОИГ, ВО	Бюджет	3
Гвинея	ПОИГ	Бюджет	4
Египет	ПОИГ, ВО	Внебюджет	44
Йемен	ПОИГ, ВО	Внебюджет	11
Израиль	ВО	Бюджет	1
Индонезия	ВО	Бюджет	1
Индия	ПОИГ, ВО	Внебюджет	7
Ирак	ПОИГ, ВО	Бюджет / Внебюджет	7
Камерун	ПОИГ, ВО	Внебюджет	14

1	2	3	4
Китай (КНР)	ПОИГ, ВО	Бюджет / Внебюджет	27
Р. Конго	ПОИГ, ВО	Внебюджет	11
Кот-д'Ивуар	ВО	Внебюджет	1
ДР Конго	ПОИГ, ВО	Внебюджет	35
Ливан	ПОИГ	Внебюджет	1
Ливия	ВО	Внебюджет	1
Лаос	ВО	Внебюджет	1
Марокко	ПОИГ, ВО	Внебюджет	2
Непал	ПОИГ, ВО	Бюджет	2
Нигерия	ПОИГ	Внебюджет	5
Пакистан	ПОИГ	Внебюджет	1
Палестина	ВО	Бюджет	1

Периодически с 2012 г. в вузе проводятся социологические обследования на тему «Адаптация иностранных обучающихся». Исследования проводят либо преподаватели кафедры социальных наук и технологий, либо магистранты направлений «Социальная работа» и «Туризм». В них рассматриваются разные вопросы проживания и обучения иностранных студентов в Республике Марий Эл в целом и в ПГТУ в частности. Примером может служить изучение отношения к иностранным студентам со стороны местного населения (рис. 1) и анализ конфессиональной принадлежности иностранных студентов (рис. 2). Следует уточнить, что опросы проводили сами студенты ПГТУ.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов по вопросу об отношении местного населения к иностранным обучающимся

Рис. 2. Распределение ответов респондентов – иностранных студентов об их конфессиональной принадлежности

Несколько лет назад Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИЯЛИ) провел исследование отношения местного населения к иностранным гражданам. Надо уточнить, что по данным МВД, примерно 95% иностранных граждан в Республике Марий Эл составляют иностранные учащиеся двух государственных вузов: Марийского государственного университета (МарГУ) и ПГТУ. Первый – классический университет с большим медицинским институтом. Поэтому основная доля иностранных студентов – это обучающиеся мединститута, с преобладанием граждан Индии (около 2 тыс. человек). Для небольшого региона и его столицы с населением примерно 270 тыс. человек такое количество индусов весьма заметно. Добавим к этому отличный от местного населения внешний вид, культуру поведения и религию. Не случайно опрос МарНИЯЛИ показал, что отношение местного населения к иностранным студентам стало более негативным, чем раньше.

За два последних года в ПГТУ прибавилось студентов из Шри-Ланки (каждый год их обучается на ПОИГ более 100 человек). Это представители культуры, близкой к индийской, буддисты или индуисты. Их бытовые обычаи вызывают определенное раздражение как у сотрудников вуза, так и у других иностранных обучающихся. Следует добавить, что в своем большинстве они учат русский язык плохо и тяжело, им сложно воспринимать русскую культуру, т.е. процесс адаптации затруднен.

Министерство науки и высшего образования РФ только за период осени 2022 г. несколько раз запрашивало информацию о том, как российские вузы проводят адаптацию иностранных граждан, с указанием наиболее удачных практик. Ниже приведена сводная таблица, построенная на данных нескольких отчетов ПГТУ (табл. 3).

Перечень мероприятий по адаптации иностранных студентов за 2022 г.

№	Внеучебные и учебные практики / мероприятия	Уровень обучения	Обоснование выводов об эффективности практик / мероприятий
1	Собрание с представителями МВД по правовым вопросам и вопросам противодействия экстремизму	ПОИГ, 1 курс бакалавриата и магистратуры	Мероприятие позволяет более подробно познакомиться обучающихся с требованиями законодательства РФ и нацелено на уменьшение числа правонарушений
2	Общее собрание со студентами: ознакомление с правилами и требованиями образовательного процесса, правилами внутреннего распорядка ПГТУ и проживания в общежитии	ПОИГ, 1 курс бакалавриата и магистратуры	Мероприятие позволяет более детально познакомить обучающихся с требованиями правил и норм обучения и проживания в ПГТУ
3	Организация и проведения встреч с представителями религиозных организаций в Республике Марий Эл	Студенты любых курсов	Мероприятие способствует формированию толерантного отношения к представителям разных религиозных конфессий
4	Классные часы, направленные на формирование толерантных установок, духовно-нравственных ценностей	Студенты любых курсов	Мероприятие нацелено на формирование толерантного отношения к представителям разных культур
5	Профилактическое наблюдение за социально-бытовым и психологическим состоянием иностранных студентов, проживающих в общежитиях	Студенты любых курсов	Данная деятельность способствует предотвращению социально-бытовых конфликтов
6	Организация и проведение экскурсий по достопримечательностям Республики Марий Эл	ПОИГ, 1 курс бакалавриата	Мероприятие нацелено на формирование толерантного отношения к представителям разных культур
7	Участие иностранных студентов в общегородском субботнике	Студенты любых курсов	Мероприятие нацелено на формирование толерантного отношения к представителям разных культур и к взаимовыручке
8	Ежегодный межрегиональный фестиваль национальных культур «Мост Дружбы»	Студенты любых курсов	Увеличение сплоченности обучающихся из разных стран, знакомство с культурами разных национальностей
9	Всероссийская гражданско-патриотическая акция «Бессмертный полк»	Студенты любых курсов	Повышение уровня патриотизма иностранных обучающихся и знакомство с историей России
10	Лекция для студентов «История происхождения русского народа и современные представления об этом процессе»	Студенты любых курсов	Повышение уровня знаний о происхождении русского народа и многонациональном составе современной России
11	Мероприятия, посвященные Дню России: «Берегите Россию. Нет России другой»	Студенты любых курсов	Знакомство с традициями празднования Дня России в Республике и городе, формирование у иностранных обучающихся представления о России как многонациональном государстве
12	Празднование Дня Государственного флага	Студенты любых курсов	Повышение уровня социализации иностранных обучающихся
13	Воспитательно-патриотический курс «Историческая справедливость и роль России в мире (Русский мир)» (16 часов), обучающиеся с 1 по 4 курс, очная форма обучения	Студенты любых курсов	Адаптация иностранных обучающихся к условиям проживания в России, что требует адекватного понимания ими русской культуры, национальной ментальности и ценностей, русского языка и бытовых обычаев
14	Организация участия студентов в фестивале «Студвесна-2022»	Студенты любых курсов	Мероприятие способствует повышению сплоченности обучающихся
15	Участие в волонтерских акциях, иницируемых вузом либо министерствами и ведомствами Республики Марий Эл (к примеру, горячая линия по Ковиду)	Студенты любых курсов	Мероприятие способствует укреплению толерантности между иностранными и российскими студентами, занятости студентов полезным делом в свободное от учебы время Также легче проходит адаптация, практикуются русский язык, происходит саморазвитие
16	Встреча с представителями «Республиканского центра русской культуры» и «Республиканского центра марийской культуры»	Студенты любых курсов	Мероприятие нацелено на формирование толерантного отношения к представителям разных культур

По мнению сотрудников разных подразделений ПГТУ, которые занимаются вопросами социально-воспитательной работы с иностранными учащимися, наиболее эффективным мероприятием является «Мост дружбы» – визитная карточка вуза в аспекте работы с иностранными студентами. Целью проекта является: гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в студенческой среде, адаптация иностранных обучающихся в университете, приобщение иностранных студентов к общественной деятельности вуза. В ходе реализации проекта решаются задачи: 1) оказание помощи в укреплении международных и межнациональных связей в молодежной среде; 2) воспитание у молодых людей уважения к культуре и религии друг друга; 3) интеграция иностранных студентов в молодежную студенческую среду России; 4) популяризация среди молодежи идей и принципов терпимости к национальным традициям и обычаям различных народов через общественную деятельность университета.

В реализации проекта принимают участие от 150 до 600 человек, т.е. практически все иностранные студенты ПГТУ. Мероприятие проводится ежегодно с 2012 г. Только в 2020 г. оно проходило в онлайн-формате. Среди иностранных студентов самое активное участие в нем принимают граждане стран СНГ. Отмечались годы с активным участием обучающихся из стран арабского Востока, в то время как граждане Шри-Ланки крайне мало вовлечены в это мероприятие. Возможно, причиной является тот факт, что обучающиеся на ПОИГ испытывают больше сложностей с русским языком, чем студенты бакалавриата, поэтому им труднее участвовать в общественной деятельности. Подчеркнем, что «Мост дружбы» реализуется на добровольной основе, хотя руководство вуза оказывает ему определенную финансовую поддержку.

Остальные мероприятия, представленные в таблице 3, реализуются по разным основаниям: что-то поддерживается планами социально-воспитательной работы вуза, другие мероприятия проводятся по согласованию с министерствами и ведомствами республики. Например, ежегодно, с 2010 г., проводятся собрания с руководством УВМ МВД для разъяснения иностранным студентам требований миграционного законодательства. К сожалению, часть студентов не обращает серьезного внимания на предостережения со стороны МВД и иногда попадает в сложные ситуации.

Основные проблемы обучения в отечественных вузах иностранных студентов

В последние годы в вузах для выполнения КЦП увеличен прием на обучение граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья. Основанием для приема являются различные нормативные документы. Обучение в вузах РФ граждан из стран СНГ также поддерживается Министерством науки и образования РФ, Министерством иностранных дел РФ и другими ведомствами. Таким образом, происходит реализация одной из важнейших государственных задач: распространение с помощью «мягкой силы» влияния России на другие страны. Это не отменяет основной задачи вузов – обеспечения получения высшего образования. Однако на первый план выходит задача адап-

тации иностранных граждан и их воспитание в русле российской политики и культуры. Исходя из этого можно утверждать, что данная деятельность ближе к образовательному туризму, нежели просто к получению образования.

На обучение в Россию приезжают граждане из разных стран, далеко не всегда благополучных, в связи с чем возникает масса проблем с сопровождением обучения (от экономических до обеспечения безопасности). Иностранные студенты часто с трудом воспринимают бытовые особенности проживания в России, особенно при значительных культурных и религиозных отличиях. С другой стороны, большинство сотрудников вузов и местное население, прежде всего жители провинций, плохо понимают эти различия и редко пытаются их осознать и принять, что приводит к возникновению конфликтов.

При этом большинство прибывающих в последние годы иностранных граждан из стран СНГ и арабского мира слабо подготовлены к освоению образовательных программ в российском вузе (которые, в свою очередь, недостаточно учитывают различия студентов из разных стран). Ряд студентов испытывает материальные трудности, так как родители не могут их поддерживать – и эта ситуация обострилась в результате затруднения денежных переводов из-за рубежа в 2022 г. Поэтому (особенно после изменений в отечественном законодательстве 2020–2021 гг.) значительная часть иностранных студентов вынуждена помимо учебы еще и работать.

К сожалению, многие студенты – прежде всего граждане стран СНГ из Центральной Азии – воспринимают Россию как страну, которая им что-то должна: дать «путевку в жизнь», бесплатное образование, гражданство, хорошую работу и т.д. Находясь в России и проживая в общежитии, они не пытаются расширить круг общения (помимо представителей своей диаспоры) и наглядно демонстрируют иждивенческие настроения.

Отдельно следует остановиться на возникающей каждый год проблеме обеспечения иностранных студентов медицинским обслуживанием. В России они должны приобретать полисы ДМС и делать это на добровольной основе. Тем не менее Роспотребнадзор и государственные поликлиники полагают, что за все медосмотры, прививки, приемы и т.д., организуемые для иностранных обучающихся, должен платить вуз.

Существует Постановление Правительства РФ № 167 от 24.03.2003 (ред. от 25.05.2017) «О порядке предоставления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации», в котором указано, что принимающая сторона несет ответственность за предоставление медицинских услуг иностранному гражданину в случае необходимости [Постановление Правительства ... , 2003]. Но данное Постановление относится ко всем юридическим лицам, в том числе коммерческим организациям, приглашающим иностранных граждан на работу. Вероятно, в этом случае данное требование обосновано. Вузы же, в большинстве своем являясь бюджетными организаци-

ями, осуществляют деятельность за счет государственной субсидии на оказание образовательных услуг. Расход госсубсидии может проводиться только по определенным бюджетным статьям, в которых оказание медицинских услуг студентам не запланировано. Следовательно, вуз не может оплачивать ни полисы ДМС, ни иные медуслуги за счет бюджетных средств.

В тех вузах, в которых обучается значительное количество коммерческих студентов, вопросы можно решить за счет прибыли. Однако речь идет о вузах российской провинции, вынужденных выполнять КЦП за счет приема на бюджетные отделения иностранных граждан. Получается, что обучаться за счет бюджета они имеют право, а получать медицинские услуги – нет.

Наконец, многие российские вузы не могут проводить активную социально-воспитательную и адаптационную работу для иностранных граждан, так как для этого им не хватает ресурсов, в том числе на проведение мероприятий. Здесь, как и в случае с медобслуживанием, существует правовая коллизия. Например, одним из условий грантов Росмолодежи является (уже два года) запрет на привлечение к участию иностранных учащихся. При этом количество отчетов по адаптации и социально-воспитательной работе с мигрантами с каждым годом для вузов становится все больше.

Заключение

В последние годы в России активно развивается образовательный туризм как въездной вид туризма. На обучение (разных типов) приезжает значительное количество иностранных граждан, как из стран СНГ, так и дальнего зарубежья. Основания для приема иностранцев на обучение в вузы различны. При этом все больше проявляется разница в приеме на обучение иностранных граждан между вузами центральных городов России и российской провинции.

Большинство провинциальных вузов вынуждены принимать на обучение за счет бюджета РФ иностранных граждан, имеющих соответствующие права, в целях выполнения КЦП. Данный факт положителен с точки зрения воздействия «мягкой силы» на политику других государств и будущее взаимоотношение России с ними на международной арене. Однако для этого необходимо развивать образовательный туризм, в том числе путем активизации адаптационных мероприятий со студентами. Полагаем, что данное направление, способствующее укреплению позиций России в мире через высшее образование и русскую культуру, требует более пристального внимания со стороны государства.

Список литературы

1. Быстров С.А. Организация туристской деятельности. Управление турфирмой. – Москва : Форум, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 400 с.
2. Гусейнова А.Г. Сущность понятия «образовательный туризм» и его основные принципы // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 66–67.
3. Козлова Н.А. Проблемы применения терминологии в индустрии международного образовательного туризма // Научно-технические ведомости СПбГУ. Экономические науки. – 2008. – № 4. – С. 289–294.
4. Образовательный туризм в России / под ред. Житенёва С.Ю. – Москва : Из-во «Юрайт», 2018. – 198 с.

5. Основы туризма / под ред. Писаревского Е.Л. – Москва : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 384 с.
6. Погодина В.Л. Традиции и инновации в образовательном туризме // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 112. – С. 54–62.
7. Пономарева Т.В. Образовательный туризм: сущность, цели и основные сегменты потребителей // Проблемы современной экономики : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2015. – С. 139–143. – URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/132/7188/> (дата обращения 21.01.2019).
8. Постановление Правительства РФ от 24.03.2003 N 167 (ред. от 25.05.2017) «О порядке представления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – 2003. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41475/ (дата обращения 24.12.2022).
9. Постановление Правительства РФ от 18.12.2020 № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Гарант. – 2020. – URL: <https://base.garant.ru/75091924/> (дата обращения 24.12.2022).
10. Соглашение от 24.11.1998 «О предоставлении равных прав гражданам государств – участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г. на поступление в учебные заведения» // Гарант. – 1998. – URL: <https://base.garant.ru/1154949/> (дата обращения 24.12.2022).
11. Судороженко А.В. Функции и роль образовательного туризма // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 16. – С. 94–98.
12. Федеральный закон № 99-ФЗ от 24.05.1999 «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // КонсультантПлюс. – 1999. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения 24.12.2022).
13. Vojvodic K. Educational cruises – tourism products promoting learning // Journal of international scientific publications: educational alternatives. – 2012. – Vol. 10, part 1. – P. 4–15.
14. Maga A.A., Nicolau E.P. Conceptualizing educational tourism and the educational tourism potential (evidence from ASEAN countries) // Advance in Economics, Business and Management research (AEBMR). – 2018. – Vol. 39. – P. 343–348.

EDUCATIONAL TOURISM IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF MIGRANT ADAPTATION (THE EXAMPLE OF THE VOLGA STATE UNIVERSITY OF TECHNOLOGY)

Polukhina Anna

DrS. (Econ. Sci.), Professor of the Department of Service and Tourism, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), e-mail: Poluhinaan@volgatech.net

Abstract. *The article considers the topic of educational tourism in Russia and the problems caused by an increase in the number of foreign students in Russian universities. It is noted that neither Russian nor foreign science has adopted a unified interpretation of the term «educational tourism». Nevertheless, foreign students in universities of the Russian Federation today should be classified as educational tourists. By accepting foreign citizens to study, universities solve an important state task – the spread of Russian influence to the countries of the world. At the same time, new challenges appear, among which the problem of adaptation of foreign citizens – migrants is acute. Universities have different experience in solving it. The article presents and summarizes original data related to the experience of the Volga State University of Technology in the field under consideration.*

Keywords: *educational tourism; adaptations of foreign students; soft power; socio-cultural education; Volga State University of Technology.*

For citation: Polukhina A.N. Educational tourism in Russia and the problem of migrant adaptation (on the example of the Volga State University of Technology) // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 86–97.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

УДК 323.2+314.742:297.17(44)

ВЛИЯНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ИММИГРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ: ОПЫТ ФРАНЦИИ. (ОБЗОР)

Долгов Борис Васильевич

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: dolgov.boris@list.ru

***Аннотация.** В обзоре рассматривается феномен многолетнего существования во Франции мусульманского сообщества – самого многочисленного в Западной Европе. Раскрывается роль ислама в секулярном французском обществе. Показаны этапы формирования мусульманского сообщества и организации, созданные в ходе этого социокультурного процесса. Особое внимание уделено развитию мусульманского сообщества в 2015–2020-е годы, когда часть французских граждан-мусульман стала более активно участвовать во всех сферах жизни страны. В то же время происходила маргинализация части мусульманской молодежи и распространение в ее среде радикального исламизма. Подробно описывается усиление влияния мусульманской диаспоры в социально-политических процессах, которое обуславливает размежевание французского социума и тенденцию к его трансформации.*

***Ключевые слова:** Франция; мусульманская диаспора; ислам; радикальный исламизм; секулярное общество.*

***Для цитирования:** Долгов Б.В. Влияние мусульманской иммиграции на социально-политические процессы в Европе: опыт Франции. (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 98–110.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.07

Статья выполнена в рамках государственного задания ИНИОН РАН 2023 г.

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

Введение

Одним из последствий исторически сложившихся связей стран-метрополий с их бывшими колониями, а также кризисных явлений в социально-экономической и политической сферах и вооруженных конфликтов, затронувших прежде всего страны Азии и Африки, стала масштабная миграция. Прибытие в Европу большого числа мигрантов, многие из которых являлись мусульманами (на 2016 г. – более 25 млн, т.е. почти 5% населения Европы) [Hackett, 2017], привело к появлению в принимающих странах диаспор, обладающих своей собственной культурной и религиозной идентичностью. В этом отношении наиболее ярким примером является самая большая по численности в Европе¹ французская мусульманская диаспора.

Возникновение мусульманской диаспоры во Франции

Формирование мусульманской диаспоры во Франции происходило в несколько этапов. Первый и наиболее значимый из них относится к началу XX в. Он был обусловлен участием Франции в Первой мировой войне (1914–1918), когда большое число жителей французских колоний (в основном из стран Магриба) были призваны во французскую армию и участвовали в боевых действиях. Впоследствии многие из них, награжденные французскими боевыми наградами и получившие известные привилегии, остались во Франции. Миграция продолжалась и в 1920-х годах, но уже вызванная потребностями в послевоенном восстановлении страны и наметившимся экономическим подъемом [Долгов, 2014].

Второй этап массовой миграции связан с колониальной войной, которую вела Франция в Алжире (1954–1962). Мигранты этой волны в значительной степени состояли из алжирцев, сотрудничавших с французскими властями или служивших во французской армии (так называемые «харки»). В последующие годы миграция также шла достаточно высокими темпами. В особенности после принятия во Франции законов о воссоединении семей, предоставлявших существенные льготы мигрантам [Долгов, 2014], а также создания Международной организации франкофонных государств и заключения между Францией и ее бывшими колониями соглашений об экономическом, культурном и гуманитарном сотрудничестве.

Третий этап начался в 2000-х годах, когда мусульманскую диаспору стали пополнять беженцы из стран, затронутых событиями «арабской весны», и регионов вооруженных конфликтов (Афганистан, Мали, Ирак, Ливия, Тунис, Сирия, Йемен).

¹ Не считая Кипра и Болгарии. – *Прим. ред.*

В результате мусульмане стали весьма заметным сегментом населения Франции, так же, как и практически всех стран Западной Европы. По разным данным, во Франции проживает более шести миллионов мусульман, из которых более 80% являются выходцами из стран Магриба [La population ... , 2022]. При этом большая часть мигрантов проживает в окрестностях и в пределах больших городов, таких как Париж, Марсель, Лион, Бордо, Страсбург, Лилль, Монпелье. Часть мусульманской диаспоры восприняла европейские цивилизационные ценности и в достаточной степени интегрировалась в европейское общество [Долгов, 2015]. Наряду с этим значительное число мигрантов и их потомков продолжает считать ислам основой своей цивилизационной идентификации.

Роль религии во Франции

Ислам, на протяжении веков выработавший систему культурных, моральных и этических норм, стал для большинства мусульман не только религией, но и образом жизни. Эти нормы до настоящего времени в значительной степени являются регуляторами отношений в повседневной жизни и общественно-политической практике мусульман, в том числе в мусульманских диаспорах. При этом, с одной стороны, принимающее общество оказывает существенное влияние на мусульман-мигрантов, с другой – само мусульманское сообщество также влияет на принимающую страну. Это ведет к определенным изменениям в социокультурной сфере и конфессиональной идентичности принимающего общества, влияет на происходящие в нем социально-политические процессы. Именно это, на наш взгляд, имеет место в Европе и, в частности, во Франции.

В настоящее время во Франции проживает уже третье и четвертое поколение бывших мигрантов-мусульман, которое родилось в этой стране и имеют французское гражданство. Тем не менее, часть этой категории населения сохраняет приверженность традициям и культуре ислама. При этом в самой мусульманской диаспоре происходят неоднозначные изменения, связанные с социально-экономическими проблемами мусульманского сообщества и влиянием идеологии радикального исламизма.

Современная мусульманская община во Франции существует в условиях секулярного общества и светской демократии. В стране, наряду с исторически сложившимися традициями католицизма (который исповедует большинство верующих французов), существуют противоположные им традиции светского свободомыслия и скептического отношения к религии. Эти традиции восходят к временам Великой французской революции, вдохновителями которой во многом являлись крупнейшие общественные деятели, философы и писатели – Вольтер, Монтескье, Рабле, Монтень, Декарт, Д'Аламбер, Гольбах, Дидро, Руссо. Они проповедовали идеи Просвещения, культ разума и светскости. Некоторые из них, как например Гольбах и Дидро, являлись атеистами и считали, что «нет каких-либо научных доказательств существования Бога».

На различных этапах Великой французской революции – в период правления Якобинской диктатуры, Конвента, Директории – и императора Наполеона I (Бонапарта) проводилась антиклерикальная политика, а позиции католической церкви были значительно ослаблены. Наиболее радикальные революционные деятели пытались проводить «дехристианизацию» и заменить христианство «культом Разума». В этот период закрывались церкви, священников заставляли отречься от сана, уничтожались религиозные символы. В Париже в 1793 г. было запрещено католическое богослужение, вместо которого в соборе Парижской богородицы воздавались почести «богине Разума» [Карлейль, 1991, с. 494]. Однако такая политика вызывала недовольство и протесты верующих, и от нее вскоре отказались. В 1801 г. Наполеон I заключил с Папой римским соглашение (конкордат), согласно которому католичество объявлялось религией «большинства французских граждан». Французские власти стали назначать епископов, которые утверждались Папой римским.

Наследие Великой французской революции продолжает рассматриваться большинством французского общества как неотъемлемая и важная часть истории страны. Так, в честь 100-летнего юбилея революции в 1889 г. в Париже был открыт памятник одному из ее руководителей и идеологов – Жоржу-Жаку Дантону. Позднее одна из станций парижского метро получила название «Робеспьер» в память Максимилиана Робеспьера, возглавлявшего французское революционное правительство в 1792–1794 гг. Официальным гимном Французской республики остается «Марсельеза».

Взаимоотношения государства и религии во Франции в настоящее время регулируются законом, принятым в 1905 г., в соответствии с которым церковь отделена от государства и гарантируется свобода вероисповедания всех конфессий. Франция является единственной страной в Европейском союзе (ЕС), где светскость провозглашается официальной идеологией. Президенты Франции Н. Саркози (2007–2012) и Ф. Олланд (2012–2017) заявляли, что «светскость не является противником религий», а «ислам не противоречит демократическим ценностям, что подтвердила история Франции» [Frances' Holland praises ... , 2013; Долгов, 2016, с. 115].

Структура и взаимоотношения внутри мусульманской общины Франции

В современной мусульманской общине Франции действует несколько десятков профессиональных, гуманитарных, просветительских и религиозных организаций. Наиболее влиятельные из них представлены Союзом исламских организаций Франции (СИОФ), Французским советом мусульманского культа (ФСМК), Национальной федерацией мусульман Франции (НФМФ), Организацией молодых мусульман Франции (ММФ), Союзом мусульманских ассоциаций 93¹(СМА 93).

¹ Число 93 означает номер департамента, в который входит район Сен-Дени, пригород Парижа.

Во Франции функционирует более 2300 мечетей. Наиболее крупными из них является Большая парижская мечеть (при которой действует Мусульманский институт, где на двух факультетах изучаются теологические дисциплины и арабский язык), Большая мечеть Лиона, Большая мечеть Марселя и юга Франции, Страсбургская мечеть. Большинство французских мусульман (как и мусульман в целом) исповедует суннитский толк ислама, представленный его четырьмя традиционными течениями (мазхабами). Тем не менее существуют группы мусульман, практикующих шиизм и его направления.

Между различными организациями и течениями ислама во Франции существует определенное противостояние. Оно обусловлено как разными подходами к проблемам мусульманской общины, рядом теологических разногласий между суннитской и шиитской ветвями ислама и различными мазхабами внутри суннизма, так и связями с той или иной страной исламского мира, а также их различной внешнеполитической ориентацией в конфликтах, имеющих место в арабo-мусульманских регионах.

Среди части мусульманского сообщества в 2011–2020 гг. распространялись исламистские доктрины, выражавшие как социальный, так отчасти и цивилизационный протест. Для определенной группы мусульман было характерно неприятие европейских ценностей и отказ от интеграции. Их лидеры проповедовали доктрину коммунитаризма – закрытого существования мусульманской общины по законам шариата. В известной мере рост исламистских настроений служил своеобразным ответом на имевшие место проявления расизма и исламофобии. Последнее, в свою очередь, являлось реакцией на повышение террористической активности радикального исламизма, в том числе и во Франции. Данный феномен во многом обусловлен внешними причинами. К ним относятся протестные движения «Арабской весны», повлекшие за собой усиление группировок «политического ислама»; кризисные явления и дестабилизация ситуации в ряде арабских стран [Долгов, 2014]; нерешенность давних конфликтов (каким является палестино-израильский) и возникновение новых (йеменского, ливийского, сирийского). Внутренним фактором распространения исламистских тенденций во Франции и в Европе в целом служат существующие элементы дискриминации представителей мусульманской общины (при приеме на работу, учебу в элитных вузах и т.д.).

Основные проблемы мусульманской диаспоры во Франции

Необходимо отметить, что большинство проблем мусульманской диаспорой носят скорее социально-экономический, чем межконфессиональный или междоцивилизационный характер. И они обострились в связи с кризисными явлениями в мировой экономике и пандемией COVID-19.

Прежде всего, это касается безработицы, от которой в наибольшей степени страдает молодежь предместий крупных городов, представленная в основном выходцами из стран арабо-

мусульманского мира. Рост безработицы провоцировался выводом многих промышленных предприятий за пределы Франции в развивающиеся страны, в которых производство (по причине более дешевой рабочей силы) рентабельнее и прибыльнее. Кроме того, ситуация на рынке труда современного постиндустриального французского общества предполагает высокий уровень образования и специализации. Выходцам из иммигрантской среды далеко не всегда удастся его достичь. Семьи мусульманских мигрантов и их потомков, согласно исследованиям французских специалистов, имеют от семи до 12 детей [Долгов, 2015, с. 134]. Однако квалификация этой избыточной рабочей силы недостаточна и не отвечает современным требованиям.

Одновременно существует определенная дискриминация представителей мусульманской общины при найме на работу, которую французские исследователи определили как дискриминацию по «внешности и по месту жительства». Иными словами, у мигрантов с арабской внешностью меньше шансов устроиться на работу, чем у более европейски выглядящих мигрантов-кабилов¹ (большинство которых к тому же являются противниками радикальных течений ислама). Аналогично, менее охотно принимают на работу мигрантов, которые проживают в районах, пользующихся репутацией криминальных – таких как кварталы на севере Марселя и некоторые районы г. Рубэ [Долгов, 2018].

Такое отношение ведет к маргинализации части мусульманской молодежи, не имеющей возможности найти свою нишу на рынке труда и вынужденной заниматься мелким, иногда полукриминальным бизнесом и наркотрафиком. При этом большая часть этой молодежи имеет французское гражданство. Однако, испытав на своем опыте, что это не гарантирует им работу и достойную зарплату, молодые люди начинают чувствовать себя гражданами «второго сорта», что способствует их обращению к радикальным течениям ислама [Долгов, 2018]. Данную категорию мусульманской диаспоры пополняют также беженцы из стран, в которых происходят вооруженные конфликты (Афганистан, Мали, Ирак, Ливия, Сирия).

Необходимо отметить, что Франция принимает достаточно активное участие в этих конфликтах. Причем, если в Афганистане и Мали она выступала на стороне правительственных сил, боровшихся против радикальных исламистов, то в Ливии и Сирии, напротив, поддержала антиправительственные группировки, в которые входили радикальные исламисты, определяя их как «борцов с диктаторскими режимами». Такие внешнеполитические действия Франции вольно или невольно ведут к росту числа беженцев и, одновременно, к распространению радикального исламизма среди французских мусульман. При этом некоторые из беженцев, особенно сирийских, ранее участвовали в конфликте и были приверженцами идеологии джихада.

¹ Автохтонное национальное меньшинство в странах Магриба.

Все это создает угрозу определенной дестабилизации во французском обществе, подтверждением чему стал целый ряд террористических актов, совершенных во Франции в 2015–2022 гг. Причем большая часть из них была совершена выходцами из мигрантско-мусульманской среды, имевшими французское гражданство и либо участвовавшими ранее в конфликтах в Сирии и Ираке, либо связанными с исламистскими структурами, вербовавшими во Франции новых «джихадистов» [Kerel, 2018, p. 289].

Участие мусульман в общественно-политической жизни Франции

Представители мусульманской общины во Франции относятся не только к сегменту неимущих, но и входят во французский средний класс, не утрачивая при этом своей идентичности. Достаточно широко мусульмане – граждане Франции представлены в бизнес-сообществе, культурной сфере, масс-медиа и политическом истеблишменте [Долгов, 2015].

В 2015–2020 гг. наметилась тенденция активизации участия мусульман, имеющих французское гражданство, в социально-политической жизни французского общества. Это проявилось в выдвижении их кандидатами на муниципальных и парламентских выборах [Kerel, 2014, p. 13], вхождении в общественно-политические и правозащитные организации, усилении влияния мусульманских организаций на общественную мысль Франции. При этом многие мусульмане имели, наряду с французским, еще и гражданство той страны, откуда прибыли они или их родители. Двойное гражданство давало им право участвовать в политической жизни и, прежде всего, право голосовать на муниципальных, парламентских и президентских выборах, а также быть избранными в выборные органы как во Франции, так и в стране, второе гражданство которой они имели.

Например, из 600 тыс. этнических тунисцев, проживающих во Франции (около 6% населения Туниса), примерно две трети обладают таким правом [Долгов, 2017, с. 116]. И ничто не препятствует гражданину, имеющему двойное гражданство, быть избранным, например, депутатом парламента во Франции и в Тунисе. Так, в Национальном учредительном собрании (парламенте) Туниса, избранным после падения в 2011 г. режима президента Зин Аль-Абидина Бен Али, десять депутатов обладают французским гражданством, являясь при этом членами тунисской исламистской партии Нахда. В Национальной ассамблее (парламенте) Алжира четыре депутата имеют французское гражданство. Генеральный консул Туниса в Париже также является гражданином Туниса и Франции. Он – активный член партии Нахда и, наряду с этим, входит в руководство организации «Сообщество мусульман Франции» и французского мусульманского центра «Таухид», расположенных в парижском пригороде Сен-Дени. Указанные мусульманские организации активно выдвигают своих кандидатов и пытаются влиять на результаты муниципальных выборов в этом районе.

Получив мандат депутатов муниципалитета или департамента и Национальной ассамблеи, мусульмане становятся представителями не только своей общины, но всех французских граждан [Долгов, 2015]. Они также активно работают в Национальной консультативной комиссии по правам человека при Сенате Франции, защищая права мусульман на выражение принадлежности к исламу.

Инициатива выступать от имени мусульманской общины постепенно переходит к более молодому поколению, родившемуся во Франции и получившему здесь образование. Одной из наиболее влиятельных структур, выражающей интересы этого слоя французских мусульман, стал выше упоминавшийся Союз мусульманских ассоциаций 93 (СМА 93) во главе с Мухаммедом Эннишем. Лидеры СМА 93 считали, что в случае достижения ими руководящей роли в мусульманском обществе они смогут участвовать в выборах, выдвигая в республиканские структуры власти своих представителей. Получив властные рычаги, они смогут влиять на общественно-политическую жизнь и добиваться своих, как партикулярных, так и политических целей.

СМА 93, действовавший в районе Сен-Дени, в котором проживало около 450 тыс. мусульман (в основном выходцев из Северной Африки), регулярно публиковал на своем интернет-сайте материалы, освещавшие жизнь мусульманской общины, подробности муниципальных выборных кампаний, а также критику властей, поощрявших, по мнению генерального секретаря СМА 93 М. Энниша, «исламофобию и расизм»¹. Многие руководители СМА 93 вышли из мусульманской студенческой среды, из которой сформировался круг постоянных участников конференций по теоретическим проблемам ислама, проводившихся под руководством идеолога концепции «европейского ислама» Т. Рамадана (внука Хасана аль-Банни, основателя ассоциации «Братья-мусульмане»). На них дискутировались различные направления исламской идентификации, включавшие в себя современные доктрины «Братьев-мусульман»² и салафизма³ [Qui sommes-nous?, 2009].

Достаточно влиятельный Союз исламских организаций Франции (СИОФ) также регулярно публикует на своем интернет-сайте статьи, посвященные различным вопросам, связанным как с повседневной жизнью мусульманской общины, так и с теологическим дискурсом. Например, о совместимости ислама с демократией, вызывавшей острые дискуссии в среде мусульманских философов и идеологов. В дискуссиях приводились мнения таких известных основоположников демократического государственно-политического устройства, как Авраам Линкольн и Алексис То-

¹ Беседа с М. Эннишем, 15.06.2013, Париж (архив автора).

² Т. Рамадан выдвигал тезис о развитии ислама, а именно «становлении европейского ислама, в тоже время подтверждая основополагающий канон ислама (*Акида* – араб. яз.) о том, что Пророк Мухаммед – последний божественный посланник, возвестивший о ниспослании ислама, как последнего религиозного послания миру» [Ramadan, 2008, p. 22].

³ Движение в исламе, представители которого заявляют о своем идейном и интеллектуальном следовании первых поколений мусульман. – *Прим. ред.*

квиль, соотносились с основными положениями демократии суры Корана. В итоге делался вывод о том, что «принципиальные элементы демократии целиком совместимы с исламом» [Zenati, 2013; Долгов, 2015].

Во многом следствием активизации мусульманского сообщества и расширения присутствия ислама во Франции стало изменение его определения, сделанного во времена президента Н. Саркози: с термина «ислам во Франции» (фр.: islam en France) на «ислам Франции, или французский ислам» (фр.: islam de France). Последний термин можно трактовать следующим образом: ислам становится составной частью французской культурно-религиозной сферы [Долгов, 2016].

Возрастающее влияние ислама подтверждает также такой феномен, как принятие ислама этническими французами на фоне явного ослабления католической церкви. Причем ранее данные граждане исповедовали христианство или были атеистами и даже приверженцами левой идеологии. Ярким примером служит Роже Гароди, бывший одним из лидеров движения еврокоммунистов.

Многие из принявших ислам являются детьми от смешанных браков, как, например, создатель достаточно известного мусульманского еженедельного журнала «Salamnews» с тиражом 130 тыс. экземпляров Мохаммед Колин. Его отцом был коренной француз из Нормандии, а мать – иммигрантка из Алжира. Один из номеров указанного журнала вышел с фотографией на обложке популярного футболиста Франка Рибери, также принявшего ислам. В опубликованной в этом номере беседе с ним, озаглавленной «Ислам – это мой выбор» [Kerel, 2012, p. 215], Рибери рассказывал о духовных силах, которые дало ему принятие ислама. Одним из факторов, повлиявших на решение Рибери принять ислам, стала его женитьба на мусульманке – уроженке Алжира, чьи моральные и духовные качества, являвшиеся, по его мнению, следствием глубокой религиозности, он высоко оценил. В ряде своих номеров журнал опубликовал целую серию репортажей с принявшими ислам известными лицами, среди которых фигурировал популярный певец, избравший одно из радикальных направлений ислама и оставивший ради этого сцену.

В свою очередь, часть представителей французского научного востоковедения стала проявлять особый интерес к восточной метафизике и исламскому эзотеризму. Подтверждением служит доклад на данную тему, с которым выступил на научной конференции в Париже в Высшей школе по изучению социальных наук (EHESS) Абденнур Бидар, известный французский философ и автор «Манифеста за европейский ислам», а также один из идеологов концепции индивидуального ислама [Долгов, 2014].

Последствия повышения общественной активности мусульман во Франции

Активизация мусульманского сообщества и усиление влияния ислама в стране вызывает неоднозначную реакцию французских граждан. Часть представителей сферы культуры, массмедиа, политического истеблишмента, научного востоковедения принимает позицию мусульман,

считая ее совместимой с демократическими традициями Франции. Вместе с тем в последние годы, в особенности после активизации террористической активности радикальных исламистов, набрали силу общественно-политические силы, заявляющие об «опасности исламизации Франции», а также продолжились дебаты относительно французской национальной идентичности и роли ислама в ней. Часть французского общества высказывает обеспокоенность по поводу усиления влияния ислама и индифферентного отношения к этому светской республиканской Франции. Отражением такой обеспокоенности, вероятно, можно считать принятие законов о запрещении выражения принадлежности к религии (в том числе ношения никаба¹ мусульманками) в общественных местах и о борьбе с сепаратизмом, направленной на противодействие коммунитаризму.

Данные тенденции усилились в особенности после целой серии террористических актов во Франции в 2015–2022 гг., в результате которых пострадали сотни французских граждан. При этом необходимо отметить, что все организации французского мусульманского сообщества решительно осудили данные террористические акты, а французские власти предприняли меры по усилению общественной безопасности. В то же время были организованы дискуссии о месте и роли ислама во Франции, в которых приняли участие представители научного востоковедения, общественно-политических и религиозных организаций, как мусульманских и христианских, так и других конфессий.

Целый ряд общественно-политических организаций высказался в поддержку республиканских ценностей и против попыток «исламизации Франции». В частности, в апреле 2021 г. более 20 отставных офицеров французской армии и бывших руководителей французских силовых структур направили открытое письмо президенту Франции Э. Макрону. В нем они критиковали неспособность властей эффективно бороться с радикальным исламизмом. В их поддержку выступила часть действующих военных, также обратившихся с письмом к президенту Франции, в котором говорилось о «бандах преступников и исламистов, орудующих на окраинах французских городов, провоцирующих угрозу гражданской войны» [«Вернуть честь нашим правителям» ... , 2021 ; Долгов, 2021 ; Казаргин, 2021].

Отражением таких настроений можно считать значительную поддержку, полученную М. Ле Пен, председателем партии «Национальное объединение» (НО) на президентских выборах во Франции, позволившую ей наряду с действующим президентом Э. Макроном выйти во второй тур 24 апреля 2022 г. Хотя в результате голосования президентом Франции был избран Э. Макрон, получивший 58,5% голосов избирателей, М. Ле Пен завоевала 41,5% из них [Résultat présidentielle ... , 2022]. При этом число проголосовавших за М. Ле Пен является наибольшим количеством голосов, подававшихся за кандидата НО за все время его существования.

¹ Традиционный женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз. – *Прим. ред.*

Необходимо отметить, что расхожее мнение о том, что партия НО является ультраправой, выражает антииммигрантские и антимусульманские взгляды, не совсем соответствует действительности. Так, член руководства НО Бруно Голниш утверждает, что «НО требовало радикального пересмотра иммиграционной политики, но никогда не выступало против мигрантов-мусульман, как таковых, тем более, против мусульман, получивших французское гражданство, и высказывалось за сосуществование в единстве во Франции двух общин – христианской и мусульманской» [Geisser, 2007, p. 158].

Своеобразным символом подтверждения такой позиции можно считать то, что ближайшим соратником председателя НО М. Ле Пен¹ являлся Фарид Смахи, уроженец Алжира, в возрасте 20 лет эмигрировавший во Францию. После встречи и личной беседы с Жаном-Мари Ле Пенем (отцом М. Ле Пен и основателем НО), предложившим ему вступить в НО и баллотироваться на муниципальных выборах в списке его кандидатов, Ф. Смахи стал одним из самых активных пропагандистов программы НО. Вскоре он был назначен региональным советником НО в центральном районе Иль де Франс, а затем советником в городском комитете в Париже и членом политического бюро НО.

Стратегия руководства НО в отношении «мусульманского вопроса» объясняется как политическими, так и практическими электоральными мотивами. В программе НО в президентской кампании 2022 г. главными темами (наряду с экономическими мерами по подъему уровня жизни французских граждан), были такие, как «проведение референдума по ограничению иммиграции, с включением этого пункта в Конституцию и проект закона по борьбе с радикальным исламом» [Electionnes présidentielles en France, 2022]. Эта стратегия приносит свои результаты, и часть французских мусульман, представляющих вторую по численности ее адептов религию во Франции, голосуют за кандидатов НО.

Более того, достаточно значительную поддержку при голосовании в первом туре президентских выборов 2022 г. (7,07% – четвертое место) получил ранее не участвовавший в выборных кампаниях Эрик Земмур – журналист, писатель и политолог, выступающий с радикально антииммигрантскими и антиисламскими лозунгами. В его программе фигурировали такие пункты, как «ноль – иммиграции, запрет ношения никаба в общественных местах, предоставление пособия в 10 тыс. евро для стимулирования рождаемости для французских семей в сельской местности, лишение французского гражданства и высылка из Франции правонарушителей с двойным гражданством» [Electionnes présidentielles en France, 2022].

¹ Семейную традицию активного участия в политической жизни Франции продолжает внучка Жана-Мари Ле Пена – Марион Марешаль-Ле Пен (род. в 1989 г.), избранная в 2011 г. от «Национального объединения» в Национальную ассамблею (французский парламент) и ставшую самым молодым членом парламента за всю новейшую историю Франции.

Заключение

Приведенные факты подтверждают, что мусульманское сообщество со всеми присущими ему противоречиями и проблемами стало частью французского общества. Соответственно, ислам выступает в качестве важного фактора определенной трансформации французского социума.

При этом часть французского общества считает эти процессы совместимыми с исторически сложившимися демократическими традициями страны. В свою очередь, достаточно значительное число французских граждан воспринимает усиление влияния ислама, маргинализацию части мусульманского сообщества, провоцирующую терроризм, как опасность и угрозу потери Францией ее исторически сложившихся республиканских и светских ценностей. Такая ситуация ведет к определенному размежеванию во французском обществе.

Результаты рассмотренных процессов и изменения, происходящие во французском социуме, еще раз доказывают, что мультикультурализм, предполагавший сосуществование и взаимообогащение различных культур, не состоялся во Франции, так же как и в Европе в целом.

Список литературы

1. «Вернуть честь нашим правителям»: 20 генералов призывают Макрона защитить патриотизм (Valeurs actuelles, Франция) // ИНОСМИ. – 2021. – 27.04. – <https://inosmi.ru/20210427/249642082.html> (дата обращения 15.03.2023).
2. Долгов Б.В. Арабо-мусульманское сообщество во Франции. Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы) / Институт востоковедения РАН. – Москва : ЛЕНАНД, 2017а. – 160 с.
3. Долгов Б.В. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика // Россия и мусульманский мир. – 2016. – № 4. – С. 115–131.
4. Долгов Б.В. Исламский вызов в Большом Средиземноморье // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 655–670.
5. Долгов Б.В. Мусульманская диаспора во Франции: светская демократия и исламская идентификация // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 4. – С. 156–171.
6. Долгов Б.В. Мусульманская община во Франции: исламская идентичность и светское общество // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 12(689). – С. 27–31.
7. Долгов Б.В. Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 4. – С. 112–140.
8. Долгов Б.В. Терроризм в Европе: причины возникновения, практика и глобальный аспект // Актуальные проблемы Европы. – 2017 б. – № 4. – С. 15–34.
9. Долгов Б.В. Террористические акции и радикальный исламизм во Франции // ИВ РАН. – 2018. – URL: <https://ivran.ru/articles?artid=3365> (дата обращения 05.02.2023).
10. Казаргин А. Зачем французские офицеры решили обратиться к руководству страны // Санкт-Петербургские ведомости. – 2021. – № 87 (6925). – URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/zachem-frantsuzskie-ofitsery-reshili-obratitsya-k-rukovodstvu-strany/ (дата обращения 15.03.2023).
11. Карлейль Т. Французская революция. История : пер. с англ. – Москва, 1991. – 575 с.
12. Electionnes présidentielles en France // Le Quotidien. – 2022. – 10.04. – URL: <https://lequotidien.lu/a-la-une/elections-presidentielles-en-france-douze-candidats-pour-le-premier-tour/> (дата обращения 11.04.2022).
13. Frances' Holland praises Tunisia as “model” for region // International Relations Outlook. – 2013. – 07.07. – URL: <https://interoutlook.wordpress.com/2013/07/07/frances-hollande-praises-tunisia-as-model-for-region/> (дата обращения 15.03.2023).
14. Geisser V., Zemouri A. Marianne et Allah. Les politiques français face à la question musulman. – Paris, 2007. – 297 p.
15. Hackett C. 5 facts about the Muslim population in Europe // Pew Research Center. – 2017. – 29.11. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/29/5-facts-about-the-muslim-population-in-europe/> (дата обращения 15.03.2023).
16. Kepel G. Passion française. – Paris : Edition Gallimard, 2014. – 284 p.
17. Kepel G. Quatre-vingt-treize. – Paris : Edition Gallimard, 2012. – 322 p.
18. Kepel G. Sortir du chaos. – Paris : Edition Gallimard, 2018. – 514 p.
19. La population française // Statista. – 2022. – Janvier. – URL: <https://fr.statista.com/471946/population-totale-france> (дата обращения 15.04.2022).

20. Qui sommes-nous? // L'Union des associations musulmans de Seine-saint-Denis (UAM93). – 2009. – URL: <https://www.uam93.com/qui-sommes-nous/> (дата обращения 15.03.2023).
21. Ramadan T. Islam : la réforme radicale. – Paris : Presses du Châtelet, 2008. – 418 p.
22. Résultat présidentielle 2022 : scores et bilan de l'élection // L'Internaute. – 2022. – 24.04. – URL: <https://www.linternaute.com/actualite/politique/2353975-resultat-presidentielle-2022-macron-sacre-percee-de-le-pen-irruption-de-zemmour-ce-qu-il-faut-retenir> (дата обращения 26.04.2022).
23. Zenati M. La démocratie est-elle compatible avec l'islam? // Musulmans de France. – 2013. – 05.09. – URL: <https://www.musulmansdefrance.fr/la-democratie-elle-compatible-avec-lislam> (дата обращения 15.03.2023).

INFLUENCE OF MOSLEM IMMIGRATION ON SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN EUROPE: EXPERIENCE OF FRANCE. (REVIEW)

Boris Dolgov

DrS (Histor. Sci.), Leading researcher YVES RAS, Leading researcher INION RAN, Moscow,
Russia, e-mail: dolgov.boris@list.ru

Abstract. *The review examines the phenomenon of the long-term existence of the Muslim community in France – the most numerous in Western Europe. The role of Islam in secular French society is revealed. The stages of the establishing of the Muslim community and the organizations created during this socio-cultural process are shown. The special attention is allotted to the development of the Muslim community in the 2015–2020s, when part of the French Muslim citizens began to participate more actively in all spheres of the country's life. At the same time, there was a marginalization of some Muslim youth and the spread of radical Islamism among them. It is described in detail the reinforcement of influence of the Muslim diaspora in socio-political processes, which caused the separation of French society and the tendency to its transformation.*

Keywords: *France; Muslim diaspora; Islam; radical Islamism; secular society.*

For citation: Dolgov B.V. The influence of Muslim immigration on socio-political processes in Europe: the experience of France. (Review) // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 98–110.

ВЛИЯНИЕ ИММИГРАЦИИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ ФРАНЦУЗСКИХ КРАЙНЕ ПРАВЫХ: НА ПРИМЕРЕ ПАРТИИ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

Жидкова Александра Васильевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН, Москва, Россия¹,
e-mail: aleksandra@copi.one

Аннотация. В статье рассматривается, как иммиграция влияет на электоральную поддержку французской крайне правой партии «Национальное объединение». Изучается, насколько антииммиграционные настроения распространены во французском обществе и, в частности, среди электората партии «Национальное объединение», и насколько негативное отношение к иммиграции становится побуждающим фактором при голосовании за крайне правых на президентских выборах. Подчеркивается, что неприятие иммиграции зачастую тесно переплетено с недовольством социально-экономическим положением. Однако ни одна из причин не связана прямой линейной зависимостью с выбором избирателей. Наряду с объективными факторами электоральному подъему партии «Национальное объединение» способствует чувство незащищенности перед глобализацией и экономической турбулентностью, свойственное части населения Франции.

Ключевые слова: Франция; иммиграция; крайне правые; «Национальное объединение»; М. Ле Пен.

Для цитирования: Жидкова А.В. Влияние иммиграции на электоральную поддержку французских крайне правых: на примере партии «Национальное объединение» // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 111–121.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.08

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

¹ © Жидкова А.В., 2023

Введение

Характерной чертой облика крайне правых партий традиционно называют их направленность против иммиграции. Более того, считается, что именно антииммиграционные настроения послужили почвой для электорального «бума» крайне правых в Европе. Безусловно, такая точка зрения имеет под собой основания. Однако, как и любой стереотип, он не лишен некоторых преувеличений, которые можно увидеть на примере французской партии «Национальное объединение» (до 2018 г. – «Национальный фронт»). Анализ отношения к иммиграции французского общества и правого крыла политических партий Франции посвящена настоящая статья, опирающаяся на материалы президентских выборов 2022 г.

Антииммиграционная риторика «Национального объединения»: константы и либерализация

После прихода к руководству «Национального фронта» (НФ) в 2012 г. М. Ле Пен (дочери основателя и бессменного руководителя НФ с 1972 по 2012 г. Жан-Мари Ле Пена) в партии произошли изменения, нацеленные на респектабилизацию и нормализацию ее риторики и программных положений, а также на дедемонизацию облика в глазах избирателей. Последовательное обновление крайне правого объединения сопровождалось ростом его электоральных показателей: если на выборах 2007 г. основатель НФ Жан-Мари Ле Пен получил 10% голосов французов, то М. Ле Пен с каждым последующими выборами улучшала результаты: в 2012 г. она набрала 17,9% голосов избирателей, в 2017 г. – 21,3%, а в 2022 г. – 23,2% [Gaudiaut, 2022]. К тому же и в 2017 г., и в 2022 г. М. Ле Пен удавалось пройти во второй тур президентских выборов, где она выступала против Э. Макрона, сумев привлечь на свою сторону весомую часть избирателей (в 2022 г. – 41%).

В связи с наблюдаемым ростом популярности и превращением партии «Национальное объединение» (НО) во вторую по значимости силу V Республики встает вопрос, существует ли корреляция между электоральными показателями партии и антимиграционными настроениями избирателей. Если признать наличие такой корреляции, то можно сделать предположение, что увеличение поддержки НО должно сопровождаться ростом во французском обществе негативного отношения к иммиграции и обострением актуальности этого вопроса. Однако, как можно увидеть из данных опросов общественного мнения, восприятие французами различных аспектов иммиграции за период с 2013 по 2022 г. изменилось незначительно. Процент людей, считавших, что во Франции слишком большое количество иностранцев, в 2013 г. составлял 70%, а в 2022 г. даже не-

многим меньше – 66%. По-прежнему 62% французов отмечают, что «ощущают себя дома» в меньшей степени, чем это было раньше. Стабильным остается и показатель ответов на вопрос о том, достаточные ли усилия прикладывают иммигранты для интеграции. Недостаточными приложенные усилия считают 55% французов [Teinturier, Gallard, Quetier-Parent, 2022, p. 57, 60, 63].

Кроме того, наблюдается снижение и роли иммиграционной тематики в электоральной мотивации французов. Если выборы 2012 г. французские исследователи М. Гоше и Р. Юро описали как избирательный цикл, где французы во многом голосовали «не в силу экономических и социальных мотивов, а по мотивам идентичности» [Gauchet, Hureau, 2012, p. 5], то за прошедшее десятилетие ситуация изменилась кардинально, и топ вопросов, волнующих избирателей, возглавила проблема покупательной способности. Так, в 2012 г. проблему повышения покупательной способности в качестве определяющей при голосовании называли 35%, а в 2022 г. – уже 68% жителей страны [Présidentielle, 2022, p. 22]. В то же время тематика иммиграции перестала входить даже в тройку наиболее важных проблем (помимо покупательной способности, в перечне сюжетов, определяющих выбор избирателя, оказались вопросы здравоохранения и борьбы с преступностью). Таким образом, электоральный рост НО произошел в условиях снижающейся роли проблемы иммиграции и не сопровождался сколько-нибудь осязаемым ростом антииммиграционной повестки во французском обществе.

Следующий вопрос, связанный с обликом НО как партии – противницы иммиграции, происходит из предлагаемой ею политической повестки. Иммиграционная тематика присутствовала в дискурсе НФ с начала его деятельности, а к концу 1970-х годов она приобрела первостепенное значение. Превращение этой проблемы в центральный сюжет в дискурсе партии сопровождалось выдвижением все более резких требований. В 1990-х годах свет увидела наиболее радикальная программа партии в вопросах иммиграции, которая содержала в себе следующие положения: депортация всех нелегальных и безработных мигрантов наряду с правонарушителями как часть стратегии по систематическому возвращению иммигрантов на их историческую родину; повторное рассмотрение всех дел по натурализации иностранцев с 1974 г.; введение практики национальной предпочтительности при трудоустройстве; особый налог для предпринимателей, нанимающих на работу мигрантов; наконец, запрет на постройку во Франции религиозных сооружений, чуждых французскому национальному духу.

Однако в XXI в. предложения в сфере иммиграции, как и в целом вся политическая программа партии, подверглись значительной корректировке и либерализации. И вот уже на выборах 2022 г. М. Ле Пен представила публике пусть и по-прежнему антииммиграционный, но все же весьма умеренный проект: предоставление ряда пособий иммигрантам только по прошествии пяти лет работы в стране, а гражданства – на основании четких критериев для натурализации; главное – проведение общенационального референдума по вопросу иммиграции [Projet pour la France de

Marine Le Pen, 2022]. При этом идея референдума пользуется широкой общественной поддержкой: за ее реализацию выступают 62% французов [Balise d'opinion – Les Français et le référendum sur l'immigration, 2021].

И все же, несмотря на тренд на либерализацию иммиграционной повестки НО, этот сюжет сохраняет свое важное место в риторике партии и продолжает находить отклик среди тех французов, которые отдают свой голос в пользу М. Ле Пен. Неслучайно на выборах 2022 г. опросы показывали, что для электората Ле Пен вопросы иммиграции и безопасности удерживали свое место в списке наиболее волнующих: первое направление называли определяющим при голосовании 54% избирателей Ле Пен, второе – 41% (для сравнения – аналогичные показатели в целом среди французов составляли 29% и 24% соответственно) [Le regard des français sur les enjeux de la campagne électorale, 2022]. Налицо важная особенность электората НО – а именно, большая распространенность в его среде (в сравнении с общефранцузскими показателями) негативного отношения к иммиграции. Этот тезис подтверждается сопоставлением с той группой населения, которая придерживается отрицательных взглядов относительно иммиграции, и теми, кто декларирует свою близость к М. Ле Пен.

Отношение к иммиграции как мотив голосования за крайне правых

Динамика отношения к иммиграции во Франции показывает, с одной стороны, все большее расхождение восприятия по шкале «правые / левые» (левые относятся к иммиграции благожелательно, правые – скорее отрицательно) и в то же время – очевидное ценностное сближение между традиционными правыми и крайне правыми. Если взглянуть на оценку избирателями численности иммигрантов, то видно, что о слишком большом количестве иностранцев в 2013 г. говорили 99% электората НФ (в 2022 г. – 95%) и 83% избирателей правых (в 2022 г. – 88% электората республиканцев¹). Более того, об обеспокоенности проблемой иммиграции заявляли 93% избирателей НО и 92% республиканцев [Teinturier, Gallard, Quetier-Parent, 2022, p. 60].

Примечательно, что сближение между правым и крайне правым флангами происходит за счет радикализации первых и, наоборот, постепенной либерализации вторых. Особенно это заметно в вопросе интеграции иммигрантов: если в 2013 г. о том, что усилия иммигрантов недостаточны, говорили 60% избирателей республиканцев, то спустя 10 лет – уже 76% (за это же время показатель НО снизился с 90 до 87%) [Teinturier, Gallard, Quetier-Parent, 2022, p. 63]. Такое сходство мнений в вопросе иммиграции вписывается в общий тренд на уменьшение ценностных различий между избирателями крайне правых и умеренных правых, особенно в ряде политических вопро-

¹ Французская правоцентристская партия (фр. Les Républicains), создана в 2015 г. в результате переименования и смены устава партии «Союз за народное движение». – *Прим. ред.*

сов, тематике культуры и идентичности, где расстояние между сторонниками НО и французских правых зачастую сведено к минимуму.

В свою очередь, внутри самого антииммигрантского электората социологи выделяют две условные категории: умеренные (35% французов) и радикальные (30%) [Les Français et l'immigration – Décrypter les mécanismes de l'opinion, 2018]. И те, и другие считают, что во Франции слишком много мигрантов, но в то же время умеренно настроенные в отличие от радикальных согласны с утверждением, что необходимо принимать беженцев, которые просят об убежище. Как описывает свою точку зрения один из респондентов опроса 2018 г., «нужно научиться сочетать человечность, защищенность с прагматизмом, проводя международную политику, нацеленную на решение проблем иммигрантов в странах их происхождения, чтобы они могли оставаться там» [Les Français et l'immigration – Décrypter les mécanismes de l'opinion, 2018].

Электоральный образ умеренных представляет собой преимущественно женский и возрастной электорат (26% этой группы в возрасте 65+), живущий в провинции – и это скорее избиратель правых, поскольку именно пожилые традиционно в наименьшей степени поддерживают Ле Пен. «Портрет» радикально настроенных французов на 34% состоит из сторонников НО, людей в возрасте от 35 до 64 лет, жителей сельской местности и пригородов [Les Français et l'immigration – Décrypter les mécanismes de l'opinion, 2018]. Их логика мышления сводится к тому, что «Франция должна перестать собирать у себя всех страдающих в мире, а приоритет должен быть отдан заботе о французах внутри страны».

В связи с этим интересно взглянуть на те аспекты, с которыми ассоциируются иммиграция у разных категорий французского электората. На общезакономерный взгляд, топ-четыре проблем, называемых в связи с иммиграцией, составляют: исламизм (43%), нелегальная иммиграция (36%), экономическая цена иммиграции (36%), вопросы безопасности (34%). Однако внутри электората Ле Пен ситуация выглядит иначе: в 2022 г. 57% сторонников крайне правых называли главной характерной чертой иммиграции ее негативное влияние на экономику, второе и третье место занимают безопасность (55%) и исламизм (53%) [Teinturier, Doridot, Latrille, 2022].

Восприятие иммиграции как «блага» или, напротив, «зла» для национальной экономики является одним из факторов оценки отношения к иммиграции, и в этом аспекте наблюдается последовательное повышение значимости этой проблемы. Если в 2012 г. среди тех, кто отмечал, что иммиграция однозначно несет в себе отрицательные последствия для экономики, 34% заявили о своей близости НФ, то в 2016 г. уже 56,2%. Стоит подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о субъективном восприятии, не подкрепляемом объективными данными (согласно экономической аналитике, увеличение рабочей силы за счет иммигрантов на один процентный пункт само по себе не приводит к сколько-нибудь существенным колебаниям занятости среди коренных жителей) [Tertrais, 2021].

При этом явно прослеживается следующая корреляция: среди тех, кто считает экономические последствия иммиграции важнейшей проблемой, около половины – это молодые люди до 35 лет, рабочие и служащие, составляющие важную часть электората Ле Пен.

И здесь показательным является пример региона Прованс – Альпы – Лазурный Берег, в котором высокий уровень поддержки НФ отмечался еще с 1980-х гг. и продолжает расти. В частности, это единственный французский регион, где М. Ле Пен имела большинство избирателей, заявлявших о готовности проголосовать за нее перед вторым туром президентских выборов 2022 г. А если говорить в целом об ультраправом политическом фланге, то в период с 2017 по 2022 г. в ряде департаментов Прованса – Альп – Лазурного Берега рост его составил от 8 до 10% [Vergnenegre, 2022]. В этом регионе наиболее представлены две профессиональные категории: служащие и мелкие предприниматели, ремесленники, работники сферы торговли – т.е. тот самый избиратель, которому свойственно связывать иммиграцию с негативными экономическими последствиями. При этом в Провансе – Альпах – Лазурном Береге зарегистрирован один из наиболее высоких уровней безработицы в континентальной Франции (8,2% по данным на третий триместр 2022 г.) [Taux de chômage ... , 2023].

В рамках рассматриваемого сюжета этот форпост «маринизма» интересен еще и тем, что здесь наблюдается один из самых высоких во Франции уровней иммиграции. И неслучайно именно этот регион воплощает собой «южный» тип риторики НО, для которой характерны антииммиграционная окраска и ставка на вопросы защиты культурной и национальной идентичности Франции.

Если посмотреть на определяющие для населения Прованса – Альп – Лазурного Берега сюжеты при голосовании, то связь между иммиграцией и поддержкой крайне правых станет осязаемой. Согласно опросам 2022 г., 62% жителей региона называют важным вопрос покупательной способности (и здесь наблюдается полное соответствие общенациональной картине), но при этом 37% выбрали в качестве главной проблемы именно сюжет иммиграции (что выше среднего по стране уровня на восемь пунктов) [Baromètre d'intentions de vote pour l'élections présidentielle – Vague 46, 2022]. Немаловажно, что разрешение этой проблемы связывается избирателями именно с НО: 47% электората отмечали, что именно эта партия способна внести во французский парламент «хорошие предложения» по решению иммиграционной проблемы (в регионе этот показатель оказался наивысшим среди всех политических сил и превышающим средний уровень по Франции на девять пунктов) [Baromètre d'intentions de vote pour l'élections présidentielle – Vague 46, 2022].

Необходимо подчеркнуть, что мотивация к голосованию не носит строго однофакторного характера, и несомненную роль играют социально-экономические темы, которые зачастую превалируют в выборе избирателя. Поэтому нельзя обойти вниманием вопрос о том, какая характеристика

все же точнее описывает электорат крайне правых: борцы против иммиграции и ксенофобы или же пострадавшие от экономической турбулентности?

Яркой иллюстрацией важности для электората Ле Пен социально-экономических проблем служат северные регионы Франции, ставшие еще в начале XXI в. своеобразной лабораторией для идей «маринизма». Именно на Севере и Северо-востоке страны, в промышленных регионах, пострадавших от последствий экономического кризиса, создавался новый облик партии как выразителя чаяний простых французов. В связи с чем ее риторика все больше смещалась в сторону такой проблематики, как низкие доходы населения, увеличение цен и сокращение государственных услуг. Подобное изменение дискурса вкупе со «смягчением» облика НО принесло свои электоральные дивиденды. Так, в северно-восточном регионе О-де-Франс, где проблема иммиграции не является острой, М. Ле Пен по итогам первого тура президентских выборов 2022 г. получила 33,36% голосов и возглавила электоральный рейтинг в пяти департаментах. При этом среди причин для голосования избирателей в О-де-Франс превалировали вопросы покупательной способности, пенсий и здравоохранения. Кроме того, у НО оказался наивысший уровень поддержки среди всех политических сил в регионе в вопросе промышленной политики (42%) [Baromètre d'intentions de vote pour les élections législatives de 2022 – Vague 48, 2022].

Можно сделать вывод, что упадок промышленности и концентрация экономических проблем являются одними из факторов, способствующих росту популярности крайне правых в ряде областей, равно как и антииммиграционный дискурс для других регионов. Недовольство социально-экономическим положением порой тесно переплетено с негативным отношением к иммиграции, но ни одна из указанных причин, побуждающих к голосованию, не связана с их результатами прямой линейной зависимостью.

География антииммиграционного протеста и его роль в росте популярности крайне правых

В научной литературе распространен тезис о том, что в отношении влияния уровня иммиграции на политические предпочтения избирателей существуют некоторые точки бифуркации: до определенных показателей иммиграция имеет незначительный эффект, а после – вызывает серьезные изменения [Halla, Wagner, Zweimuller, 2017, p. 18]. При этом переломные точки не универсальны и разнятся в зависимости от региона, социально-экономического положения и даже конфессиональной принадлежности жителей.

Подсчеты, проведенные исследователями для французских регионов иммиграции преимущественно арабо-мусульманского населения показывают, что при первом притоке иммигрантов может наблюдаться резкий рост голосования за крайне правых. При доле 10–20% арабо-мусульманского населения в избирательном округе уровень популярности партии Ле Пен стабилизируется и скло-

нен лишь к небольшим колебаниям. При дальнейшем росте количества арабо-мусульманского населения кривая электоральной поддержки НО стремительно уходит вниз. Значительная численность иммигрантов (причем настроенных против крайне правых) становится уже не побуждающим к голосованию фактором, а структурным препятствием для партии. Наглядным примером такой электоральной динамики служит Марсель [Fourquet, Manternach, Colange, 2020], где в первом и втором избирательных округах, для которых характерен высокий процент арабо-мусульманского населения, в 1990-х годах наблюдался рост поддержки НФ. Затем, после увеличения доли иммигрантского населения примерно до 25% и достижения возраста избирательного права молодыми людьми из семей иммигрантов, произошло размытие электоральной базы. После 1995 г. каждые последующие выборы в этих избирательных округах Марселя крайне правые получали все меньше поддержки: в 2015 г. на региональных выборах в первом избирательном округе Марселя НФ получил 25%, в 2017 г. на президентских выборах результат М. Ле Пен составил 15%, а в 2022 г. – всего лишь 7% [Fourquet, Manternach, Colange, 2020].

На выборах 2022 г. переломного момента в отношении иммиграции достиг ряд заморских территорий Франции, в которых резкий рост числа иммигрантов стал одной из ключевых проблем. Гваделупа, Гвиана, Майотта и другие территории столкнулись с фактически неконтролируемым потоком иммигрантов, увеличившимся в период эпидемии COVID-19. Согласно данным префектуры заморского департамента Майотта, только за 2021 г. подразделения пограничной полиции, ответственные за борьбу против нелегальной миграции, вернули на границу 24 000 нелегальных мигрантов (для сравнения – в 2020 г. этот показатель был на 78% меньше) [Pujar, 2022]. При этом речь идет о наиболее бедных французских регионах, социально-экономическое положение в которых обостряет сложную иммиграционную ситуацию.

Обращаясь к жителям этих регионов, М. Ле Пен обещает им твердую позицию в отношении иммиграции, заявляя, что «Майотта больше никого не примет», а также поддержку в виде поставок военно-морской и воздушной техники и строительства военной базы [Apetovi, 2022]. Не забывает лидер НО и об экономической составляющей, высказываясь за экономический патриотизм, налаживание бесперебойных поставок товаров и регулирование цен. Но, пожалуй, в контексте всех высказываний Ле Пен в отношении заморских территорий важнее всего фраза «заморские территории должны стать французским приоритетом» [Apetovi, 2022]. В этой реплике содержится обращение к главной потребности жителей данных территорий, которая заключается не столько в требовании конкретных мер, сколько в желании ощутить, что они не забыты.

Именно в ощущении себя частью «забытой Франции», в разочаровании в политическом истеблишменте, в неумении и невозможности вписаться в логику современного мира кроется главная специфика электората Ле Пен. При этом водораздел, пролегающий между двумя Франциями (Францией Макрона и Ле Пен), может подпитываться разными объективными проблемами: дело-

кализацией промышленности, сложной социально-экономической ситуацией или волной иммиграции. Но то, как эти проблемы будут восприняты и то, к какому электоральному итогу они приведут, во многом зависит от ракурса восприятия. Там, где объективные причины наложены на ощущение «нахождения за бортом жизни», электоральный рост крайне правых особенно заметен, и заморские территории служат тому хрестоматийным примером: если во втором туре президентских выборов 2017 г. М. Ле Пен в Гваделупе получила 24,87%, то в 2022 г. – уже 69,6%; в Гвиане произошел рост с 35 до 60% [Ferrero, 2022]. А в Мартинике, где в 1987 г. манифестации и протесты жителей не позволили приземлиться самолету основателя НФ Ж.-М. Ле Пена, в 2022 г. его дочь получила 60% голосов избирателей.

Впрочем, наличие объективных предпосылок для роста популярности крайне правых не всегда приводит к реальным изменениям электоральных показателей, о чем свидетельствуют примеры крупных французских городов и прежде всего Парижа. Казалось бы, Париж, как и любой другой мегаполис, является точкой притяжения для иммигрантов, а парижане называют среди приоритетных направлений для развития своего города борьбу с бедностью и вопросы безопасности – т.е. те темы, которые явным образом резонируют с риторикой НО. Однако столица Франции никогда не благоволила семейству Ле Пен и не изменяет этой логике и сейчас, даже после респектабилизации партии. В 2017 г. в Париже в первом туре президентских выборов за М. Ле Пен проголосовали 10,3% избирателей, в 2022 г. – 14,9% (ниже среднего уровня по Франции на 10 пунктов) [Présidentielle 2022 : l'Île-de-France vote Macron ... , 2022].

В то же время, изучив итоги голосования в целом по региону Иль-де-Франс, можно увидеть целый ряд маленьких коммун, выступивших в поддержку М. Ле Пен. Например, в коммуне Поршвиль департамента Ивелин в первом туре выборов М. Ле Пен получила 30,5% голосов, а в Боньер-Сюр-Сена – 28% [Présidentielle 2022 : l'Île-de-France vote Macron ... , 2022]. Эти небольшие коммуны словно кусочки пазла формируют географически новое пространство укоренения крайне правых на юге департамента Ивелин, рядом с департаментами Луаре и Эр и Луар. В этих коммунах нет иммигрантов, преступности или иных факторов, которые могли бы стать благодатной почвой для риторики М. Ле Пен, но есть ощущение необратимых и пугающих изменений, о котором говорят сами жители. По словам бывшего городского советника Катрин, коммуна «не приемлет демографических изменений, не готова смириться со старением деревни или приходом новых жителей», здесь «люди привязаны к земле ... их деревня меняется, а изменения – это страшно. Добавьте к этому то, что они видят по телевизору...» [Gherdane, 2022]. И этот страх становится импульсом к поиску возможной защиты, которая видится в образе М. Ле Пен.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что ощущение невозможности вписаться в быстро меняющийся мир вкупе с представлением о грядущих негативных изменениях способствуют электоральному росту НО, которое успешно позиционирует себя как выразителя чаяний избирателей той самой «забытой Франции». Вместе с тем помимо чувства незащитности перед глобализацией и экономической турбулентностью есть и объективные причины, формирующие электоральный портрет партии Ле Пен, и здесь иммиграция играет не последнюю роль. Негативное отношение к ней остается одной из особенностей избирателей НО и продолжает влиять на мотивацию голосования. Кроме того, хотя зависимость между ростом количества иммигрантов и голосованием за крайне правых не является линейной, существует ряд французских регионов, где именно наплыв иммигрантов послужил катализатором для роста поддержки М. Ле Пен.

Список литературы

1. Apetovi I. Présidentielle 2022 : Marine Le Pen veut faire des Outre-mer «une forme de priorité» // Outre-Mer 1 ère. Francetvinfo. – 2022. – 24.03. – URL: <https://la1ere.francetvinfo.fr/outre-mer-2022-marine-le-pen-veut-faire-des-outremers-une-forme-de-priorite-1264179.html> (дата обращения 31.01.2023).
2. Balise d'opinion – Les Français et le référendum sur l'immigration // Consumer science & analytics. – 2021. – 16.06. – URL: <https://csa.eu/news/balise-dopinion-les-francais-et-le-referendum-sur-limmigration/> (дата обращения 31.01.2023).
3. Baromètre d'intentions de vote pour l'élections présidentielle. Vague 46. Focus sur la région Provence-Alpes-Côte d'Azur // Harris Interactive – Toluna pour Challenges. – 2022. – 04.05. – URL: <https://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2022/05/YJFC3XAC-R13.pdf> (дата обращения 02.03.2023).
4. Baromètre d'intentions de vote pour les élections législatives de 2022. Vague 48. Focus sur la région Hauts-de-France // Harris Interactive – Toluna pour Challenges. – 2022. – 18.05. – URL: <https://harris-interactive.fr/wp-content/uploads/sites/6/2022/05/CTEK3ER-25.pdf> (дата обращения 02.03.2023).
5. Debruyne O. Présidentielle 2022 : l'Île-de-France vote Macron, Le Pen fait mieux qu'en 2017 // Le Parisien. – 2022. – 25.04. – URL: <https://www.leparisien.fr/paris-75/presidentielle-2022-lile-de-france-vote-macron-le-pen-fait-mieux-quen-2017-25-04-2022-KNAYL556FJBFTLXUBMCYANVIB4.php> (дата обращения 31.01.2023).
6. Ferrero L. Vote Le Pen en Outre-mer : «Cinq ans de politique ratée» // Paris Match. – 2022. – 26.04. – URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Politique/Vote-Le-Pen-en-outre-mer-5-ans-de-politique-ratee-1801951> (дата обращения: 31.01.2023).
7. Fourquet J., Manternach S., Colange C. Marseille : loin du centre, les quartiers votent Ghali et leurs voisins votent RN // IFOP. Département Opinion et Stratégies d'Entreprises. – 2020. – № 209. – URL: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2020/10/Focus-209-Note-Marseille.pdf> (дата обращения 31.01.2023).
8. Gauchet M., Hureau R. Les paradoxes d'une élection // Le Débat. – 2012. – № 171. – P. 4–16.
9. Gaudiaut T. 2002–2022, l'inexorable montée de l'extrême-droite aux présidentielles. – 2022. – 25.04. – URL: <https://fr.statista.com/infographie/27302/resultats-score-jean-marie-marine-le-pen-front-rassemblement-national-elections-presidentielles/> (дата обращения: 08.03.2022).
10. Gherdane M. Présidentielle : dans les Yvelines, Marine Le Pen gagne du terrain dans les zones rurales // Le Parisien. – 2022. – 24.04. – URL: <https://www.leparisien.fr/yvelines-78/presidentielle-dans-les-yvelines-marine-le-pen-gagne-du-terrain-dans-les-zones-rurales-25-04-2022-AUM5LIWQ75CJDWGLVR67DMGU.php> (дата обращения 31.01.2023).
11. Halla M., Wagner A.F., Zweimuller J. Immigration and Voting for the Far Right // Journal of the European Economic Association. – 2017. – № 15(6). – P. 1–45.
12. Le regard des français sur les enjeux de la campagne électorale // IPSOS. – 2022. – 19.01. – URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-01/Enquete%20Ipsos-France%20Inter%20-%20Thematiques%20de%20campagne%20-%20Janvier%202022.pdf> (дата обращения 31.01.2023).
13. Les Français et l'immigration – Décrypter les mécanismes de l'opinion // BVA Group. Sondages. – 2018. – 07.02. – URL: <https://www.bva-group.com/sondages/francais-limmigration-decrypter-mecanismes-de-lopinion/> (дата обращения 31.01.2023).
14. Pujar K. Mayotte : au coeur de la lutte contre l'immigration clandestine // France 24. – 2022. – 18.02. – URL: <https://www.france24.com/fr/émissions/outre-mer/20220218-mayotte-au-coeur-de-la-lutte-contre-l-immigration-clandestine> (дата обращения 31.01.2023).

15. Présidentielle 2022 – Sondage jour du vote : Profil des électeurs et clés du scrutin (1er tour) // IFOP. – 2022. – 04. – URL: <https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2022/04/118997-Rapport-JDV-PRE22-T1-ENS-22h00-FINAL.pdf> (дата обращения 31.01.2023).
16. Projet pour la France de Marine Le Pen // MLA France. – 2022. – URL: <https://mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (дата обращения 31.01.2023).
17. Taux de chômage localisés au 3e trimestre 2022 : comparaisons départementales // INSEE. – 2023. – 13.01. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2012804> (дата обращения 31.01.2023).
18. Teinturier B., Doridot J.-F., Latrille P. Les Français et l'immigration dans le cadre de la campagne électorale // IPSOS. – 2022. – 03. – URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-03/Enquête%20Ipsos%20SopraSteria%20pour%20France%20Télévisions%20-%20Les%20Français%20et%20l%27immigration.pdf> (дата обращения 07.03.2023).
19. Teinturier B., Gallard M., Quetier-Parent S. Fractures françaises 2022. Vague 10 // IPSOS, Sopra Steria. – 2022. – URL: https://www.jean-jaures.org/wp-content/uploads/2022/10/Fractures_francaises_vague10.pdf (дата обращения 02.03.2023).
20. Tertrais B. L'immigration transforme la France, mais son impact économique est limité // Institut Montaigne. – 2021. – 09.11. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/analyses/limmigration-transforme-la-france-mais-son-impact-economique-est-limite> (дата обращения 31.01.2023).
21. Vergnenegre A. Résultats Présidentielle 2022 en Paca : comment le score des partis a-t-il évolué en Provence Alpes depuis 2017? // Francetvinfo. France3-regions. – 2022. – 11.04. – URL: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/provence-alpes-cote-d-azur/bouches-du-rhone/marseille/resultats-presidentielle-2022-en-paca-comment-le-score-des-partis-a-t-il-evolue-en-provence-alpes-depuis-2017-2523100.html> (дата обращения 31.01.2023).

THE IMPACT OF IMMIGRATION ON THE ELECTORAL SUPPORT OF THE FRENCH FAR-RIGHT: ON THE EXAMPLE OF THE PARTY NATIONAL RALLY

Aleksandra Zhidkova

PhD (Histor. Sci), Senior research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: aleksandra@copi.one

Abstract. *The paper examines how immigration affects the electoral support of the French far-right party National Rally. The study examines to which extent anti-immigration sentiments are in French society and, in particular, among the electorate of the National Rally, and how negative attitudes towards immigration affects the voting for the far-right in presidential elections. It is emphasized that the rejection of immigration is often closely intertwined with dissatisfaction with the socio-economic situation. However, none of the reasons has a direct linear relationship with the choice of voters. Along with objective factors, the electoral rise of the National Rally is promoted by a sense of vulnerability to globalization and economic turbulence, characteristic of a part of the French population.*

Keywords: France; immigration; far right; National Rally; M. Le Pen.

For citation: Zhidkova A.V. The impact of immigration on the electoral support of the French far-right: on the example of the party National Rally // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 111–121.

АФГАНСКИЕ МИГРАНТЫ В ИРАНЕ: УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ БУДУЩАЯ ПРОКСИ-СИЛА?

Норик Борис Вячеславович

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия,
e-mail: boris.norik@mail.ru

Аннотация. *Исламская Республика Иран наряду с Исламской Республикой Пакистан традиционно выступает в роли крупнейшего реципиента афганских мигрантов, приток которых в последние пятьдесят лет характеризуется синкопическим ритмом: относительно стабильный и ровный поток трудовых мигрантов и студентов в период политических потрясений демонстрирует резкий скачок, превращаясь в волну беженцев. В последние годы в Иране наблюдается самый мощный наплыв беженцев из Афганистана, который иранские власти стремятся использовать для усиления своего влияния в соседней стране. В данном контексте представляется актуальным рассмотреть современное положение афганских мигрантов и беженцев в Иране с целью выявления соотношения угроз и возможностей, обусловленных масштабным присутствием на территории этой страны афганского элемента.*

Ключевые слова: *Исламская Республика Иран; Исламская Республика Пакистан; Афганистан; афганские беженцы; секьюритизация миграции.*

Для цитирования: Норик Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 122–138.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.09

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 06.03.2023

Введение

Афганские трудовые мигранты стали появляться в Иране в последнее десятилетие правления династии Пехлеви (1925–1979), когда страна находилась в стадии активной индустриализации и нуждалась в дешевой рабочей силе: в итоге к 1979 г. здесь находилось около 600 тыс. афганцев. Однако массовый характер миграционный процесс впервые принял после ввода в Афганистан советских войск. Тогда Р. Хомейни, руководствуясь лозунгом единой уммы¹, допустил в молодую исламскую республику миллионы афганских беженцев, несмотря на все тяготы войны с Ираком (1980–1988). После вывода советских войск Иран инициировал программу по репатриации беженцев, но борьба между еще недавно объединенными единой целью группировками моджахедов сохранила в Афганистане состояние политической нестабильности. В итоге в 1996 г. к власти в стране пришел «Талибан»², спровоцировав вторую волну беженцев. После свержения «Талибана» западной коалицией во главе с США в 2001 г. и последовавшей за этим очередной волны беженцев Иран в 2003 г. снова попытался вернуть гостей на родину. Афганцев с просроченными документами или вовсе без таковых стали активно вылавливать на улице (чему способствовала хорошо узнаваемая хазарейская внешность³), поэтому в народе эта акция получила название «охота на афганцев» («афгани бегир»). При этом большая часть выдворенных предпочитала заплатить проводникам и вернуться, несмотря на то что афганские власти, со своей стороны, предлагали репатриантам 200 долларов на границе и шесть соток земли⁴. В результате этой кампании из Ирана, в котором положение беженцев было гораздо лучше, чем во второй по значимости стране – реципиенте афганских беженцев Пакистане, вернулось только около 300 тыс. человек, тогда как из последнего – 1,6 млн⁵. Тем не менее власти Исламской Республики Иран (ИРИ) не спешили с выра-

¹ Название религиозной общины в исламе. – *Прим. ред.*

² Запрещенная в РФ организация, находящаяся под санкциями ООН за террористическую деятельность.

³ В этническом плане подавляющее большинство афганских беженцев в Исламскую Республику Иран составляют хазарейцы (в религиозном отношении – шииты). В то же время иранский исследователь А.-Р. Джан-заде, опираясь на не вполне понятную анонимную статистику, отводит последним лишь второе место в тройке лидеров (около 19%), отдавая первое и третье места таджикам (примерно 20%) и пуштунам (около 7%). Какие этносы формируют остальные более чем 50% (sic!) данный автор не уточняет [Джан-заде, 2021, с. 1079].

⁴ А.-Р. Джан-заде выделяет три основных фактора, вынуждающих афганцев покидать свою страну: 1. Внутренний: социальное давление, низкий уровень доходов, голод, безработица, малая продолжительность жизни (43 года против 73 в ИРИ), гражданская война, невысокий уровень безопасности, отсутствие социально-экономической инфраструктуры, развал административного аппарата, снижение уровня производства в сфере сельского хозяйства. 2. Региональный: заметно более низкий уровень национального дохода по сравнению со странами региона, особенно нефтедобывающими – афганец зарабатывает в Иране в 5 раз больше, чем в Афганистане. 3. Международный: последствия борьбы двух сверхдержав эпохи Холодной войны за интересы в Афганистане [Джан-заде, 2021, с. 1070–1071].

⁵ Граничащие с Афганистаном страны Центральной Азии (ЦА) и КНР, по сути, отгородились от проблемы афганских беженцев (Туркменистан и КНР не принимают мигрантов вовсе). Из стран ЦА больше всего афганцев находится в Таджикистане, протяженность границы которого с Афганистаном составляет 1344 км. По утверждению МВД

боткой принципиальной долгосрочной политики по данному вопросу, поэтому очередные обострения порождали все новые инструкции, только запутывающие ситуацию [Джан-заде, 2021, с. 1072–1073 ; Имам Хомейни ... , 2016 ; Насири, 2022 ; Проблемы ... , 2022, с. 7–8, 15–16, 18].

В таком положении ИРИ застала четвертая – и, судя по всему, самая масштабная – волна притока афганских беженцев, спровоцированная возвращением к власти в Афганистане движения «Талибан» 15 августа 2021 г. Невиданное прежде на территории Ирана число афганских беженцев, главным образом нелегальных, угрожает резкой дестабилизацией внутривнутриполитической ситуации в стране, а также ухудшением экономического положения ИРИ – и без того непростого из-за давления тяжелых международных санкций. Между тем расширение двустороннего сотрудничества РФ и ИРИ заставляет уделять более пристальное внимание происходящим в Иране событиям. Поэтому более подробное рассмотрение нынешней ситуации с афганскими беженцами, а также выявление порожденных ею угроз и возможностей ИРИ представляется весьма актуальным.

Численность и положение афганских беженцев в Иране

Согласно последним данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), полученным от официального Тегерана, в ИРИ легально проживает 800 тыс. беженцев, 780 тыс. из которых – афганцы¹. Что касается нелегальных мигрантов и беженцев, составляющих более 90% от общего числа афганцев в ИРИ, то их количество предсказуемо дает серьезный разброс. УВКБ оценивает число нелегальных афганских мигрантов в 2,7 млн человек, из которых 2,1 млн не располагают какими-либо документами, а 600 тыс. человек имеют афганский загранпаспорт. Из этого числа от полумиллиона до миллиона человек покинули Афганистан после событий 2021 г. По данным заместителя министра внутренних дел по безопасности и охране правопорядка ИРИ Сеййеда Маджида Мир-Ахмади, на конец ноября 2022 г. общее число легальных и нелегальных афганских беженцев колебалось в диапазоне 4,3–4,5 млн человек. В то же время дипломатическое ведомство летом 2022 г. говорило о 5 млн². Газета «Джомхури-йе эслами» писала о 8 млн беженцев и ежедневном легальном и нелегальном «приросте» около 10 тыс. человек (по данным иранского дорожного ведомства, после прихода к власти «Талибана» число официальных

Таджикистана, в 2021 г. в стране было зарегистрировано 15 тыс. человек. При этом Таджикистан проводит активную политику депортации нелегальных беженцев. Весьма избирательно принимает афганцев Европа. Например, в середине 2022 г. по результатам посещения городка для беженцев в Торбат-е Джама послан Финляндии в Иране был начат процесс переселения в Финляндию 1100 афганцев. При этом положение афганцев, обладающих официальным статусом беженцев, в Европе достаточно тяжелое: им нередко приходится спать на улице, их дети не имеют возможности ходить в школу, не имеют доступа к медицинским услугам [Ночевать на улице ... , 2022 ; Плачевное ... , 2022 ; Посол Финляндии ... , 2022 ; Проблемы ... , 2022, с. 22 ; Таджикистан ... , 2022].

¹ В 2018 г. число афганских беженцев, получивших официальный статус, равнялось одному миллиону, что позволило ИРИ занять шестое место в мировом рейтинге стран, принимающих беженцев. Последующее снижение показателей могло быть обусловлено их оттоком, вызванным резким падением курса риала в упомянутом году [Проблемы ... , 2022, с. 20 ; Шараф, Фазели, 2021, с. 221].

² По словам секретаря Высшего совета национальной безопасности ИРИ Али Шамхани, количество афганских мигрантов в ИРИ превышает суммарное население 110 стран мира [Иран ... , 2022].

пересечений границы выросло с 700–800 до примерно 5 тыс.)¹. Для уточнения числа иностранных граждан на территории ИРИ, в первую очередь афганцев, власти проводят специальные переписи для иностранцев². Например, такая перепись была проведена в 2022 г.: всем, зарегистрировавшимся в ней до 21 июня, была обещана выдача разрешения на пребывание в стране, а остальные в случае выявления подлежали выдворению. В проекте приняло участие 2,27 млн человек, 1,8 млн из которых предоставили полные данные о себе [Беженцы в Иране ... , 2022 ; Иран ... , 2022 ; Насири, 2022 ; Проблемы ... , 2022, с. 14–15 ; Решение ... , 2022 ; Что это за история ... , 2022].

Афганцы чаще всего попадают в ИРИ с территории Пакистана (реже – напрямую из Афганистана в районе Заранджа). В этой сфере работают целые банды по нелегальной переправке людей, использующие лазейки в достаточно протяженной пограничной линии между Афганистаном и Пакистаном³. Наиболее продуктивна в данном отношении западная часть афгано-пакистанской границы с ее пустынным ландшафтом⁴: по неофициальным данным, один проводник ежемесячно переводит из Афганистана в пустыню Дук около 35 тыс. незаконных мигрантов. Столь активное движение, с одной стороны, породило здесь мобильный рынок с товарами первой необходимости, а с другой – повысило риск нападения на беженцев местных жителей, промысляющих грабежом [Краткий обзор ... , 2022 ; Notezai, 2021 ; Whiteside, Devine, 2023].

Девяносто шесть процентов афганских мигрантов и беженцев живет среди иранского населения (преимущественно в городах, где их социализации помогают афганцы, оказавшиеся здесь ранее), а 4% – в 20 городках для размещения беженцев («мехманшахр»), находящихся в ведении Главного управления по делам иностранных граждан и мигрантов МВД (некоторые на период рассмотрения их вопроса живут в центрах временного размещения) [Беженцы в Иране ... , 2022]. К запрещенным для расселения беженцев областям относятся приграничные, а также ряд центральных останов (провинций). Согласно переписи 2016 г., наибольшее число афганцев проживало в останах Тегеран, Хорасан-Резави, Исфахан, Керман, Фарс, Кум, Альборз и Йазд. Причем отдельные области этих останов входят в список территорий, запрещенных для пребывания иностранных граждан. Полностью официально закрыты останы Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, Ардабиль, Зенджан, Казвин, Курдистан, Кохгилуйе и Бойерахмад, Чахармахаль

¹ В апреле 2022 г. официальные лица МВД опровергли информацию о массовом наплыве афганских беженцев на иранскую границу: по их словам, запущенный в виртуальное пространство пропагандистский ролик относится к ирано-пакистанской границе в районе Джалка и Каллегана, и никто из его участников на территорию ИРИ не проник [Что это за история ... , 2022].

² Всеобщая перепись населения 2016 г. показала присутствие на территории ИРИ 1,58 млн афганцев [Проблемы ... , 2022, с. 20].

³ Афганистан и Пакистан имеют около 2670 км общей границы с 18 КПП, наиболее популярные из которых – Спин-Булдак (Чаман) и Турхам. Следует заметить, что Пакистан подходит к патрулированию, а также инженерному и техническому оснащению границы с Афганистаном гораздо ответственнее, чем границы с ИРИ. В частности, здесь гораздо быстрее возводятся заграждения из колючей проволоки и активнее устанавливаются камеры слежения [Whiteside, Devine, 2023].

⁴ Большая часть афгано-пакистанской границы проходит по горной местности.

и Бахтияри, Луристан и ряд других, однако столичные города этих останов принимают беженцев [Проблемы ... , 2022, с. 18, 24].

Часть афганцев живет в ИРИ по загранпаспорту, продление срока действия которого на два года в консульских учреждениях Афганистана на территории Ирана стоит 40 долл. Для семьи из четырех человек это может превышать месячный доход, поэтому большинство желающих оформить свое пребывание в стране официально предпочитает обзавестись регистрационной картой временного пребывания [Обременительные ... , 2022].

Иран, руководствующийся «принципом крови», предоставляет гражданство афганцам в исключительных случаях, хотя многие из них соответствуют требованиям к претендентам, изложенным в ст. 979 ГК ИРИ (главные из которых – достижение 18-летнего возраста и проживание на территории ИРИ в течение пяти лет). Что касается «автоматического» присвоения гражданства, то в ст. 976 ГК ИРИ четко прописано наследование гражданства по отцовской линии. Поэтому ребенок, родившийся от отца-иностранца, должен был ждать наступления 18-летнего возраста, после чего еще как минимум год прожить в стране (в противном случае ему предстояла процедура по ст. 979). Последнее обстоятельство порождало серьезный правовой вакуум: получение паспорта на такого ребенка оказывалось настолько сложным, что иногда матери были готовы отказаться от указания наличия отца-иностранца и объявить, что ребенок родился от незаконной связи.

Ситуация усугублялась принятием кабинетом министров в 2003 г. постановления о «Порядке выявления подозрительных граждан и претендентов на гражданство Ирана». В 2006 г. был принят «Закон об определении гражданства детей, родившихся у матери-иранки и отца-иностранца», однако он только запутал дело. В результате потребовались поправки, принятые в 2011 г. и 2019 г. Согласно поправке 2019 г., мать может ходатайствовать о присвоении гражданства до достижения ребенком 18-летнего возраста, а в случае отсутствия заявления со стороны матери ребенок сам вправе обратиться с соответствующей просьбой. В обоих случаях осуществляется проверка в Министерстве информации и разведуправлении Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Не случайно, согласно данным Управления по делам иностранных граждан и мигрантов МВД ИРИ на осень 2021 г., из 90 тыс. заявок было удовлетворено только 5 тыс. [Проблемы ... , 2022, с. 23].

Разрешение на временное пребывание выдается сроком до года, но в связи с наплывом мигрантов, как правило, – на три месяца. Разрешение можно неоднократно продлевать. Тот, кто продержался в подобном режиме пять лет подряд, может претендовать на более долгосрочную регистрацию – от трех лет до постоянной (последнее редко). В 2019 г. правительство разрешило лицам, инвестировавшим в экономику страны от 250 тыс. евро (или эквивалентную сумму в национальной валюте), получать разрешение на пребывание сроком на пять лет. При этом в любом случае разрешение распространяется на конкретные территории, а для перемещения между городами необходимо получать специальное разрешение (это правило не касается прибывших в Иран

по загранпаспорту на короткое время). Кроме того, иностранным гражданам для совершения банковских операций, приобретения социальной страховки, обращения в административные органы, получения рабочей визы, ведения предпринимательской деятельности и пр. необходимо получить универсальный код («код-е фарагир»), функционально соответствующий национальному коду гражданина ИРИ (обладатели регистрационной карты временного пребывания в этом не нуждаются, поскольку код указан в карте) [Гражданский кодекс ... , 2005, с. 143–145 ; Гражданство ; Проблемы ... , 2022, с. 23–24].

Политика Ирана в отношении афганских мигрантов

Государственную политику ИРИ в отношении беженцев, в первую очередь афганских, стоит отнести к разряду дружественной. Выдвинутые пехлевийским Ираном в процессе присоединения к Международной конвенции по правам беженцев три условия – проживание на четко установленных территориях, отсутствие обязанности по трудоустройству и обязательств по предоставлению образовательных и медицинских услуг – после исламской революции постепенно сошли на нет. В настоящее время Иран предоставляет бесплатную медицинскую помощь даже нелегальным беженцам¹. Однако особый акцент власти ИРИ делают на образовательной сфере.

В среднем афганские беженцы на шесть лет моложе населения ИРИ, и их образовательный уровень в целом ниже. Хотя среди второго и третьего поколения афганцев, уже родившихся в ИРИ, в настоящее время можно констатировать его заметное повышение по сравнению с первой волной мигрантов – с 6 до 70% по уровню грамотности. Примерно половину афганских беженцев составляют дети до 14 лет, значительную долю составляет группа от 15 до 24 лет². Таким образом, более 50% афганских беженцев нуждается в начальном и среднем образовании, право на получение которого на возмездной основе с 2005 г. получили дети легальных мигрантов³.

В 2015 г. А. Хаменеи подписал указ, открывающий доступ к начальному и среднему образованию как легальным, так и нелегальным мигрантам. В 2016 г. на основании этого указа было выпущено постановление правительства, подтверждающее право афганских детей поступать в любые учреждения начального и среднего образования (в частности, допускалась возможность их обучения в негосударственных образовательных учреждениях), однако в нем четко не прописывался бесплатный характер образовательных услуг. Указ Верховного лидера ИРИ создал огромную нагрузку на образовательную систему страны, с которой она не справилась до сих пор

¹ Например, в конце 2021 г. представитель ВОЗ в ИРИ отчитался о введении вакцины против коронавируса 4 млн афганских беженцев [Проблемы ... , 2022, с. 20].

² Шестьдесят семь процентов афганских беженцев – младше 30 лет, и это более высокий показатель, чем среди коренных иранцев [Проблемы ... , 2022, с. 18].

³ Хотя иногда директора школ отказывают даже им, поскольку присутствие афганцев может вызывать недовольство родителей иранских детей [Проблемы ... , 2022, с. 26].

(например, продолжается строительство новых школ для афганских детей). Неслучайно в 2021/2022 учебном году к учебе были допущены дети нелегальных мигрантов и беженцев только трех категорий: те, кто ходил в школу ранее; те, кто происходил из семей, участвовавших в переписи; и те, кто родился от матери-иранки и отца-иностранца, но еще не получил гражданства.

По данным исследовательского центра Меджлиса на май 2022 г., начиная с 2006 г. число учащихся неиранцев в общеобразовательных школах неуклонно растет. Так, в 2019/2020 учебном году в 28 тыс. школ по всей стране было зарегистрировано более 503 тыс. учащихся неиранцев. Это налагало на Министерство образования серьезные дополнительные расходы, поскольку каждый ученик обходится казне примерно в 600 долл. в год (а, например, международные институты выделили на эту сферу в 2015 г. только один миллион долл.). Директор тегеранской специализированной школы для детей нелегальных беженцев констатировал увеличение на фоне волны 2021–2022 гг. количества учащихся с 250 до 870 и более (школа сходного профиля в г. Машхад уже перешла на трехсменный график).

В сфере высшего образования в ИРИ выделяется две категории афганских студентов: 1) прибывшие из Афганистана и получившие студенческую визу и 2) живущие в Иране определенное время. Последней категории необходимо аннулировать миграционную карту и получить студенческую визу. Однако после завершения курса обучения возможности снова получить миграционную карту до недавнего времени не было, и выпускнику приходилось возвращаться в Афганистан. Особенно болезненно это воспринималось незамужними девушками, особенно теми, кто родился в Иране¹. Поэтому им разрешили восстанавливать миграционную карту², а 3 января 2023 г. ректор Тегеранского университета объявил о снижении платы за обучение на 10% для афганских студентов, уже проходящих обучение, и на 20% для тех, кто окажется вынужден приехать в ИРИ для продолжения обучения из-за запрета «Талибана» на женское образование (он же сообщил об увеличении бюджета на иностранных студентов с 4 до 20 млрд туманов) [Тегеранский университет ... , 2023].

Надо сказать, что ИРИ рассматривает вовлечение афганских мигрантов и беженцев в свою образовательную систему как один из важнейших рычагов культурной дипломатии, задача которой состоит в представлении и популяризации ценностей ирано-исламской цивилизации и культуры, а также дискурса исламской революции с использованием инструментария, соответствующего

¹ Уровень отношения к женщине в Афганистане в целом намного ниже, чем в Иране, поэтому репатриантки иногда прибегают к саможжению: так, из 52 женщин, совершивших саможжение в 2003 г., 45 вернулись из ИРИ [Проблемы ... , 2022, с. 29].

² Молодые люди имеют право оставаться в Иране в течение года после окончания учебы [Проблемы ... , 2022, с. 27].

особенностям отдельно взятой страны¹. Претворению в жизнь подобной политики способствуют и иранские университеты в Афганистане, а также иранские преподаватели, учебные программы и материалы в афганских университетах.

Тем не менее пока в этой сфере наблюдается больше экономики, нежели политики. Так, на середину 2022 г. общее число иностранных студентов в иранских университетах оценивалось примерно в 94 тыс. человек², 99% из которых обучалось по платным программам. При этом представители более богатых афганских семей предпочитают Европу и США, а люди со средним достатком стараются отправиться на учебу в Индию, Турцию, Таджикистан и Узбекистан, поскольку в Иране сложно получить студенческую визу, а в Пакистане хуже относятся к афганцам, да и по возвращении их до недавнего времени воспринимали как террористов.

Цели и последствия политики Ирана в отношении мигрантов из Афганистана

Несмотря на ряд проблем, власти ИРИ все же демонстрируют уверенность, что афганцы, получившие образование в Иране, уже способны составить прослойку, которая может сыграть заметную роль в восстановлении своей страны, в результате продолжительной и масштабной эмиграции лишившейся огромного числа квалифицированных кадров (а также, вероятно, попутно сформировать положительно настроенный по отношению к ИРИ политический авангард). Неслучайно в середине 2021 г. иранцы констатировали начало правительством А. Гани антииранской кампании в афганском медийном пространстве, а также прямого противодействия «мягкой» дипломатии ИРИ (сопротивление открытию кафедры персидского языка и литературы в Кабульском университете и приобретению иранским культурным представительством собственности в г. Герат, отказ от проведения книжной выставки в Кабульском университете под предлогом невозможности обеспечения безопасности и т.п.) [Бехнийя, Махмудийан, 2022, с. 330–331 ; Джан-заде, 2021, с. 1077, 1088 ; Директор ... , 2022 ; Насири, 2022 ; Проблемы ... , 2022, с. 25–27 ; Тегеранский университет ... , 2023 ; Шараф, Фазели, 2021, с. 222, 226 ; Ширзад, 2021].

Беспокойство афганского правительства вызывает и привлечение иранскими властями афганских беженцев (главным образом, шиитов-хазарейцев) к комплектованию созданного в 2013 г. и ныне находящегося под эгидой спецподразделения «Кодс» КСИР полувоенного подразделения «Фатемийун», членов которого после шестимесячной подготовки отправляют в Сирию. По некоторым данным, за девять лет было подготовлено около 50 тыс. бойцов, однако в настоящее время

¹ Некоторые афганские авторы видят в этом посыл афганскому народу со стороны ИРИ как претендента на роль наиболее эффективного стража исламского мира в целом и Афганистана в частности (см., например: [Навваби, 2021]).

² Кроме того, несколько тысяч человек обучается в религиозно-образовательных учреждениях ИРИ. Формально в Иране учатся студенты из 119 стран, однако серьезно представлены только Афганистан и Ирак. По словам директора Организации по делам студентов, число иностранных студентов в ИРИ показало как минимум двукратный рост именно за последние два-три года [Директор ... , 2022].

реально воюют 7–8 тыс. Официальные лица ИРИ, ссылаясь на рассказы участников военных действий в Сирии, признают, что бойцы «Фатемийун» направляются на самые трудные участки фронта (см., например [Армия ... , 2023]). Афганские власти «доталибского» периода неоднократно просили не использовать афганцев на этой войне, в которой упомянутое подразделение, по одним данным, потеряло как минимум 2 тыс. человек убитыми, а по другим – более 5 тыс. убитыми и пропавшими без вести и 4 тыс. ранеными.

Афганские спецслужбы неоднократно выражали беспокойство, что бойцы «Фатемийун», тайно возвращающиеся в Афганистан, составляют армию в несколько десятков тысяч, с ее помощью Тегеран намерен оказывать влияние на ситуацию в стране. Автор статьи, помещенной на про-западном афганском ресурсе «Толу-ньюз» в начале 2021 г., пишет об отсутствии прямых данных об использовании «Фатемийун» в Афганистане. Тем не менее он считает, что любое усиление этого подразделения, являющегося, по сути, частью иранской армии, будет способствовать укреплению иранского присутствия в Афганистане, а также сообщает, что по различным оценкам в Афганистан вернулось более 30 тыс. бойцов «Фатемийун», которые при необходимости способны объединиться и составить контрсилу действующему правительству. По мнению упомянутого автора, в ближайшей перспективе ИРИ не станет использовать «Фатемийун» и ограничится «мягкой силой», но в долгосрочной перспективе подобная вероятность крайне велика [Навваби, 2021]. Неслучайно в своем выступлении на церемонии чествования погибших бойцов «Фатемийун» 7 января 2023 г. заместитель мэра Тегерана по социальным и культурным вопросам А. Тавакколи-заде поставил сражение афганцев и иранцев под одним флагом ради совместной цели выше цивилизационной, культурной и языковой общности. По его словам, слово «Фатемийун» стало ближайшей ассоциацией топонима «Афганистан» [Армия ... , 2023].

Если оставить в стороне слухи о том, что многие участники «Фатемийун» оказались перед выбором между депортацией и службой по контракту, то представляется вполне логичным, что достаточно непростые условия жизни в иранском социуме могут побуждать афганцев вступать в ряды «Фатемийун» ради получения гражданства и повышения статуса в обществе. И действительно, в иранских СМИ, особенно в последнее время, наблюдается тенденция прославления погибших бойцов этого подразделения, по сути, как национальных героев ИРИ. Кроме того, вернувшиеся воины получают различные льготы, в том числе на обучение. Со своей стороны, КСИР работает над повышением популярности службы по контракту. Так, в октябре 2020 г. был анонсирован запуск первого этапа программы по предоставлению земли под застройку семьям погибших в Сирии бойцов подразделения «Фатемийун». На данном этапе проект должен был охватить лиц, проживающих в остане Тегеран, причем землю (200 м² на четыре семьи) предполагалось выделять в одной из наиболее благоприятных в экологическом отношении областей упомянутого остана – Малараде [Афганское правительство ... , 2019 ; Новый проект ... , 2020].

В самом иранском обществе отношение к афганским беженцам, скорее, тяготеет к негативному и проявляется в первую очередь на высшем и среднем социальных уровнях¹. В парламенте представители избирательных округов с наибольшим процентом афганских беженцев называют последних причиной социальных и экономических проблем не только в своих регионах, но и страны в целом. Афганцам приписывают все самые страшные преступления: например, афганцем был назван известный серийный убийца 1990-х годов Голям-Реза Хошру по кличке «Ночная летучая мышь». Их считают главными распространителями наркотиков и похитителями рабочих мест у иранцев, обвиняют в жестоком отношении к женщинам, а в историческом плане – в падении династии Сафавидов (1502–1736), символизирующей имперское величие Ирана. «Масла в огонь» подливает и проблема водных ресурсов, а именно – водный кризис в провинциях Систан и Белуджистан, спровоцированный практически полным высыханием озера Хамун из-за отсутствия доступа ИРИ к водам рек Гильменд и Герируд. Это стало еще одним поводом для сомнения в целесообразности принятия беженцев, некоторые из которых, потребляя воду, при этом поддерживают перекрытие Афганистаном доступа Ирана к водным ресурсам. Нападение афганского юноши-суннита с ножом на трех представителей духовенства в погребальном комплексе имама Резы в г. Машхаде весной 2022 г. в очередной раз всколыхнуло антиафганские настроения. Социальную напряженность вызывает и наличие в различных районах Ирана большого количества неженатых мужчин: в ряде случаев число мужчин среди афганских беженцев может достигать 84% (остан Зенджан). Согласно переписи населения 2016 г., среди зарегистрировавшихся афганцев 53% – мужчины. Однако в реальности эта цифра гораздо выше, поскольку ежегодно в ИРИ на заработки нелегально приезжает несколько сотен тысяч афганских рабочих² [Проблемы ... , 2022, с. 18].

В Афганистане, в свою очередь, наблюдается всплеск антииранских настроений, в связи с чем представители «Талибана» неофициально рекомендовали иранцам отложить намеченные поездки в Афганистан, поскольку это может угрожать их безопасности. Определенная доля подозрительности и сарказма присутствует в афганском обществе и по отношению к репатриантам. Так, обладателей «персидского» акцента называют «иранчиками» («ирангяк») (здесь необходимо отметить схожее отношение к афганскому акценту в определенных слоях иранского общества) [Насири, 2022 ; Проблемы ... , 2022, с. 29–31].

Неприятно афганцев способствует и отсутствие четкой государственной политики их адаптации в иранском обществе. Ни сами мигранты или беженцы, ни власти ИРИ не проявляют к этому процессу серьезного интереса, во многом опираясь на стереотипы о языковой, религиозной и

¹ Среди немногих факторов, вносящих положительную нотку в общую отрицательную «партитуру», можно назвать деятельность возглавляемого Ахмадом Масудом Фронта национального сопротивления Афганистана (Панджшерское сопротивление талибам).

² Прежние переписи показывали более точное соотношение: на 157 мужчин – 100 женщин [Проблемы ... , 2022, с. 18].

культурной общности. В итоге специалисты адаптационных центров выполняют функции помощников в решении насущных проблем (поиск жилья и работы, а также приобретение товаров первой необходимости).

При этом опыт предыдущих лет показал, что адаптация необходима даже при взаимодействии между двумя соседними мусульманскими странами. Адаптационные курсы, в известной мере способствуя выявлению экстремистских элементов (при условии их проведения в лагерях для беженцев в самое первое после пересечения границы время), могли бы помочь решить целый ряд проблем: например, проблему регулирования рождаемости, уровень которой у афганских семей гораздо выше, чем у коренных иранских. Кроме того, курсы знакомили бы представителей сельских районов, составляющих значительную часть афганских беженцев и мигрантов, с моделями поведения в городской среде, тем самым снизив степень негативного отношения иранского населения. И, наконец, адаптационные курсы должны способствовать развенчанию устойчивого в афганской среде мифа о колоссальной международной помощи ИРИ для поддержания беженцев, большая часть которой присваивается государством. На самом деле, ежегодные субсидии международных организаций ИРИ составляют около 10 млн долл., в то время как только в области среднего образования ИРИ ежегодно тратит порядка 240 млн долл. [Проблемы ... , 2022, с. 27–28].

Заключение

Как представляется, присутствие в данный момент в ИРИ значительного числа афганских мигрантов и беженцев имеет гораздо больше минусов, чем плюсов. Отрицательное влияние на безопасность страны оказывает целый ряд стандартных факторов. В их числе: 1) участие афганцев в наркоторговле; 2) рост преступности в местах компактного проживания афганцев¹; 3) нарушение баланса на рынке труда² (столь масштабное присутствие в стране беженцев особенно чувствительно на фоне достаточно высокого уровня безработицы – официально около 10%); 4) отток капитала; 5) диспропорция между коренным населением и мигрантами (в том числе и за счет более высокой рождаемости)³; 6) усиление маргинализации иранского общества (в результате слияния афганских беженцев с его низшими слоями); 7) повышение уровня террористической угрозы

¹ По статистике МВД ИРИ на 2010 г. 13% умышленных убийств приходилось на иностранцев. При этом раскрываемость большинства преступлений с участием нелегальных мигрантов становится практически невозможной из-за отсутствия регистрации или нарушения правил пребывания лицами, въехавшими в страну легально [Джан-заде, 2021, с. 1078, 1079–1080 ; Иран ..., 2022].

² Например, в шахрестане (области) Сараван провинции Систан и Белуджистан в течение последних десяти лет афганцы постепенно захватывали торговлю в свои руки, выдавливая с рынка местных жителей, и к настоящему моменту их доля в этой сфере составляет более 80% [Бамери ... , 2020].

³ В ряде останов речь идет даже об изменении структуры населения. Например, по словам губернатора остана Керман Мохаммад-Махди Фадакара, 10% от 3,5 миллионного населения провинции составляют иностранцы, главным образом афганцы, которые принимают на себя значительную долю государственных субсидий, в частности в области здравоохранения. На их долю также приходится большая часть тяжких преступлений и контрабанда наркотиков [Афганские граждане ... , 2022 ; Насири, 2022].

(вследствие проникновения под видом мигрантов представителей различных экстремистских группировок); 8) ухудшение социально-экономической ситуации в стране (в определенный момент мигранты могут быть использованы в качестве ударной силы для дестабилизации внутривнутриполитического положения); 9) дополнительная и значительная нагрузка на государственный бюджет (образовательные и медицинские услуги мигрантам, необходимость дополнительного укрепления границ, увеличение расходов на силовые структуры).

Необходимо отметить, что наплыв афганских беженцев может использоваться антииранскими силами как дополнительный рычаг по подрыву экономики ИРИ в контексте масштабных санкций. Об этом говорит недостаточный объем финансовой помощи по линии международных организаций (примерно одна тысячная от реальных затрат [Насири, 2022]), а также ее несвоевременное предоставление¹.

К плюсам следует отнести: 1) возможность создания в Афганистане лояльно настроенной к ИРИ прослойки населения (за счет сферы образования); 2) привлечение афганских беженцев для решения своих военно-политических задач (например, в рамках подразделения «Фатемийун»); 3) использование фактора беженцев в качестве рычага политического давления, поскольку массовое возвращение беженцев на родину наложит на Афганистан дополнительную экономическую нагрузку и приведет к резкому повышению и без того значительного уровня социальной напряженности; 4) использование прослойки афганцев, получивших образование в ИРИ, для компенсации «утечки мозгов», наличие которой частично признают официальные лица страны [Директор ... , 2022].

Иранские исследователи М.-Р. Шараф и Х. Фазели полагают, что тесные экономические связи двух стран (в 2019 г. ИРИ занимала первое место среди экспортеров в Афганистан) позволяют использовать живущих в Иране афганцев в роли промоутеров иранских товаров на афганском рынке, где они должны быть востребованы в первую очередь репатриантами, привыкшими в Иране к определенному уровню потребления. Одновременно они могут выступать в качестве продавцов афганских товаров на иранском рынке. Афганцы, знакомые как с иранскими, так и с афганскими реалиями, могли бы способствовать открытию ряда неработающих приграничных рынков и тем самым внести свою лепту в развитие деградирующих регионов. Довольно оптимистично упомянутые авторы смотрят и на использование афганских мигрантов в качестве дешевой рабочей

¹ По оценке МВФ на 2021 г., для принятия очередной волны беженцев Ирану требуется 300 млн долл. дополнительных расходов. Надо сказать, что ООН начала оказывать Ирану помощь только через четыре года после первого наплыва беженцев, причем ее масштабы оказались меньше, чем Пакистану, поскольку учитывались только беженцы, имеющие разрешение на пребывание. Пакистан, в силу более спокойных отношений со странами Запада, сразу начал получать значительную материальную поддержку, а потому стремился увеличить число беженцев, в том числе для усиления своего влияния в Афганистане, в частности развивая движение «Талибан». Иран же предоставлял медицинские услуги зарегистрированным афганцам наравне с своими гражданами. Кроме того, в период с 2005 по 2015 г. Красный крест Ирана оказал Афганистану помощь на 1,8 млн долл. [Проблемы ... , 2022, с. 14–15, 31–32; Таджикистан ... , 2022].

силы, что, по их мысли, позволит иранским рабочим заняться более квалифицированным трудом [Шараф, Фазели, 2021, с. 228–230, 240].

В настоящее время, как представляется, власти ИРИ придерживаются политики «кнута и пряника». С одной стороны, они поставили задачу изменить отношение иранского общества к афганцам в лучшую сторону. Об этом говорит смена риторики в медийном и научном дискурсах, в которых, несмотря на признание целого ряда проблем, неизменно утверждается доброе отношение к афганцам в иранском обществе, а также выражается уверенность в их пользе для страны (например, см.: [Насири, 2022; Шараф, Фазели, 2021, с. 228–230, 237, 240])¹. С другой стороны, ИРИ пытается избавиться от избыточного количества мигрантов. Здесь иранцы действуют двумя путями: выдворение из страны нелегальных мигрантов² и переговоры с талибским правительством. По данным информагентства «аль-Арабийя» на 12 сентября 2022 г., за предшествующие полгода из Ирана было выдворено более 135 тыс. афганцев, а всего из Ирана и Пакистана (со ссылкой на афганское информагентство «Пежвак») начиная с 22 марта 2022 г. было изгнано 252 тыс. человек [Выдворение ... , 2022].

В рамках переговорной стратегии 12–13 декабря 2022 г. в Тегеране состоялось четырехстороннее заседание по проблеме афганских беженцев в Иране и Пакистане с участием представителей Ирана, Афганистана (заместитель министра по делам мигрантов и репатриантов правительства «Талибан» Абд ар-Рахман Рашед), Пакистана и регионального представителя комиссара ООН по делам беженцев. Основной темой заседания стал вопрос о добровольном возвращении афганских беженцев на родину. Представители стран-реципиентов призвали Афганистан создать для этого все необходимые условия (обеспечение жильем и стабильным заработком, возможность получения образования и медицинских услуг). Афганский представитель, в свою очередь, выразил готовность решать проблемы, опираясь на помощь ООН³. Иран, со своей стороны, обещал активизировать работу по выявлению желающих добровольно вернуться на родину афганцев [Добровольное возвращение ... , 2022 ; Официальные лица ... , 2022 ; Шараф, Фазели, 2021, с. 238]. Последнее представляет собой достаточно непростую задачу, так как сейчас по своей воле возвращаются,

¹ В частности, создаются пропагандистские фильмы, призванные показать положительную роль афганского элемента в современном иранском социуме. К их числу можно отнести фильм Мохаммад-Хосейна Махмудийана «По ту сторону войны», номинированный на Тегеранский фестиваль документального кино в конце 2022 г. Встречаются даже утверждения о том, что среди живущих в ИРИ афганцев лишь немногие не имеют работы. Здесь, судя по всему, имеются в виду официально зарегистрированные мигранты. При этом все же высказываются мнения и о том, что значительная часть беженцев не обладает должным образованием и квалификацией, а потому не может быть полезной ИРИ [Джан-заде, 2021, с. 1078, 1079–1080 ; Рассказ ... , 2022 ; Шараф, Фазели, 2021, с. 237].

² Политолог Тарек Фархади утверждает, что в связи с нестабильной политической и экономической ситуацией власти ИРИ намеренно проявляют жесткость по отношению к афганцам, вынуждая их добровольно покинуть страну, а также стремясь тем самым несколько успокоить народ на фоне неудавшихся переговоров с США по ядерной сделке [Выдворение ... , 2022].

³ Например, в начале декабря 2022 г. Япония обещала выделить 12,5 млн долл. в рамках программы по стимулированию добровольного возвращения афганцев на родину [Япония ... , 2022].

главным образом, уехавшие недавно и не успевшие укорениться в принимающей стране (так, по утверждению УВКБ, в первой половине 2022 г. в Афганистан вернулись только 124 беженца [Беженцы в Иране, 2022 ; Краткий обзор ... , 2022]).

Афганцы не стремятся возвращаться на родину по ряду причин: укоренение в иранской среде, продолжение учебы, брачные узы, отсутствие работы в Афганистане. При этом процесс возвращения из Пакистана идет быстрее, поскольку там, в отличие от ИРИ, большинство мигрантов не может найти работу и живет в лагерях для беженцев [Джан-заде, 2021, с. 1076]. В Иране же в настоящий момент сложилась прослойка мигрантов, которые уже не могут быть названы таковыми в полном смысле этого слова, поскольку речь идет о втором и третьем поколениях, родившихся в ИРИ. Опросы показывают, что 21% живущих в ИРИ афганцев считает себя иранцами, 41% – афганцами, 26% демонстрируют двойную идентичность, а 11% вообще никак себя не идентифицируют. Осознающие себя иранцами хотят остаться в ИРИ, а остальные надеются уехать в другие страны – главным образом, в Европу [Проблемы ... , 2022, с. 28–29 ; Шараф, Фазели, 2021, с. 222].

В заключение можно констатировать, что на данный момент угроза национальной безопасности ИРИ, исходящая от афганских беженцев, заметно превышает потенциальные возможности их использования в качестве силы, действующей в ее интересах. Тем не менее эти возможности сохраняются, в том числе и благодаря заинтересованности «Талибана» в возвращении афганцев на родину, которую он проявил практически сразу после возвращения к власти и которую продолжает усиливать, ссылаясь на серьезное повышение уровня внутренней безопасности в стране. ИРИ, со своей стороны, как представляется, может воспринимать программу репатриации афганских беженцев и мигрантов как активизацию процесса экспорта в Афганистан значительных масс лояльно настроенного по отношению к Ирану населения¹. Однако с большой долей вероятности этот процесс примет затяжной характер и будет во многом зависеть от готовности правительства талибов в сотрудничестве с международным сообществом стабилизировать экономическую и социально-политическую обстановку в стране, а также от возможных будущих корректировок иранского вектора внешней политики талибского Афганистана².

Список литературы

1. Армия «Фатемийун» укрепила связь между иранским и афганским народами = لشکر فاطمیون پیوستگی بین دو ملت ایران و افغانستان را بیشتر کرد // Шахр. – 2023. – URL: <https://shahr.ir/news/30599> (дата обращения 09.01.2023) [Фарси].

¹ Неслучайно начальник Управления по делам иностранных граждан и мигрантов МВД ИРИ Садек Резадуст в ходе упомянутой четырехсторонней встречи в очередной раз отметил, что Иран помог афганским беженцам получить необходимые знания и компетенции для восстановления нормальной жизни в стране [Добровольное возвращение ... , 2022].

² В частности, определенные сомнения вызывает готовность Афганистана согласиться с его причислением к «оси сопротивления» в рамках иранского проекта создания «единой уммы»: об этом, например, недавно говорил в своем выступлении перед афганскими студентами ректор Тегеранского университета [Тегеранский университет ... , 2023].

2. Афганские граждане составляют 10 процентов населения провинции Керман = اتباع افغانستانی 10 درصد جمعیت استان کرمان // Ахерин хабар. – 2022. – URL: <https://akharinkhabar.ir/amp/local/9341222> (дата обращения 26.12.2022) [Фарси].
3. Афганское правительство ответило руководителю Ирана: вы воспользовались бедностью афганцев ради [реализации] своих узкоконфессиональных интересов и экспансионистских стремлений = حکومت افغانستانی ترد علی مرشد ایران: // Ахбар аль-Халидж. – 2019. – URL: <http://www.akhbar-alkhaleej.com/news/article/1161457> (дата обращения 09.01.2023) [Араб. яз].
4. Бамери Ф. Захват сараванского рынка иностранцами на фоне отсутствия контроля со стороны чиновников = تسخير بازار سران توسط اتباع خارجی در نبود نظارت مسؤولان // Мехр. – 2020. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5032680> (дата обращения 05.01.2022) [Фарси].
5. Беженцы в Иране = پناهندگان در ایران // Ажас-е панахандеган-е Сазман-е мелал-е моттахед. – Иран, 2022. – URL: <https://www.unhcr.org/ir/fa/refugees-in-iran> (дата обращения 21.12.2022) [Фарси].
6. Бехнийя М., Махмудийан С. Право на обучение для детей афганских беженцев в Иране в контексте системы международного права в отношении беженцев = حق آموزش کودکان پناهنده افغان در ایران در پرتو نظام حقوق بین الملل ناظر بر پناهندگی // Маджалле-йе хокуки-йе бейнольмелали. – 1401/2022. – № 66. – С. 318–338 [Фарси].
7. Выдворение из Ирана 135 тысяч афганских беженцев за последние шесть месяцев = اخراج اجباری 135 هزار پناهجویی // Аль-Арабийя. – 2022. – URL: <https://farsi.alarabiya.net/afghanistan/2022/09/12/%D8%A7%D8%AE%D8%B1%D8%A7%D8%AC-%D8%A7%D8%AC%D8%A8%D8%A7%D8%B1%DB%8C-135-%D9%87%D8%B2%D8%A7%D8%B1-%D9%BE%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%AC%D9%88%DB%8C-%D8%A7%D9%81%D8%BA%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%AA%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%A7%D8%B2-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%B7%DB%8C-%D8%B4%D8%B4-%D9%85%D8%A7%D9%87-%D8%A7%D8%AE%DB%8C%D8%B> (дата обращения: 25.12.2022) [Фарси].
8. Гражданский кодекс с недавними поправками и добавлениями = قانون مدنی با آخرین اصلاحات و الحاقات – Тегеран : Кетаб-хане-йе Гяндж-е данеш, 1384/2005. – VI, 301 с. [Фарси].
9. Гражданство детей от матерей-иранок = تابعیت فرزندان مادران ایرانی // Донйа. – URL: <https://www.heyvalaw.com/web/articles/view/1709/تابعیت-فرزندان-مادران-ایرانی.html> (дата обращения 09.01.2023) [Фарси].
10. Джан-заде А-Р. Факторы, способствующие миграции афганцев в Иран = عوامل اثر گذار بر مهاجرت افغانها به ایران // Сийасат. – 1399/2021. – Т. 50, № 4. – С. 1067–1092 [Фарси].
11. Директор Организации по делам студентов: в Иране обучаются студенты из 119 стран = رئیس سازمان امور دانشجویان: // Шоура-йе али-йе энкелаб-е фарханги. – 2022. – URL: <https://sccr.ir/news/20971/1> (дата обращения 11.01.2023) [Фарси].
12. Добровольное возвращение афганских мигрантов – основная тема тегеранского четырехстороннего заседания = بازگشت داوطلبانه مهاجرین افغان محور اصلی نشست چهارجانبه تهران // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/09/22/2820804> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
13. Имам Хомейни: народ Афганистана – наши гости, их нужно принять = امام خمینی (ره): مردم افغانستان مهمان ما هستند، باید از // Тасним. – 2016. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/03/11/1089258> (дата обращения 09.01.2023) [Фарси].
14. Иран и другие соседи Афганистана не должны взваливать на себя всю тяжесть приема афганских беженцев = ایران و همسایگان دیگر افغانستان نباید تمام فشار پذیرش پناهجویان افغان را تحمل کنند // Джем-е джем-е онлайн. – 2022. – URL: <https://jamejamonline.ir/fa/news/1371014> (дата обращения 09.01.2023) [Фарси].
15. Краткий обзор новейшей статистики афганских беженцев = نگاهي به جدیدترین آمار آوارگان مهاجران افغانستانی // Расад-хане-йе мохаджерат-е Иран. – 2022. – URL: <https://imobs.ir/publication/show/614> (дата обращения 21.12.2022) [Фарси].
16. Навваби К. Бригада «Фатемийун» – «хороший “Талибан”» для Ирана = "طالبان خوب" برای ایران // Толонийуз. – 2021. – URL: <https://tolonews.com/fa/opinion-169821> (дата обращения: 09.01.2023) [Фарси].
17. Насири А. Иран безоговорочно принимает афганских беженцев = ایران میزبان بی ادعای پناهجویان افغان // Хабаргозари-йе Джомхури-йе эслами. – 2022. – URL: <https://www.irna.ir/news/84793900> (дата обращения 21.12.2022) [Фарси].
18. Новый проект КСИР: выделение земель под строительство семьям погибших бойцов армии «Фатемийун» = طرح جدید سپاه پاسداران: اهدای زمین مسکونی به خانواده شبه نظامیان کشته شده لشکر فاطمیون // Иран Интернешенел. – 2020. – URL: <https://old.iranintl.com> (дата обращения 09.01.2023) [Фарси].
19. Ночевать на улице – общая судьба афганских беженцев в Европе = خیابان خوابی سرنوشت مشترک پناهجویان افغانستانی در اروپا // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/09/2796788> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
20. Обременительные расходы на продление [срока действия] паспорта вынудили мигрантов из Афганистана взыскать о помощи = مهاجرین افغانستانی را در آورد هزینه سنگین تمدید پاسپورت "داد" // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/09/23/2821558> (дата обращения 23.12.2022) [Фарси].
21. Официальные лица «Талибана»: на четырехсторонней встрече в Тегеране мы поднимем вопрос о возвращении мигрантов в Афганистан = مقام های طالبان: در نشست چهارجانبه تهران موضوع بازگشت مهاجرین به افغانستان را مطرح می کنیم // Афгане-стан Интернешенел. – 2022. – URL: <https://www.afintl.com/202212111892> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
22. Плачевное положение афганских беженцев в Греции = وضعیت اسف بار پناهجویان افغان در یونان // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/09/16/2818160> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
23. Посол Финляндии: 1100 афганских беженцев перемещаются из Ирана в Финляндию = سفیر فنلاند: 1100 پناه جوی // Алеф. – 2022. – URL: <https://www.alef.ir/news/4010325133.html> (дата обращения 25.12.2022) [Фарси].

24. Проблемы и стратегии поддержки афганских беженцев в Иране (с акцентом на гражданские и религиозные благотворительные институты). Исследовательский отчет / Группа стратегических исследований «Мирас». Ноябрь – декабрь 2022 г. = مسائل و راهکارهای حمایت از پناهنجویان افغانستانی در ایران با تاکید بر نهادهای مدنی و خیریه دینی – 2022. – 51 с. [Фарси].
25. Рассказ о золотой эпохе [в истории] Афганистана на «Правдивом кино»: почему эмигрировали афганцы? = داستان دوران طلایی افغانستان در "سینما حقیقت": چرا افغانستانیها مهاجرت کردند? // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/09/15/2817378> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
26. Решение по афганским мигрантам, участвующим в проекте переписи населения в Иране = تعیین تکلیف مهاجرین افغانستانی // Тасним. – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/01/2792531> (дата обращения 24.12.2022) [Фарси].
27. Таджикистан выдворяет афганских беженцев = تاجیکستان پناهجویان افغانستانی را اخراج می کند // Mehr. – 2022. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5585783> (дата обращения 25.12.2022) [Фарси].
28. Тегеранский университет объявил о готовности принять афганских студентов: скидка на обучение до 20% = اعلام آمادگی دانشگاه تهران برای پذیرش دانشجویان دختر افغانستانی/تخفیف شهریه تا ۲۰ درصد // Хабаргозари-йе Джомхури-йе Эслами. – 2023. – URL: <https://www.irna.ir/news/84987465> (дата обращения 12.01.2023) [Фарси].
29. Что это за история с роликом, демонстрирующим массовый наплыв афганских беженцев на иранскую границу? = ماجرای فیلم ادعایی هجوم گسترده آوارگان افغان به مرزهای ایران چیست؟! // Хамшахри. Online. – 2022. – URL: <https://www.hamshahrionline.ir/news/667183/ماجرای-فیلم-ادعایی-هجوم-گسترده-آوارگان-افغان-به-مرزهای-ایران> (дата обращения 21.12.2022) [Фарси].
30. Шараф М-Р., Фазели Х. Мигранты и потенциал для развития: синергия мягкой силы Ирана и Афганистана = مهاجران و ظرفیت های پیشرفت: هم افزایی قدرت نرم ایران و افغانستان // Моталеат-е кодрат-е нарм. – 1399/2021. – Т.Х. № 2(23). – С. 211–244. [Фарси].
31. Ширзад Х-Р. «Фатемийун» – медийная борьба в Афганистане = چالشی رسانه ای در افغانستان // Джамеэ ва фарханг-е мелал. – 2021. – URL: <https://farhangemelal.icro.ir/news/5267> (дата обращения: 09.01.2023) [Фарси].
32. Япония выделяет 12 млн. долларов на добровольное возвращение мигрантов в Афганистан = کمک ۱۲ میلیون دلاری جاپان // 8am.media/japans-12-million-dollar-aid-for-the-voluntary-return-of-migrants-to-afghanistan (дата обращения: 11.01.2023) [Фарси].
33. Notezai M.A. On the Human Smuggling Trail // Dawn. – 2021. – URL: <https://www.dawn.com/news/1626494> (дата обращения 15.01.2023).
34. Whiteside Ph., Devine K. Escape from Afghanistan: the Options // Sky News. – Б/г. URL: <https://news.sky.com/story/afghanistan-barbed-wire-borders-and-the-desert-of-death-the-dangerous-escape-routes-facing-refugees-fleeing-the-taliban-12398215> (дата обращения 09.01.2023).

AFGHAN MIGRANTS IN IRAN: INTERNAL SECURITY THREAT OR FUTURE PROXY POWER?

Norik Boris

PhD (Histor. Sci.), Researcher at the Center for Comparative Study of Civilizations, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia, e-mail: boris.norik@mail.ru

Abstract. *Islamic Republic of Iran alongside with Islamic Republic of Pakistan, traditionally stands one of the greatest recipients of Afghan migrants. The stream of the latter during the last fifty years has been characterized by a syncopated rhythm: a relatively stable and regular flow of economic migrants and students during a period of political upheaval shows a sharp jump, turning into a wave of refugees. In recent years, Iran has seen the most powerful influx of refugees from Afghanistan, which the Iranian authorities are trying to use to strengthen their influence in the neighboring country. In this context it seems relevant to consider the current situation of Afghan migrants and refugees in Iran in order to identify the correlation of threats and opportunities caused by the large-scale presence of the Afghan element on the territory of this country.*

Keywords: *Islamic Republic of Iran; Islamic Republic of Pakistan; Afghanistan; afghan refugees; securitization of migration.*

For citation: Norik B.V. Afghan migrants in Iran: internal security threat or future proxy force? // Social Novelties and Social sciences. – 2023. – No. 1. – P. 122–138.

МИГРАНТОФОБИЯ И КСЕНОФОБИЯ КАК ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Андрианова Роза Ахбановна

Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
ФГБУН Центр исследования проблем безопасности Российской
академии наук, Москва, Россия¹, e-mail: rosa_and@inbox.ru

Аннотация. В статье обосновывается, что интеграция детей из семей мигрантов в образовательном пространстве принимающей страны взаимосвязана с адаптационным ресурсом их родителей. Показано, что деструктивные стратегии адаптации взрослых мигрантов способствуют дезориентации их детей. Сделан вывод, что для освоения сложной российской образовательной программы детям из семей мигрантов необходима комплексная адаптация: учебно-познавательная, психологическая и социокультурная. Дано авторское определение понятия «экстремистское поведение» как деструктивного способа взаимодействия, психологического и физического насилия, проявления прямой и косвенной агрессии на почве ксенофобии и мигрантофобии, дискриминации представителей другой национальной или конфессиональной группы. Подчеркивается, что адаптация и интеграция семей мигрантов, профилактика ксенофобии и мигрантофобии – это не только сфера ответственности принимающей стороны, но и самих мигрантов. Предлагается развитие межкультурных коммуникаций в подростково-молодежной среде и формирование опыта конструктивного взаимодействия как ресурса снижения ксенофобских настроений и обеспечения социальной безопасности в принимающем обществе.

Ключевые слова: мигранты; ксенофобия; экстремистское поведение; профилактика социальных конфликтов; интеграция мигрантов; социокультурная адаптация.

¹ © Андрианова Р.А., 2023

Для цитирования: Андрианова Р.А. Мигрантофобия и ксенофобия как факторы формирования экстремистского поведения // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 139–149.

Статья подготовлена в рамках государственного задания 2023 г. ЦИПБ РАН № FFZ-2021–0005.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.10

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята в печать 06.03.2023

Введение

Укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений и снижение ксенофобских настроений в обществе является актуальной задачей обеспечения национальной безопасности России.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. отмечается, что «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия» [Указ Президента ... , 2020].

В миграционных потоках последних лет в Россию растет доля семей с детьми. Например, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2019 г. стали на миграционный учет 36 601 детей, в 2020 г. – 23 030, а в 2021 г. – 51 465. По данным на 2021 г., прибыли в Россию и стали на миграционный учет несовершеннолетние (т.е. в возрасте от 0 до 17 лет): из Таджикистана 17 709, из Украины 14 858, из Казахстана 14 858, Армении 7144, Киргизии 6958 [Семья и дети ... , 2022, с. 62].

Несовершеннолетние, не стоящие на миграционном учете (как и взрослые иностранные граждане), не получают доступ к образовательным и медицинским услугам и подлежат депортации. При этом в открытом доступе невозможно найти достоверную статистическую информацию о детях из семей мигрантов, получающих в текущий момент образовательные услуги в российских организациях – дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах и в системе среднего профессионального образования.

Анализ показывает, что отечественные образовательные организации по сложившейся традиции формально подходят к работе по нейтрализации рисков проявления агрессии на почве ксенофобии. Привычные для советского периода формы работы с подрастающим поколением, такие как призыв к «дружбе народов» и организация фестивалей национальных культур, недостаточны для снижения ксенофобских настроений в современной подростково-молодежной среде. Необходимо понимать, что дети и подростки активно взаимодействуют в информационно-цифровом пространстве, и эта форма социализации значительно увеличивает риски и угрозы их безопасности, создает почву для агрессивных способов общения и формирования экстремистского поведения. К тому же социальные сети обеспечивают быстрое и широкое распространение информации, в том числе негативной (например, видео записей факта проявления агрессии на почве ксенофобии и мигрантофобии), что может стать причиной массовых беспорядков.

Очевидно, что отношение к ксенофобии и мигрантофобии как к незначительной социальной фобии определяет недостаточную превентивную работу по нейтрализации рисков межэтнических конфликтов, предупреждения и преодоления агрессивных способов взаимодействия между представителями разных национальных и конфессиональных групп. Целью настоящей работы является представление данных и выводов, полученных в ходе многолетнего изучения отношения к мигрантам в современной России.

Результаты социологических исследований отношения к мигрантам в подростковой среде

Исследования, проведенные в 2020 и 2021 гг. в образовательных организациях разных регионов РФ в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ, позволили выявить факты ксенофобии и мигрантофобии. В образовательных организациях Калужской, Омской, Орловской, Костромской, Московской области 128 учащихся старших классов средней школы отметили случаи проявления косвенной и прямой агрессии на почве ксенофобии (59,8% из опрошенных). Только 11,7% школьников не были свидетелями межнациональных конфликтов, а 14,7% не имели опыт общения с представителями других национальных или конфессиональных групп. При этом 7% школьников целенаправленно выбирают ближнее социальное окружение в зависимости от национальной принадлежности, а 10,2% респондентов предложили социальное исключение мигрантов из круга общения и взаимодействия («не дружить», «исключить из общего чата класса») [Андреанова, 2022, с. 14, 15].

Педагогом-психологом Н.С. Сединкиной были опрошены учащиеся начальных, средних и старших классов в муниципальной¹ средней образовательной школе (СОШ) № 86 г. Екатеринбурга Свердловской области в рамках выявления актуальных мишеней превентивной работы и разработки комплексной программы по профилактике агрессивного поведения субъектов образовательных отношений. В результате были выявлены случаи киберагрессии, вербальной и физической агрессии между школьниками, нарастающие в процессе перехода учащихся из начальной в среднюю школу и снижения роли классного руководителя в решении проблем взаимодействия в детском сообществе. В реализации проекта по разработке и внедрению комплексной программы профилактики агрессивного поведения в МБОУ СОШ № 86 г. Екатеринбурга приняли участие 42 класса и 1182 учащихся, из которых – 560 из начальной школы, 552 из средней, 70 из старшей; были подключены родители и законные представители, классные руководители, учителя-предметники.

¹ Полностью – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение (МБОУ). – Прим. ред.

Исследование не выявило случаев прямого буллинга¹ как целенаправленного и организованного агрессивного преследования на почве ксенофобии и мигрантофобии. Однако была отмечена специфика межэтнических взаимодействий, обусловленная социокультурной дистанцией и способствующая возникновению конфликтных ситуаций. Пример профилактической работы в МБОУ СОШ № 86 подтверждает гипотезу о том, что успешное предупреждение и преодоление агрессивных способов взаимодействия в образовательной среде возможно при включении всех субъектов образовательных отношений – учащихся, их семей и специалистов, работающих в образовательной организации, в общее воспитательное пространство, формирование опыта конструктивного межкультурного взаимодействия в учебной и внеучебной деятельности [Комплексная профилактика агрессивного ... , 2022].

Взаимосвязь проблем адаптации мигрантов и ксенофобских настроений в современном российском обществе

Опросы в г. Москве² показывают, что значительная часть трудовых мигрантов с детьми прибывают в столичный город из сельской местности, для которой характерны особые традиции, обычаи, ценностная ориентация, нормы и правила, определяющие их поведение в целом, и особенности межкультурных коммуникаций, взаимодействия с окружающими людьми. Одной из проблем адаптации и интеграции мигрантов в городской социум является низкий образовательный уровень и завышенные ожидания. Например, многие взрослые иностранные граждане пребывают в чужую страну без материального обеспечения и занимают иждивенческую позицию по отношению к своим землякам. Однако нередкими становятся случаи, когда по вине ближнего окружения и в силу своей правовой безграмотности семьи мигрантов попадают в социально опасное положение. К тому же высокая плотность проживания и ограниченное личного пространства способствует возникновению межличностных и межгрупповых конфликтов, появлению и развитию заболеваний и прочим негативным явлениям [Социогуманитарные основы противодействия ... , 2022].

В конце января 2023 г. в социальных сетях обсуждалась история московского дворника Нуридина Достова, получившего тяжелую травму во время работы в ГБУ «Жилищник» района Академический г. Москвы [Селедкин, 2023]. Стало известно, что данная организация систематически нарушала условия труда дворника, заставляя работать без выходных. А его семья с двумя детьми, с которой он приехал из Узбекистана, была вынуждена жить без света и тепла в помещении, в котором собирались отходы из мусоропровода, так называемой «мусорной камере».

¹Травля, агрессивное преследование одного человека другим (другими). – Прим. ред.

²Опросы проводятся автором совместно с А.П. Вихряном среди инокультурных мигрантов, работающих в сфере обслуживания, с 2022 г.

Яркий пример проявления ксенофобских настроений служит реакция в социальных сетях на новость о первом в 2023 г. новорожденном ребенке в г. Санкт-Петербурге из тувинской семьи. Часть петербуржцев устроили настоящую травлю матери и ребенка. На проявление ксенофобии обратил внимание экс-глава Республики Тыва, заместитель председателя Госдумы Шолбан Кара-олл и высказал, «что такого рода комментарии в Интернете – попытка разжечь межнациональный конфликт». Подобная история случилась и в г. Самаре, где первым новорожденным ребенком в 2023 г. стала девочка из семьи Алымкуловых. В своих комментариях жители Самары предлагали «собрать всех жителей неславянской внешности и депортировать из их региона» [Тимченко, 2023].

Наши опросы показывают, что проблемы, возникающие при адаптации взрослых мигрантов, приводят к социальной дезинтеграции их детей, особенно школьного возраста. Дети более уязвимы для негативных факторов социализации и могут испытывать длительное психоэмоциональное напряжение, ухудшающее их физическое и психологическое здоровье. Школьная неуспешность становится причиной межличностных и межгрупповых конфликтов в образовательной среде. Ребенок из семьи мигрантов может стать жертвой буллинга и кибербуллинга, как целенаправленного агрессивного преследования в стенах образовательной организации, травли в общих школьных чатах и социальных сетях со стороны других субъектов образовательных отношений и не только учащихся, но и других родителей и даже педагогов [Проблемы и ресурсы комплексной профилактики ... , 2021]. Поэтому адаптация детей из семей мигрантов требует особого внимания и подхода.

Особенности адаптации несовершеннолетних мигрантов

Как показывает анализ, успешная интеграция детей мигрантов в новое для них российское образовательное пространство может быть только комплексной, т.е. во взаимосвязи языковой, социокультурной, социально-психологической и учебно-познавательной адаптации. При этом центральной становится языковая адаптация. Если дети из семей инокультурных мигрантов недостаточно владеют русским языком, то осложняется не только социокультурная адаптация в новом социальном пространстве, отражающая принятие норм и ценностей, традиций и обычаев принимающей стороны, но и социально-психологическая, связанная с психоэмоциональным благополучием в чужой стране, и учебно-познавательная, сопряженная с получением новых знаний, умений и навыков для освоения сложной российской образовательной программы.

Важным условием предупреждения негативных явлений в период адаптации ребенка из семьи мигрантов становится внутрисемейная поддержка. Известно, что подростковый возраст особо уязвим для разного рода поведенческих девиаций [Комплексная профилактика агрессивного ... , 2022]. Однако воспитательный потенциал родителей снижается при конфликтах в семье, особенно оказавшейся в трудной жизненной ситуации [Подходы к профилактике агрессивного поведения детей ... , 2020]. В силу специфических проблем адаптации в новом социальном пространстве

несовершеннолетние мигранты становятся своеобразной группой социального риска и нуждаются в непрерывном психолого-педагогическом сопровождении, защите прав и интересов как самого ребенка, так и всей его семьи. Родители или законные представители с низким образовательным уровнем, незащищенные и социально уязвимые семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, нуждаются в адресной поддержке и психолого-педагогическом сопровождении для исключения рисков их дискриминации и эксплуатации, втягивания в деструктивные группы. Очевидно, что семья мигрантов должна стать объектом повышенного внимания со стороны различных ведомств и служб, работающих с детьми и семьями [Преодоление разрыва между ... , 2015].

Необходимо отметить, что современные молодые мигранты, в отличие от предыдущих, так называемых «советских» мигрантов, бывших граждан единой страны (СССР), значительно дистанцированы от социальных и культурных реалий России. Эта дистанция, обусловленная этнической и конфессиональной принадлежностью, языковым барьером, спецификой семейного воспитания в других социокультурных условиях, недостаточным опытом межкультурных коммуникаций и межнациональных взаимодействий, становится источником проявления мигрантофобии и ксенофобии по отношению к мигрантам в принимающем обществе.

Какие же *стратегии адаптации мигрантов* в большей степени *закрепляют ксенофобию и мигрантофобию по отношению к ним*? Анализ поведенческих стратегий мигрантов показывает, что деструктивными являются:

- 1) намеренное и целенаправленное увеличение психологической и социальной дистанции взаимодействия с представителями принимающей стороны;
- 2) настойчивое навязывание новому социальному окружению атрибутов своей культуры и образа жизни.

Известно, что мигранты в целях собственной безопасности могут пытаться ассимилироваться, т.е. стремиться к полному «растворению» в новом этнокультурном пространстве, отказаться от своей родной культуры, традиций, обычаев и норм поведения. Однако наиболее конструктивная стратегия – это принятие норм и правил, традиций и ценностей нового социокультурного пространства с сохранением своей национальной идентичности.

Конструктивная адаптация мигрантов, профилактика ксенофобии и мигрантофобии – это не только сфера ответственности принимающей стороны, но и самих мигрантов. Для безопасности российского общества недопустимо противостояние мигрантов и основного населения страны, их насильственных действий по отношению друг к другу. Стремление к дистанции с мигрантами и их социальная изоляция способствуют образованию мигрантских анклавов, в которых, как правило, устанавливаются свои нормы, а также правила взаимодействия с представителями принимающей стороны.

При этом мигрантофобия и ксенофобия взаимосвязаны и взаимообусловлены как социальные фобии на почве неприятия других людей. Они могут стать не только причиной проявления вербальной и физической, прямой и косвенной агрессии, нанесения ущерба и вреда людям, принадлежащих другой национальной или конфессиональной группе, но и закрепить экстремистское поведение с последующими целенаправленными групповыми экстремистскими действиями, способствовать втягиванию молодых мигрантов в деструктивные группы, в том числе и террористические [Андрианова, 2020, с. 14]. Очевидно, что мигрантофобия и ксенофобия являются благодатной почвой для агрессивных действий с потребностью причинить ущерб и вред другому человеку, принадлежащему другой национальной или конфессиональной группе [Гукаленко, Андрианова, Нездемковская, 2019].

Истоки экстремистского поведения

Экстремистское поведение – деструктивный способ взаимодействия, проявление прямой и косвенной агрессии на почве ксенофобии и мигрантофобии, психологическое и физическое насилие, дискриминация представителей другой национальной или конфессиональной группы. Экстремистское поведение, как и любое другое деструктивное поведение, формируется и закрепляется при определенных сопутствующих условиях. Если в обществе не порицается агрессивное поведение по отношению к представителям другой национальной или конфессиональной группы, то с большей вероятностью экстремистское поведение будет нормой проявления своего отношения к мигрантам.

Какие условия становятся движущей силой экстремистского поведения? Прежде всего, объединению и консолидации подростков и молодежи способствует мотивация борьбы с мигрантами как источником потенциальной опасности. Экстремистское поведение, как правило, и формируется, и проявляется в группе. Групповое экстремистское поведение закрепляется противостоянием «мы – они», «свой – чужой» и направлено на насильственные действия по отношению к представителям других национальных или конфессиональных групп.

Известно, что социальные фобии, в том числе и ксенофобия и мигрантофобия, закладываются в детском возрасте ближайшем социальном окружением ребенка, чаще всего в собственной семье. Оскорбительные выражения «чурка», «жиды», «черномазы», «хохол» и прочие унижительные выпады в сторону представителей других национальных групп знакомы не только взрослым, но и детям. Ребенок, с детского возраста знакомый с проявлением мигрантофобии и ксенофобии, взрослея, как правило, закрепляет свою враждебную установку, а также негативные стереотипы, и может стать находкой для разного рода вербовщиков в экстремистские группы. Следует признать, что современные вербовщики обладают изощренными дистанционными технологиями втягивания

представителей молодого поколения в деструктивные группы, умеют направлять и мотивировать молодых людей на конкретные экстремистские действия.

Заключение

В современных реалиях, особенно после ограничений, связанных с пандемией COVID-19, дистанционное взаимодействие, в том числе и с незнакомыми людьми, стало привычным и обыденным явлением. Это увеличивает риски деструктивного влияния на подростков и молодых людей, которые в силу своего возраста и недостаточного жизненного опыта неспособны критически воспринимать поступающую информацию. Многие современные исследователи сферы безопасной образовательной среды обращают внимание, что социализация подрастающего поколения в большей степени проходит в интернет-пространстве, и призывают такие институты социализации, как семья и система образования, изменить подход к профилактической и воспитательной работе с детьми, подростками и молодыми людьми.

Эксперты, отмечая рост киберактивности с призывами к экстремистским действиям, акцентируют внимание на новых способах информационно-психологического воздействия, оправдания ксенофобии, экстремизма и терроризма, которые используют лидеры экстремистских организаций. Причем в условиях цифровизации экстремистским организациям удастся вести свою деструктивную деятельность максимально скрытно. По этой причине сложно выявить и доказать факт потенциальной угрозы киберэкстремизма. В коллективной монографии «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде» отмечается, что «дальнейшая возможная эскалация экстремистских настроений в молодежной среде будет зависеть от социально-экономической ситуации в российском обществе, а также от способности власти решать проблемы молодежи, связанные с ее самореализацией в сфере защиты своих прав, повышения квалификации, заработной платы и ведения бизнеса» [Социогуманитарные основы противодействия ... , 2022, с. 277]. Рассматривая мигрантофобию и ксенофобию как «крайне опасный социальный феномен», способный стать «мощным мотивирующим фактором, своеобразным детонатором экстремистских действий», предлагается повысить внимание к молодежной политике в Российской Федерации и «сбалансированному развитию межнациональных и межкультурных взаимодействий в молодежной среде» [Социогуманитарные основы противодействия ... , с. 275].

Для предупреждения и преодоления агрессивных способов взаимодействия в многонациональном обществе необходимо, прежде всего, формирование с ранних этапов социализации человека опыта конструктивного сотрудничества и взаимопонимания с представителями разных национальных и конфессиональных групп. Этому служит создание условий для изучения традиций и обычаев разных народов, наращивание межкультурных коммуникаций, а также развитие детского,

молодежного и семейного туризма как социокультурного ресурса гармонизации межнациональных отношений и погружения в иную культуру.

Список литературы

1. Андрианова Р.А. Проблема молодежной агрессии на почве ксенофобии: истоки и пути решения // Молодежь в современном мире: противодействие экстремизму : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 07 октября 2022 г.). – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – С. 13–18.
2. Андрианова Р.А. Проявление агрессии в структуре экстремистского поведения // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2020. – № 2. – С. 28–33.
3. Андрианова Р.А. Формирование ценностных ориентаций подростков как условие предупреждения агрессивных способов взаимодействия // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития : сб. материалов IV Междунар. науч.-практической конференции. – Чебоксары, 2022. – С. 191–194.
4. Андрианова Р.А. Социально-педагогическая поддержка детей из семей инокультурных мигрантов в процессе их адаптации и интеграции в образовательную среду // Превентивно-профилактическая работа социального педагога. – Москва, 2021. – С. 189–200.
5. Гукаленко О.В., Андрианова Р.А., Нездемковская Г.В. Поликультурное образование и профилактика ксенофобии в образовательной среде. – Москва : ФГБУ Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2019. – 257 с.
6. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде / Хломов К.Д., Бочавер А.А., Андрианова Р.А. [и др.]. – Москва : ФГБУ Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 364 с.
7. Семья и дети в России. 2021. – Москва : Перо, 2022. – 120 с.
8. Подходы к профилактике агрессивного поведения детей и подростков в образовательной среде : сб. науч. статей / под ред. И.В. Вагнер. – Москва : ФГБНУ ИИДЦВ РАО, 2020. – 217 с.
9. Преодоление разрыва между социально-педагогической практикой и законом / Гурьянова М.П., Штылева Л.В., Лебедь О.Л. [и др.] // Образование и наука. – 2015. – № 9(128). – С. 138.
10. Проблемы и ресурсы комплексной профилактики агрессивного поведения в образовательной организации / Андрианова Р.А., Шемшурин А.А., Чернов В.А., Селиванова Е.И. // Психолого-педагогические исследования. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 107–125.
11. Селедкин И. Он жив остался, но после больницы обратно придет в мусорную камеру. Бомжи так не живут // VK. – 2023. – 20.01. – URL: https://vk.com/wall-210316556_1509?ysclid=ld4ozx4s3r481622774 (дата обращения 20.01.2023).
12. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / Андрианова Р.А., Вихрян А.П., Зубок Ю.А. [и др.]. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. – 305 с.
13. Тимченко Г. Тувинский младенец вызвал скандал в Петербурге // Аргументы и факты. Санкт-Петербург. – 2023. – 06.01. – URL: https://spb.aif.ru/society/people/ne_tam_rodilsya_tuvinskiy_mladenec_vyzval_skandal_v_peterburge (дата обращения 20.01.2023).
14. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «О Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.
15. Development of education for prevention of the aggressive behavior of children / Wagner I.V., Frishman I.I., Golovanov V.P. [et al.] // European Proceedings of Educational Sciences EpES (Москва, 07–08 декабря 2020 года). – Москва : European Publisher, 2020. – P. 153–163.

MIGRANT PHOBIA AND XENOPHOBIA AS FACTORS OF EXTREMIST BEHAVIOR FORMATION

Andrianova Rosa

PhD (Pedagog. Sci.), Senior Researcher, FSBIS Center for Problem Research Security, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: rosa_and@inbox.ru

Abstract. *The paper proves that the integration of children from migrant families in the educational space of the host country is interconnected with the adaptation resource of their parents. It is shown that destructive adaptation strategies of adult migrants contribute to the disorientation of their children. It is concluded that in order to master the complex Russian educational program, children from migrant*

families need a comprehensive adaptation: educational, cognitive, psychological and socio-cultural. The author defines the concept of “extremist behavior” as a destructive way of interaction, psychological and physical violence, manifestations of direct and indirect aggression motivated by xenophobia and migrant phobia, discrimination against representatives of another national or religious group. It is emphasized that the adaptation and integration of migrant families, the prevention of xenophobia and migrant phobia is not only the responsibility of the receiving party, but also of the migrants themselves. The development of intercultural communications in the adolescent-youth environment and the formation of the experience of constructive interaction as a resource for reducing xenophobic sentiments and ensuring social security in the host society is proposed.

Keywords: *migrants; xenophobia; extremist behavior; prevention of social conflicts; integration; socio-cultural adaptation.*

For citation: Andrianova R.A. Migrant phobia and xenophobia as factors of extremist behavior formation // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – P. 139–149.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

УДК 314.7(5-014)+341.215.43

БЕЗОПАСНАЯ МИГРАЦИЯ

Рецензия на книгу: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 219 p.

Пряжникова Ольга Николаевна

Научный сотрудник Отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия),
e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Ключевые слова: безопасная миграция; регион реки Меконг; трудовая миграция; некоммерческие организации; международные агентства.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Безопасная миграция. Рец. на книгу: Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 219 p. // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 150–159.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.11

Рукопись поступила 01.02.2023

Принята к печати 03.03.2023

Введение

В книге «Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia» («Безопасная миграция и политика гарантированной безопасности в Юго-Восточной Азии») приведены результаты полевых наблюдений в сфере безопасной миграции (БМ), проведенных в период с 2013 по 2019 г. в Таиланде, Лаосе и Мьянме – т.е. в регионе, который представляет собой один из мировых центров низкоквалифицированной трудовой миграции. Автор, Сверре Молланд (Sverre Molland), – антрополог с почти двадцатилетним опытом исследований в области торговли людьми, мобильности и миграции населения в субрегионе реки Меконг¹. Материалы и выводы, представленные в данном издании, являются продолжением более ранней работы С. Молланда, посвященной анализу мер по борьбе с торговлей людьми вдоль лаосско-тайской границы [Molland, 2012], и дополняют немногочисленные академические исследования БМ [Bylander, 2019; Huijsmans, 2014; Kiss, Zimmerman, 2019].

Теоретические представления о безопасной миграции

Тема БМ в последние годы стала одной из центральных в мировой практике управления миграцией. ООН уделяет особое внимание вопросам безопасности, что нашло отражение в «Глобальном договоре о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» [Global Compact ... , 2018]. При этом определение БМ находится в процессе оформления и все еще базируется на достаточно расплывчатых представлениях о хорошо регулируемой миграционной системе. БМ часто упоминается в связке с такими понятиями, как «хорошо управляемая», «упорядоченная» или «официальная» миграция [Molland, 2022, p. 9].

Автор рассматриваемой книги выделяет четыре основные характеристики БМ. Во-первых, БМ предполагает реализацию программ и / или политики, направленных на легализацию трудовой миграции. Предоставление трудовым мигрантам возможности иметь паспорт, необходимые визы, разрешение на работу и связанные с ним формализованные права (например, медицинскую страховку) считается центральным элементом БМ.

Во-вторых, БМ предполагает подход к регулированию миграции, смещающий акцент миграционной политики с антииммиграционных мер, которые часто неэффективны, на адекватное сопровождение и поддержку процессов миграции. Это предполагает повышение осведомленности

¹ Субрегион реки Меконг – это территория, к которой принято относить пять стран Юго-Восточной Азии: Мьянму, Лаос, Таиланд, Камбоджу и Вьетнам, а также провинцию Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район КНР.

мигрантов о БМ при принятии решения о переезде в другую страну, например установление контактов с соответствующими организациями, оказывающими помощь мигрантам, и работодателями, заинтересованными в привлечении работников.

В-третьих, повышение осведомленности о БМ способствует возникновению социальных взаимоотношений и формированию социального капитала, что является третьим важным элементом БМ.

В-четвертых, на практике БМ реализуется в виде так называемой «сети пунктов встречи» («counter network»). В процессе миграции люди получают помощь от соответствующих служб поддержки как внутри сообществ на своей родине, так и во время переезда, а также в конечных пунктах их путешествия. В качестве координационных центров, куда мигранты обращаются за помощью, могут выступать горячие линии, информационные службы, социальные сети или ресурсные центры для мигрантов («migrant resource center») [Molland, 2022, p. 8–9].

Таким образом, и повышение осведомленности о БМ перед отъездом мигрантов, и помощь мигрантам при перемещении имеют ключевое значение для управления миграцией, обеспечивающей ее безопасность.

Исследование безопасной миграции: методы и результаты

С. Молланд определяет методологию своего исследования как «тандемную этнографию» («tandem ethnography»), предполагающую изучение регулирующих мер и социальных практик, которые данная область политики пытается объективировать. Автор отмечает, что такой подход «включает в себя исследование дискурсивных характеристик БМ в сочетании с отслеживанием того, как она операционализируется с помощью соответствующих практик» [Molland, 2022, p. 15].

В ходе исследования были проинтервьюированы многочисленные субъекты, имеющие отношение к институтам БМ и помощи мигрантам, а также непосредственно сами мигранты. Проводилось наблюдение за работой этих субъектов и осуществлялись различного рода взаимодействия с вовлеченными в поддержку БМ государственными учреждениями, международными и местными некоммерческими организациями, группами самопомощи мигрантов, посредниками в трудоустройстве трудовых мигрантов и т.д.

Написанная С. Молландом на материале проведенных исследований книга состоит из трех частей. В первой части «Обеспечение безопасности при миграции» отмечается, что в последние годы парадигма борьбы с торговлей людьми в районе Меконга утрачивает свою актуальность, а акторы, формирующие политику в данной сфере (агентства ООН, некоммерческие организации и др.), все больше используют подходы, определяемые концепцией БМ.

Так, агентства ООН переориентировались с программ по предотвращению торговли людьми на реализацию мер, продвигающих БМ. Например, Международная организация труда (МОТ) за-

крыла свой проект в субрегионе Меконга по борьбе с торговлей детьми и женщинами в октябре 2008 г., заменив его в июне 2010 г. проектом TRIANGLE – «Трехсторонние действия по защите от трудовой эксплуатации мигрантов внутри и за пределами субрегиона Меконга», который особо фокусируется на законной и безопасной миграции, а не на проблеме торговли людьми. Международная организация по миграции (International Organisation for Migration) аналогичным образом сместила акцент своей деятельности на продвижение БМ через реализацию ряда проектов, в том числе Проекта по сокращению бедности посредством безопасной миграции, развития навыков и расширения возможностей трудоустройства (Poverty Reduction through Safe Migration, Skills Development and Enhanced Job Placement project – PROMISE). И если в начале 2000-х годов торговля людьми была одним из ключевых направлений деятельности Международной организации по миграции, то сегодня торговля людьми стала одной из составляющих более широкого направления политики организации, направленной на обеспечение безопасной и легальной миграции [Molland, 2022, p. 25].

Также в первой части издания автор приводит эмпирический материал, демонстрирующий важность географического, культурного и социального контекста при исследовании БМ. Выявлены значительные различия между тем, как мигранты из Мьянмы и Лаоса интегрируются в тайское общество. Анализ программ в сфере БМ показал, что они в большей степени нацелены на мигрантов из Мьянмы, а лаосские мигранты, несмотря на официальные заявления агентств по оказанию помощи об их поддержке, практически маргинализированы. С. Молланд объясняет это тем, что благодаря языковому, культурному и социальному сходству тайцев и лаосцев последние предрасположены самостоятельно приспосабливаться к жизни в Таиланде. Тогда как мигранты из Мьянмы больше предрасположены к самоорганизации. Подобные различия определяются политическим наследием Мьянмы и Лаоса. Проживающее в Таиланде сообщество политических эмигрантов из Мьянмы помогает налаживанию контактов между агентствами ООН и некоммерческими организациями, с одной стороны, и трудовыми мигрантами из Мьянмы, с другой. При этом лаосские мигранты не имеют опыта самоорганизации вне государственных структур, что снижает эффективность их взаимодействия с рядом акторов в сфере БМ [Molland, 2022, p. 53].

Во второй части, которая называется «Модальности вмешательства», автор описывает подходы различных субъектов и агентств в сфере обеспечения БМ. Приводятся примеры того, как государственные органы и некоммерческие организации поддерживают БМ. Это осуществляется с помощью информационно-просветительских сессий, продвигающих эффективные поведенческие практики и предусматривающих консультирование мигрантов до их отъезда по вопросам административных формальностей (например, получению паспортов и разрешений на работу) и существующих механизмов помощи (например, горячие линии).

В качестве одного из примеров приводится Консорциум трудовой миграции (Labour Migration Consortium – LMC) – некоммерческая структура, реализующая программы БМ. Организация является ключевым агентством в данной сфере и работает в деревенских общинах в одном из приграничных районов Мьянмы с высоким уровнем эмиграции в Таиланд. LMC занимается информированием мигрантов о возможностях БМ перед их отъездом, а также взаимодействием с возвращающимися мигрантами с целью поддержки развития местных сообществ, обычно связанного с притоком денежных переводов от трудовых мигрантов на родину [Molland, 2022, p. 67]. Информационные модули, с которыми в ходе мероприятий LMC знакомятся члены сельских сообществ, включают в себя сведения: о законах и правилах, определяющих практики легальной или нелегальной миграции; о том, как мигрировать, используя услуги лицензированных агентств по найму; о правах человека и работника; о важности установления и поддержания социальных связей при миграции для снижения ее рисков (например с друзьями или родственниками, которые являются мигрантами, и с теми, кто остается на родине); об особенностях культуры и этикета в стране-реципиенте; о стратегии сбережений заработанных денег и их переводе родственникам, остающимся на родине [Molland, 2022, p. 68].

Автор книги отмечает, что в Лаосе подготовка к миграции лиц, принявших решение уехать на заработки за границу, осложнена несколькими причинами. Во-первых, в связи с особенностями политического контекста многие некоммерческие организации испытывают трудности с получением разрешений для проведения мероприятий по повышению осведомленности о практиках миграции в сельских поселениях. Этот факт был выявлен в ходе опроса сотрудников гуманитарных организаций в сфере БМ. Во-вторых, трансграничная миграция лаосцев в Таиланд осуществляется как через легальные каналы, так и через неформальные пункты перехода границы, что ограничивает возможности повышения осведомленности, например путем распространения листовок и других информационных материалов среди мигрантов в пунктах их выезда из страны [Molland, 2022, p. 78].

На уровне государств региона Меконга центральную роль в реализации БМ играют юридические документы, наделяющие мигрантов конкретными правами и обязанностями, которые призваны обеспечить безопасность процесса миграции. Автор рассматриваемой работы подчеркивает, что наиболее значительное изменение в трудовой миграции региона Меконга за последние два десятилетия связано с ее большей формализацией. Если в начале 2000-х годов большинству трудовых мигрантов было трудно получить легальный статус, то теперь все большее их число обладает полным или частичным формальным миграционным статусом (паспорт, разрешение на работу и т.д.) [Molland, 2022, p. 84]. Центральную роль в операционализации потоков легальной трудовой миграции в регионе играют лицензированные агентства по найму. При этом для их деятельности характерно использование формальных и неформальных цепочек найма.

В 2017–2018 гг. правительство Таиланда инициировало реформу своей политики в области трудовой миграции, включающую значительное увеличение (с 100 тыс. бат, или 3234 долл. до 5 млн бат, или 161 740 долл.) банковских гарантий, которые должны иметь агентства по трудоустройству. Это привело к сокращению числа агентств и облегчило задачу по их контролю. Кроме того, значительная сумма банковской гарантии стала мощным инструментом «принуждения» агентств действовать в рамках правового поля (например, избегать найма мигрантов сверх установленных квот), так как в случаях неправомерных действий агентств банковская гарантия удерживается государством. Тайское правительство стремится таким образом искоренить в рамках системы найма рабочей силы «лазейки», способствующие эксплуатации и торговле людьми [Molland, 2022, p. 89].

В 2018 г. правительство Таиланда создало несколько миграционных центров в приграничных районах, занимающихся обработкой визовых и паспортных данных, их сверкой с биометрическими данными и выдачей разрешения на работу. Пока обрабатываются документы, мигранты проходят так называемое «обучение по прибытии» («post-arrival training») в форме одно-двухчасового информационного занятия. Содержание тренинга напоминает занятия, проводимые некоммерческими организациями и агентствами ООН перед принятием решения о миграции и перед отъездом («pre-decision and pre-departure trainings»). Мигранты знакомятся с паспортными и визовыми требованиями, информируются об их трудовых правах (таких как минимальная заработная плата, право на ежегодный отпуск и т.д.), а также о том, как они могут пользоваться услугами системы социального обеспечения и здравоохранения Таиланда. Автор отмечает, что, объединив функции обучения мигрантов посредством информирования о практиках БМ и процедуре их идентификации (паспорт, виза и разрешение на работу), тайское правительство создало миграционные центры, играющие центральную роль в формировании мигрантов идеального типа: легальных, зарегистрированных и информированных [Molland, 2022, p. 96].

Еще одним элементом поддержки БМ в Таиланде как стране – реципиенте миграции из Мьянмы и Лаоса являются центры для мигрантов («one-stop centres»), часто расположенные в торговых центрах или возле них в мобильных фургонах. В них осуществляется регистрация в системе социального обеспечения; запись на медицинский осмотр, анализ крови и другие процедуры медицинского скрининга; снимаются отпечатки пальцев и делается фотография для оформления документов в государственном департаменте занятости; оплачивается комиссия за обработку документов и других собранных в процессе регистрации данных; в паспорт ставится визовая печать [Molland, 2022, p. 103].

Автор подчеркивает тот факт, что, хотя правовой статус мигрантов способствует формированию условий для БМ, он также может создавать определенные трудности для мигрантов. Например, существуют распространенные практики, когда работодатель удерживает паспорта ми-

грантов. Такая ситуация, помимо прочего, делает невозможным получение мигрантами разного вида помощи, так как наличие документов необходимо для подачи официальных жалоб. В связи с этим в данном разделе уделяется особое внимание тому, как программы в сфере БМ пытаются создать сети поддержки («safety nets») для мигрантов путем предоставления информационно-консультационных услуг и организации горячих линий поддержки [Molland, 2022, p. 111].

Анализ работы горячих линий показал, что она не ограничивается предоставлением информации или экстренным реагированием. Подобные некоммерческие организации также предоставляют советы, служащие условием для использования мигрантами инструментов самопомощи. Это особенно актуально в ситуации, когда специалисты проводят консультации по телефону и не могут физически участвовать в разрешении той или иной проблемы мигранта. Автор отмечает, что такие подходы напоминают «прямую помощь» в том смысле, что консультации даются в ответ на конкретные случаи, а не содержат лишь общую информацию о трудовых и миграционных правах и обязанностях [Molland, 2022, p. 118].

Работа горячих линий в сфере БМ значительно расширяет пространственный охват мигрантов, нуждающихся в помощи, однако отсутствие физического контакта все же сопряжено с проблемами. Автору удалось выявить ряд из них. Во-первых, обращение на горячую линию может подвергать мигрантов опасности депортации. Во-вторых, обращающиеся за поддержкой нередко сталкиваются с бюрократическим формальным подходом и равнодушием операторов горячих линий. В-третьих, сотрудники некоммерческих организаций, поддерживающих работу горячих линий, отмечают, что часто для реализации более эффективной помощи мигрантам необходимо присутствие непосредственно «на месте», т.е. иметь непосредственный контакт с человеком, нуждающимся в поддержке [Molland, 2022, p. 119].

В отличие от горячих линий, поддержка БМ внутри местных сообществ и соответствующая работа с населением осуществляется посредством личных встреч с мигрантами в виде либо учебных занятий, проводимых в разнообразных общественных пространствах, ресурсных центрах для мигрантов и языковых школах, либо в виде выездов представителей некоммерческих организаций в места, где собираются мигранты (общежития или буддийские храмы). Такие мероприятия обычно преследует двоякую цель: предоставление трудовым мигрантам консультаций по трудовому законодательству, визам, оформлению разрешений на работу и различных практических советов по трудовой миграции, а также прямую помощь, касающуюся недоплат за выполненную работу, требований о разнообразных компенсациях для работников и других нарушений норм трудового права. Кроме того, некоторые программы в сфере БМ, реализуемые в рамках местных сообществ, предоставляют мигрантам различные формы профессионального и языкового обучения [Molland, 2022, p. 120].

Третья часть книги называется «Опосредованная безопасность» («Safety Mediated») и посвящена анализу того, как различные формы поддержки БМ пересекаются с распространенными на местах практиками посредничества в поддержке трудовой миграции.

В последние годы в Таиланде более миллиона мигрантов стали обладателями медицинской страховки и еще большее число мигрантов воспользовалось услугами здравоохранения, прежде всего в больницах в приграничных зонах и районах с высокой концентрацией мигрантов. Помимо получения медицинской помощи в связи с несчастными случаями, происходящими на рабочем месте, мигранты используют систему здравоохранения для получения ряда медицинских услуг, включая вакцинацию, сопровождение беременности и т.д. [Molland, 2022, p. 136]. Таким образом, учреждения здравоохранения можно рассматривать как одну из ключевых точек контакта между мигрантами и тайским государством, отличающуюся от других, где мигранты взаимодействуют с представителями полиции и иммиграционных служб и рискуют быть депортированными при отсутствии необходимых документов. Во многом благодаря усилиям некоммерческих организаций, в последние годы услугами здравоохранения в Таиланде могут пользоваться мигранты вне зависимости от их статуса [Molland, 2022, p. 138].

Отмечается, что, работая на местах, сотрудники некоммерческих организаций и переводчики-волонтеры, помогающие мигрантам, создают своего рода «гуманитарные коридоры», которые обеспечивают доступ к здравоохранению для незарегистрированных мигрантов. Кроме того, некоммерческие организации часто устанавливают неформальные отношения с государственными чиновниками (например с полицией) и пытаются контролировать, чтобы попавшие в беду мигранты (например обратившиеся по телефону на горячую линию) или ставшие жертвами торговли людьми получали соответствующий статус (дающий право на уход и защиту), а не рассматривались в качестве нелегальных мигрантов (которые подлежат депортации) [Molland, 2022, p. 138].

В значительной степени поддержка БМ зависит от практик посредничества («brokering») и сама стимулирует возникновение этих практик. Посредники (брокеры) могут играть в рамках БМ следующие роли: переводчика для полиции; информатора полиции; сопровождающих мигрантов в учреждениях здравоохранения; помощников в организации отправки денег (осуществлении денежных переводов) на родину или в делах, связанных с переоформлением просроченных документов и составлением претензий на получение каких-либо компенсаций. Они также активно привлекают мигрантов к участию в тренингах, проводимых некоммерческими организациями [Molland, 2022, p. 159].

Автор выделяет ряд характеристик, часто присущих посредникам, продвигающим БМ. Во-первых, по социальному положению они в большинстве случаев сами являются мигрантами, благодаря чему обладают знаниями о процессах миграции и соответствующей инфраструктуре. Во-вторых, их посредничество соединяет социальных акторов, которые в какой-то степени являются

обособленными и оппозиционными друг другу (работодатели, госорганы и мигранты). В-третьих, взаимозависимость между социальными акторами структурирует их социальные позиции и практики (например, полиция «обменивает» услуги переводчика или информатора на снисходительность к мигрантам при рассмотрении миграционных дел). В-четвертых, ключевой характеристикой их деятельности является умение ориентироваться в сверхсложных схемах и процедурах, регулирующих миграцию [Molland, 2022, p. 163].

Заключение

Представленная в книге информация свидетельствует о том, что формирующиеся практики в рамках концепции БМ открывают пространство для сотрудничества разнообразных акторов, в котором могут быть реализованы соответствующие программы с участием государственных агентств, международных организаций, местных некоммерческих организаций по оказанию помощи мигрантам и т.д. Особый интерес с точки зрения возможности практического использования вызывает материал, посвященный мероприятиям по формированию у мигрантов поведенческих практик, которые способствуют обеспечению БМ и включают в себя подготовку перед отъездом, а также повышению осведомленности о процессе миграции и сопровождающих его процедурах.

Вместе с тем для будущих исследований концептуальных основ и практической реализации БМ представляется актуальным также рассмотреть направления политики и возможные социальные практики, повышающие безопасность мигрантов путем роста осведомленности о БМ среди работодателей и ориентированные на более широкие слои общества – в целях улучшения отношения к мигрантам и сокращения рисков их дискриминации в принимающей стране в целом.

Список литературы

1. Bylander M. Is regular migration safer migration? Insights from Thailand // J. on migration and human security. – 2019. – Vol. 7, N 1. – P. 1–18.
2. Global Compact For Safe, Orderly And Regular Migration. – New York : United Nations, 2018. – 34 p.
3. Huijsmans R. Gender, masculinity, and safety in the changing lao-thai migration landscape // Migration, gender and social justice: Perspectives on human insecurity / Ed. by Th.-D. Truong. – London : Springer, 2014. – P. 333–349.
4. Kiss L., Zimmerman C. South Asia work in freedom three-country evaluation: A theory-based intervention evaluation to promote safer migration of women and girls in Nepal, India and Bangladesh. – London : London School of Hygiene and Tropical Medicine, 2019. – 35 p.
5. Molland S. Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 219 p.
6. Molland S. The perfect business? Anti-trafficking and the sex trade along the Mekong. – Honolulu : University of Hawai'i Press, 2012. – viii, 264 p.

SAFE MIGRATION

A review of the book: Molland S. *Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia*. – Oxon, New York : Routledge, 2022. – 219 p.

Pryazhnikova Olga

Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Keywords: *safe migration; the Mekong River region; labour migration; non-profit organizations; international agencies.*

For citation: Pryazhnikova O.N. Safe migration: a review of the book: Molland S. *Safe Migration and the Politics of Brokered Safety in Southeast Asia* // *Social Novelties and Social Sciences*. – 2023. – No 1 – P. 150–159.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 1 (10) / 2023

ДИНАМИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИЙ

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, 117418

<http://inion.ru>

электронный адрес редакции

e-mail: sns-journal@bk.ru

Подписано на выход в свет – 12/IV – 2023 г.

Формат 60×90/8

Уч.-изд.л. 10,0